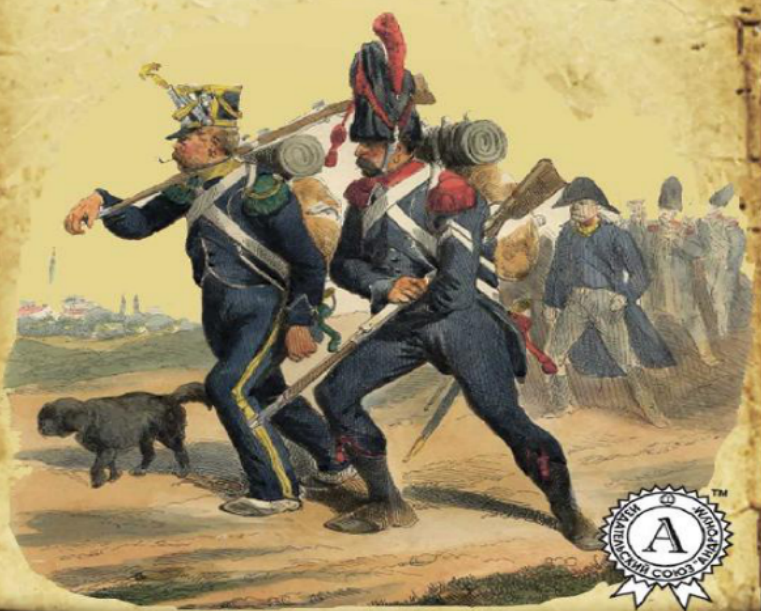
Adrien Jean Baptiste François de Bourgogne

Мемуары наполеоновского гренадера



Адриен Жан Батист Франсуа
Бургонь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами действительно уникальное произведение – впервые переведенные на русский язык мемуары гренадера-фузилёра Императорской Гвардии Наполеона Адриена Бургоня (1785 – 1867), который ярко и эмоционально рассказывает об одной из самых трагических войн 19 века – Русской кампании Наполеона 1812-13 гг. Обычный солдат, сержант Бургонь, участник этой кампании, подробно описывает свой путь в этой кампании: бои, в которых он участвовал, своих друзей, людей, с которыми он встречался. Человек по натуре наблюдательный, он уделяет внимание мельчайшим деталям. Именно эта литературная манера Бургоня делает его мемуары не просто интересной книгой, но и ценнейшим источником информации о самой трагической кампании императора Наполеона.

- Адриен Жан Батист Франсуа Бургонь
  - ОТ ПЕРЕВОДЧИКА
  - ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ 1899 Г.
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ГЛАВА VII
  - ГЛАВА VIII
  - ГЛАВА IX
  - ГЛАВА X
  - ГЛАВА XI
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 8
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 8
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111

Адриен Жан Батист Франсуа Бургонь
МЕМУАРЫ НАПОЛЕОНОВСКОГО ГРЕНАДЕРА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод «Мемуаров» Адриена Бургоня на русский сделан по изданию:

Memoirs of Sergeant Bourgogne.1812–1813 / Compiled from the Original MS, by Paul Cottin; illustrated. – New York: Doubleday amp; McClure Company, 1899. – 356 pp.

На русский язык в полном объёме это произведение переводится впервые.

При работе над переводом на русский язык использовались следующие издания: частичный русский перевод (Пожар Москвы и отступление французов.1812 год: Воспоминания сержанта Бургоня (Memoires du sergent Bourgogne) / Пер. с фр. Л. Г. – СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1898. – 286 с.) и оригинальный французский текст (Memoires du sergent Bourgogne (1812–1813) / Publies d'apres le manuscript original par Paul Cottin et Maurice Henault.– 6e ed.– Paris: Librairie Hachette et Cie, 1910.– 355pp.)

Перевод любых мемуаров – довольно сложная стилистическая проблема. Особенно, если их автор не профессиональный писатель, а обычный человек среднего класса и среднего уровня образования, именно таким был Адриен Бургонь. Он сам определил цель написания своих мемуаров и, руководствуясь ею, пишет простым, понятным языком, хотя не лишённым неуклюжестей и литературных огрехов. В его воспоминаниях много юмора, много драматических и трагических сцен и диалогов и, благодаря живому языку и искренности автора, читатель легко может представить себе и его самого, его друзей и тех, с кем ему приходилось встречаться. Поэтому переводчик стремился сохранить эту манеру автора и передать её средствами русского языка.

Для удобства читателя все примечания сделаны в виде постраничных сносок, благо, их оказалось немного. Отмечены такие категории, как собственные и географические названия и малопонятные места, требующие пояснений.

Следует отметить, что американский переводчик весьма точно, практически слово в слово перевёл на английский французский текст, однако, весьма небрежно обошёлся с переводом мер длины. Таким образом, лье превратились в лиги,

шаги – в ярды, и т. п. Поскольку в данном контексте меры длины – одна из важнейших составляющих, все они приведены по французскому оригиналу. То же самое относится и к некоторым именам собственным – все они транслитерированы на русский по французскому тексту.

Кроме того, было обнаружено множество мелких опечаток – все они исправлены и особого комментария не требуют но, самые любопытные из них переводчик счёл нужным прокомментировать также в постраничных сносках.

Виктор Пахомов.

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ 1899 Г.

Адриен Жан – Батист Франсуа Бургонь родился в семье торговца тканями в Конде – на – Шельде (Северный департамент). 12-го ноября 1805 года ему исполнилось двадцать лет. В те времена военная карьера и слава были главной и единственной мечтой молодёжи. Чтобы осуществить эту мечту, отец Бургоня способствовал его поступлению в корпус велитов Гвардии, где необходимым условием был фиксированный доход курсанта.

Изначально велитами назывались легковооружённые римские солдаты, в задачи которых входило начинать битву и разведка (velitare). В год XII-й, когда революция подошла к концу, два корпуса велитов – по 800 человек в каждом, стали гренадерами и конными гренадерами Консульской Гвардии.

В мирное время каждый кавалерийский полк располагал эскадроном велитов, состоявшим из двух рот по 125 человек в каждой, а при каждом пехотном полку состоял батальон велитов, состоящий из двух рот по сто пятьдесят человек в каждой. Форма велитов, была такая же, как и у тех частей войск, к которым они причислялись.

На велитов обучали сначала в Сен-Жермен-Ан-Лэ, а затем в Экуане и в Фонтенбло. Бургонь посещал классы арифметики, грамоты, рисования, гимнастики, учреждённые с целью довершить военное образование этих будущих офицеров, поскольку через несколько лет наиболее способные получали звание су – лейтенанта.

Через несколько месяцев Бургонь вместе с товарищами отправился в поход; началась кампания 1806 года. Сначала он попал в Польшу, где был произведён в капралы. Два года спустя он участвовал в битве при Эслинге, где был дважды ранен.[1] С 1809 по 1811 г. он сражался в Австрии, в Испании, в Португалии. 1812 год застал его в Вильно, где Император сосредоточил свою гвардию перед выступлением против России. Бургоня произвели в сержанты. Он много путешествовал. Он побывал в разных странах, вёл дневник и делал записи обо всем, что видел.

Какой это был бы клад для истории армии, эпохи Первой

Империи, если бы он действительно оставил полные свои воспоминания! Ведь даже фрагмент или часть его дневника вызывает огромное желание прочитать весь.

Воспоминания Де Сегюра о Русской кампании в комплиментах не нуждаются. Но, тем не менее, этот поход, так сказать, не пережит им самим, и не мог быть пережит. Состоя при генеральном штабе, Де Сегюр сам не испытал тех страданий, которые выпадали на долю солдат и офицеров армии – и о которых мы хотим знать как можно больше.

Этими подробностями и интересны мемуары Бургоня – этот человек умел видеть и рассказать об увиденном. В этом отношении он не уступает капитану Куанье, записки которого издал Лоредан Ларше. «Тетради» Куанье, сделавшиеся классическими в своём роде, открыли собой новую серию военных мемуаров, принадлежащих обычным людям. Точное описание их впечатлений, вероятно, будет ценным и интересным.

Нам нет необходимости особо подчёркивать драматизм картин, описанных Бургонем. Мы можем лишь отметить описание оргии в церкви в Смоленске, кладбища устланного множеством обледеневших трупов, через которые несчастный шагает, пробираясь к храму, привлекаемый звуками музыки, которую он принимает за небесную, между тем как её производят пьяные люди на полусгоревшем органе, готовом рухнуть в любую секунду. Это, действительно, невозможно забыть.

Ценность этих воспоминаний и в знакомстве с психологией солдата, удручённого невзгодами – это поистине ужасающая драма голода. Бургоня нельзя упрекнуть в бессердечности: проявления эгоизма настолько противны его натуре, что вслед за ними немедленно следуют угрызения совести. По мере сил он помогает своим товарищам, спасает погибающих. Ужасы, совершающиеся на его глазах, трогают его до глубины души: он видел, как солдаты обирают падающих, но ещё живых товарищей, как другие (хорваты) вытаскивают из пламени человеческие трупы и пожирают их. Он видел, как, за недостатком перевозочных средств, войска покидали раненых, простиравших с мольбою руки, волочась по снегу, обагрённому их кровью, между тем как их товарищи безмолвно проходили мимо, размышляя о том, что их ожидает такая же участь. На берегу Немана Бургонь, напрасно просил проходивших мимо солдат, помочь ему. Один только старый гренадер подходит к нему.

«Мне нечего вам протянуть!» – говорит он, показывая кисти рук, лишённые пальцев.

Когда войска входят в города, где рассчитывают найти конец своим страданиям, в их сердцах, под влиянием надежды, разгорается чувство милосердия. Языки развязываются, люди начинают осведомляться о товарищах, самых слабых несут на скрещённых ружьях. Бургонь видел солдат, много лье тащивших на плечах своих раненых офицеров. Не забудем и тех гессенцев, которые охраняли своего молодого принца от 28-градусного мороза,[2] простояв целую ночь, сплотившись вокруг его тела.

Между тем утомление, лихорадка, морозы, плохо залеченные раны, истощение – всего этого оказалось более чем достаточно до того, чтобы сержант отстал от полка и заблудился, как многие другие.

Он бредёт медленно и мучительно в полном одиночестве, часто увязая в снегу по плечи, считая себя счастливчиком, когда удаётся ускользнуть от казаков или найти надёжное место, чтобы спрятаться. Наконец, он находит путь своей колонны по трупам, разбросанным вдоль дороги.

В кромешной тьме ночи он попал на место сражения и, спотыкаясь о трупы, нашёл того, кто слабо кричал: «Помогите!» Он искал и нашёл старого друга, гренадера Пикара, опытного старого солдата и доброго малого, природная жизнерадостность которого, помогает ему преодолеть любые невзгоды.

Услышав, однако, от русского офицера, что Император и его Гвардия захвачены в плен, Пикар, которого внезапно охватил безумный порыв, выхватил оружие и крикнул: «Vive l'Empereur!» – как на параде.

Этот факт является самым примечательным – солдат, несмотря на все его страдания, никогда не обвинял единственную причину его несчастий. Он сохранял верность и преданность, будучи в убеждении, что Наполеон знает, как спасти армию и отплатить. Это была религия солдат. Пикар, как и все старые солдаты Императора, думал, что когда они с ним, все хорошо, всегда с ними удача что, с Императором ничего нет невозможного. До определённого момента Бургонь разделял эту точку зрения. И все же, когда они вернулись во Францию, его

полк сократился до 26 человек!

Их кумир всегда глубоко трогает их. Когда Пикар увидел его перед переправой через Березину, он прослезился и воскликнул: «Наш Император идёт пешком! Он – этот великий человек, которым все мы так гордимся!»

Наконец в марте 1813-го года Бургонь вернулся к себе на родину, получил звание су-лейтенанта 145-го пехотного полка и вместе с полком отправился в Пруссию. Раненый в сражении при Дессау (12 окт. 1813 г.) он попал в плен.

Свои часы досуга в плену он провёл в приведении в порядок своих недавних переживаний и делал заметки. Они, как и письма, написанные им своей матери, впоследствии образуют «Мемуары». Кроме того, он говорил о прошлом со старыми товарищами, список которых он приводит, и которые добавили свои воспоминания к его воспоминаниям.

При первом возвращении Бурбонов[3] он подал в отставку под предлогом оказания помощи родителям в поддержания многочисленной семьи. Вскоре после этого он женился.

Его семейная жизнь тоже подчас была нелёгкой: Бургонь это почувствовал после смерти жены, оставившей на его руках двух дочерей. Он женился вторично[4] и от второго брака имел ещё двоих детей.

Занявшись сперва торговлей мануфактурными товарами, как и отец, он, однако, скоро бросил свой магазин и занялся промышленным производством, но прогорел. Его скромный образ жизни и оптимизм помогли ему вынести эти невзгоды, не помешавшие дать приличное воспитание своим дочерям. Он боготворил их и сумел привить им любовь к искусству, которым сам страстно увлекался: одна посвятила себя музыки, другая – живописи. Обладая приятным голосом, он часто пел в конце семейных трапез, по тогдашнему обычаю, теперь совершенно исчезнувшему. В своей квартире он собрал неплохую коллекцию картин, редкостей, сувениров и многие приходили на неё смотреть.

Во время каждой поездки в Париж, он никогда не забывал посетить своих старых товарищей в Доме Инвалидов. В родном городе он ежедневно виделся с несколькими из них в кофейне и

там они беседовали о своих походах. Ежегодно они отмечали званым обедом годовщину вступления французов в Москву и по очереди пили из чаши, привезённой из Кремля: солдаты Старой Гвардии возводили прошлое в какой-то культ.

С наступлением событий 1830 года и возвратом трёхцветного знамени[5] он решил опять поступить на службу. Семья его пользовалась некоторым влиянием в Конде, где брат его работал врачом.[6]

Депутат от Валансьена, Ватимениль, бывший министр Людовика XVIII и Карла X, не преминул поддержать храброго воина, участвовавшего в 9-ти походах, трижды раненого и не пользовавшегося никакими милостями от предыдущего правительства. Как законную награду он просил назначения Бургоня на должность плац-коменданта, в то время вакантную в Конде. Письмо к маршалу Сульту, тогдашнему военному министру, было скреплено подписями двух других депутатов Северного департамента, Бригода и Мореля. Ответа всё не было, и две недели спустя г-н Ватимениль возобновил своё ходатайство.

«Это назначение, – писал он, – было бы весьма полезным не только в военном отношении, но и в политическом. В одном лье от Конде находится замок Эрмитаж, принадлежащий герцогу Де Круа, и там собирается кружок недовольных. Я далёк от подозрений, что они замышляют что-либо дурное! Но всё-таки осторожность требует, чтобы укреплённый пост, так близко лежащий от этого замка и на самой границе, был вверен надёжному офицеру. Я отвечаю за энергичность г-на Бургоня…» Если же нельзя назначить Бургоня на эту должность, он, во всяком случае, требовал для своего протеже ордена Почётного легиона.

Между тем о Бургоне совсем забыли в министерстве и не признавали за ним никаких заслуг. Ватимениль вынужден был составить послужной список Бургоня, который и послал туда 24-го сентября. Два месяца спустя, 10-го ноября, бывший велит, наконец, был назначен плац – адъютантом, но не в Конде, а в Бресте. Для Бургоня это было неудобно, слишком далеко, но пришлось принять место, чтобы так сказать вдеть ногу в стремя. Затем крест, полученный им 21 марта 1831 года, утешил его и дал силу потерпеть ещё, если и не забыть свою родину. Вскоре опять было предпринято ходатайство о получении места плац-адъютанта в Валансьене. Бургонь не забыл упомянуть при этом о своём звании избирателя, в то время очень важном. Наконец

мечта его осуществилась 25 июля 1832 года, и до сих пор в Валансьене не забыли оказанных им услуг, в особенности во время революции 1848 года. В отставку он вышел в 1853 г. с пенсией в 1,200 франков.[7]

Бургонь умер в возрасте 80-ти лет, 15-го апреля 1867 года, двумя годами позже знаменитого Куанье, которому было 90. Суровые испытания, через которые прошли эти люди, не оказали влияния на длительность их жизни. Они оказались исключительно сильны, чтобы выдержать их. К несчастью последние дни Бургоня были омрачены физическими страданиями, но, ни хорошее настроение, ни оптимистический его характер не пострадали. Мадам Буссье, одна из его племянниц, пришла к нему после смерти второй жены, чтобы заботиться о нем и своей добротой и лаской сделать для него все возможное.

Здесь мы публикуем два его портрета. Одним из них является факсимиле по рисунку Альфонса Шиго – это Бургонь в профиль, одетый в обычную одежду, после ухода со службы. Другой – ранняя литография, показывает его в возрасте сорока пяти лет, суровым и официальным, с жёстким взглядом, олицетворением командира. Мы знаем, однако, что его природная доброта показывает нам правоту утверждения поэта:

> «Garde-toi, tant que tu vivra,
> De juger les gens sur la mine!»

«Пока живете, остерегайтесь судить о людях по их внешности». Жан Лафонтен (перевод мой. – В.П.)

Добавим, что в молодости он слыл красивым солдатом, его рост и военная выправка впечатляли.[8] Мы не делали никаких изменений в тексте, лишь исправили ошибки правописания и сделали незначительные сокращения. Меньше щепетильности было проявлено в тексте (L`Écho de-la-Frontiere') – которая в 1857 году опубликовала часть мемуаров Бургоня. Исправления были такие тщательные, что весь неповторимый дух оригинала пропал.

Коллекция L`Écho de-la Frontière очень редкая. Один экземпляр, я знаю, хранится в Библиотеке в Валансьене. Отдельное издание мемуаров Бургоня мы нашли только двух экземплярах, один в Национальной библиотеке, другой в библиотеке барона Оливье де Ваттвилль (Watteville). Они

содержат только часть текста, опубликованного в газете, и заканчиваются на стр. 176 настоящего издания. В L'Écho-de-la Frontière объем текста 286 стр. Поэтому мы дополнили эти мемуары до объёма неопубликованных работ для их публикации в 1896 году в Nouvelle Revue Rétrospective.[9]

Мы очень благодарны Морису Эно, хранителю документов в Валансьене за помощь в поисках рукописи, в настоящее время хранящейся в Городской библиотеке. Он сделал гораздо больше, скопировав её собственноручно, все 616 страниц, тем самым обеспечив точность копии.

Мы также выражаем нашу благодарность г-ну Огюсту Молинье (M. Auguste Molinier) за оригинальную идею опубликовать рукопись для Nouvelle Revue Rétrospective и г-ну Эд. Мартелю (M. Ed. Martel) за помощь в контактах с семьёй Бургоня в Валансьене и Конде. Мы должны также упомянуть племянников нашего героя: г-на доктора Бургоня (M. le Docteur Bourgogne), г-на Амадея Бургоня (M. Amadee Bourgogne), г-на Лорио (M. Loriaux) – его бывшего лэндлорда и г-на Поля Мармотто (M. Paul Marmottau), которые оказали нам ценную помощь в нашей работе.

ПОЛ КОТТЕН.
13 декабря 1896 г.

ГЛАВА I

ОТ АЛМЕЙДЫ ДО МОСКВЫ

Это было в марте месяце 1812 года, в то время мы воевали против английской армии под командованием Веллингтона, у Алмейды, в Португалии, и там получили приказ идти в Россию.

Мы пересекли Испанию, каждый день, был отмечен боями, иногда по два в день и, таким образом, пришли в Байонну, первый город на территории Франции.

После выхода из города мы прошли ещё столько же и прибыли в Париж, где рассчитывали остаться и отдохнуть, но спустя сорок восемь часов Император устроил смотр и решил, что мы не нуждаемся в отдыхе. Мы зашагали по улицам. Затем мы свернули налево на улицу Сен-Мартин, пересекли Ла-Вилле и увидели несколько сотен повозок и других транспортных средств, ожидающих нас; мы остановились. Нам приказали сесть по четыре человека в каждую повозку, взмах кнута – и мы уже в Мо. Оттуда дальше к Рейну в фурах, мы ехали день и ночь.

Мы останавливались в Майнце, перешли Рейн, потом пешком через Великое герцогство Франкфуртское,[10] Франконию, Саксонию, Пруссию и Польшу. Мы пересекли Вислу у Мариенвердера,[11] вступили в Померанию, и утром 25-го июня – был солнечный день (а вовсе не плохая погода, как утверждал Де Сегюр), мы пересекли Неман на наших понтонах, и вошли в Литву, первую провинцию России.

На следующий день мы оставили нашу первую позицию и без особых приключений шли до 29-го июня, но в ночь с 29-го на 30-е услышали страшный грохот – гром, сопровождаемый яростным ветром. Огромные тучи проносились над нашими головами. Буря продолжалась более двух часов, но лишь за несколько минут она потушила наши костры, разрушила палатки, разбросала уложенное оружие. Мы растерялись и не знали куда бежать. Я побежал в деревню, где размещался штаб – только свет молний освещал мой путь – вдруг, при одной из вспышек мне показалась, что я вижу дорогу, но это, к сожалению, оказался огромный овраг, наполнившийся водой от дождя до уровня земли. Думая, что под ногами твёрдая земля, я шагнул и погрузился в воду. Я поплыл к

другому берегу и, наконец, добрался до деревни. Я вошёл в первый попавшийся дом и оказался в комнате, заполненной, примерно, двадцатью мужчинами – офицерами и прислугой – все спали. Занял скамью рядом с большой тёплой печью, разделся, отжал воду из рубашки и другой одежды, развесил, чтобы она высохла, и свернулся калачиком на скамейке; когда рассвело, я оделся и покинул дом, чтобы проверить своё оружие и ранец, которые нашёл, валявшимися в грязи.

30-е июня. Ласковое солнце все высушило, и в тот же день мы достигли Вильно,[12] столицы Литвы, куда с частью своей Гвардии накануне прибыл Император.

Там я получил письмо от моей матери, внутри письма было вложено ещё одно, адресованное Констану – Главному Камердинеру Императора, он родом из Перювельза,[13] из Бельгии. Это письмо было от его матери, она была знакома с моей. Я отправился к резиденции Императора, чтобы доставить письмо, но встретил только Рустана, Императорского мамлюка, [14] который сказал мне, что Констан уехал с Его Величеством. Он предложил мне подождать его возвращения, но, поскольку я был на дежурстве, я не мог так поступить. Я отдал ему письмо и решил вернуться, чтобы увидеть Констана потом. Но на следующий день, 16-го июля, мы покинули город в десять часов вечера в направлении Борисова, а 27-го находились уже недалеко от Витебска, где столкнулись с русскими. Мы заняли позицию на возвышенности над городом. Противник занял холмы справа и слева.

Кавалерия под командованием Мюрата, уже произвела несколько атак. Мы увидели 200 вольтижёров 9-го полка – они находились слишком далеко, и их атаковала русская кавалерия. Если бы помощь не пришла быстро, наши люди погибли бы, так как река и глубокие овраги делали доступ к ним очень сложным. Но ими командовали доблестные офицеры, которые поклялись, как истинные мужчины, что покончат с собой, но не потеряют честь. Вольтижёры построились в каре под непрерывным огнём неприятеля, но их нервы не дрогнули. Они были полностью окружены, полк улан, и другие тщетно пытались прорваться к ним, и вскоре вокруг них вырос огромный вал из убитых и раненых людей и лошадей. Этот вал оказался непреодолимым препятствием для русских, которые в ужасе бежали в беспорядке, под радостные крики всей нашей армии.

Наши люди вернулись спокойно, как победители, которые не

впервые встречаются с врагом лицом к лицу. Император сразу послал за отличившимися в бою и наградил их орденом Почётного легиона. С противоположной высоты русские тоже видели бой и бегство своей конницы.

После этого боя мы устроили наши бивуаки, и сразу после этого я нанёс визит двенадцати молодым людям, землякам из Конде – десятерым барабанщикам, их тамбурмажору и капралу-вольтижёру. Все они были при оружии. Я сказал им, сколько радости мне доставляет видеть их и выразил сожаление, что мне нечего им предложить. Тамбурмажор сказал: «Mon pays, мы пришли сюда не за этим, но прошу вас пойти с нами и разделить с нами то, что у нас есть – вино, водку, и другие вкусные вещи. Мы захватили их вчера вечером у русского генерала. Это небольшая повозка с кухней и всем необходимым для неё. Мы определили все это в нашу полевую кухню Флоренсии, нашей маркитантке. Она – прелестная испанка. Возможно, она станет моей женой: я защищаю её – с честью, могу вам сказать».

Сказав это, он стукнул рукоятью своей длинной сабли: «Она хорошая женщина: спросите любого – никто не смеет оспорить. Она была кумиром для сержанта, который должен был на ней жениться, но погиб от руки испанца из Бильбао и ей пришлось искать кого-нибудь другого, кто бы мог о ней позаботиться. Все, тогда, mon pays, решено – вы идёте с нами. Где есть место для троих, найдётся место и для четвёртого. Ну, вперёд! Марш!»

И мы отправились в расположение нашего корпуса, сформированного для авангарда.

Таким образом, мы добрались до лагеря уроженцев Конде. Нас было четверо: драгуны Миле, мой земляк из Конде и Фламан из Перювельза, унтер-офицер моего полка Гранжье и я. Мы уселись в тележке маркитантки. Она, действительно, была очень красивая испанка, и была невероятно рада видеть нас, поскольку мы недавно вернулись из её страны и могли неплохо говорить на её языке – а драгун Фламан лучше всех – так мы просидели всю ночь, пили вино русского генерала и говорили о нашей стране.

Все закончилось, когда раздался грохот пушечных выстрелов. Мы разошлись по своим местам, надеясь встретиться вновь.

Бедные мальчики, я не мог даже подумать, что через несколько дней одиннадцатеро из них погибнет.

28-е июля. Мы ожидали битвы, но русская армия отступила, и

в тот день мы вошли в Витебск, где остановились на две недели. Наш полк занял одно из предместий города.

Меня поселили у еврея, у которого была красивая жена и две очаровательные дочери с прекрасными округлыми лицами. В доме имелись небольшой чан для изготовления пива, ячмень и ручная мельница, но не было хмеля. Я дал еврею двенадцать франков, чтобы он купил его и, опасаясь, что он не вернётся, мы держали Рашель, его жену, и двух его дочерей в качестве заложников. Однако, спустя сутки, Яков, еврей, вернулся с хмелем. Пивоваром нашей компании был Фламан, он сварил нам пять бочек отменного пива.

13-го августа, когда мы покидали город, оставалось ещё две бочки пива; мы поручили их Матушке Дюбуа, маркитантке. Её осенила блестящая идея ехать позади и выгодно зарабатывать на продаже пива людям, которые шли за нами, поскольку в такую изнуряющую жару мы были на волосок от смерти от жажды.

Рано утром 16-го августа мы были недалеко от Смоленска. Враг снова отступил, и мы заняли позиции на «Священном поле», как называют его местные жители. Этот город окружён очень крепкими стенами, укреплёнными старыми башнями, часть из них построена из дерева. Борисфен (Днепр) протекает через город. Осада началась, стену проломили очень быстро, но 17-го утром, при подготовке к захвату, к нашему удивлению, мы обнаружили, что город покинут. Русские отступили, но разрушили мост, и с господствующей над городом возвышенности осыпали нас бомбами и гранатами.

В течение этого дня осады я с одним из моих друзей, был на заставе, откуда батареи обстреливали город. Маршал Даву командовал этой позицией. Узнав, что мы из Гвардии, он пришёл к нам и спросил, где Императорская Гвардия. И добавил, что русские вышли из города и наступают в нашем направлении. Он немедленно приказал батальону лёгкой пехоты захватить передовые позиции, выразив это в такой команде: «Если враг сделает, хоть шаг вперёд, отправьте его обратно».

Вспоминаю старого офицера этого батальона, который шёл вперёд и пел песню Роланда:

> «Combien sont-ils? Combien sont-ils?
> C’est le cri du soldat sans gloire!»

«Сколько их? Сколько их?
Это крик солдата без славы!»[15]

(перевод мой. – В.П.)

Пять минут спустя батальон пошёл в штыковую атаку и заставил русских вновь войти в город.

На обратном пути в лагерь, нас чуть не убило гранатой, другая упала на сарай, в котором жил маршал Мортье, и подожгла его. Среди солдат, носивших воду для тушения огня, я узнал моего земляка, он служил в Молодой Гвардии.[16]

Кроме того, я посетил кафедральный собор в Смоленске, там приютилось множество жителей – их дома уничтожили артиллерия и пожары.

21-го августа числа мы выступили, и в тот же день пересекли равнину у Валутино, где два дня назад произошла страшная битва, и был убит храбрый генерал Гюден.

Мы продолжали двигаться вперёд и форсированным маршем прибыли в город Дорогобуж. Ушли мы оттуда 24-го августа и гнали русских до самой Вязьмы, которая уже горела. Там мы нашли водку и немного еды. В Гжатск[17] мы вошли 1-го сентября; там оставались до 4-го, снова пошли вперёд и 5-го сентября снова встретили русскую армию. 61-й полк получил приказ захватить первый редут.

6-го сентября мы готовились к генеральному сражению, которое состоялось на следующий день – одни чистили ружья и другое оружие, другие меняли белье на случай ранения, кто-то составлял завещание, а самые беззаботные пели или просто спали. Вся Императорская Гвардия получила приказ явиться в полной форме.

7-го сентября, в пять часов утра мы уже стояли с оружием в руках. Проехал Император, осматривая наш строй, он был верхом на коне уже более получаса.

Битва началась в семь часов. Я не могу описать её в деталях, но все обрадовались, услышав рёв артиллерии, пребывая в полной уверенности, что на этот раз русские не сбегут, и что мы

встретимся лицом к лицу с ними. Накануне вечером и часть ночи шёл небольшой дождь, но в этот великий день погода была великолепная. Эта, как и все наши великие битвы, была выиграна артиллерией, сделавшей 120 000 залпов. Русские потеряли, по крайней мере, 50 000 человек убитыми и ранеными. Наши потери составили 17 000 человек, 43 генерала выбыли из строя, восемь из которых, насколько я знаю, были убиты. Это были: Монбран, Юар, Коленкур (брат обер-шталмейстера Императора), Компар, Мэзон, Плозонн, Лепель и Анабер. Последний был полковником полка пеших егерей Гвардии. Каждую минуту отправлялось сообщение Императору: «Сир, такой-то и такой-то генерал убит или ранен», и его место тут же заполнялось. Таким образом, полковник Анабер стал генералом. Я очень хорошо это помню, потому, что я стоял недалеко от Императора тогда. Император сказал: «Полковник, я вас произвожу в генералы, возглавьте головную дивизию, стоящую перед редутом и возьмите его!»

Генерал галопом ускакал со своим адъютантом. Четверть часа спустя адъютант вернулся и доложил Императору, что редут взят, но генерал ранен. Восемь дней спустя он умер, как и многие другие. Я слышал, что русские потеряли пятьдесят генералов, либо убитыми, либо ранеными. В течение всего сражения мы оставались в резерве, стоя позади дивизии под командованием генерала Фриана:[18] ядра дождём падали в наши ряды и вокруг Императора.

Бой завершился к концу дня, мы оставались здесь до утра, и весь следующий день (8-го сентября). Я провёл этот день на поле – печальное и ужасное зрелище. Со мной был Гранжье, мы дошли до оврага, позиции, которая во время сражения несколько раз переходила из рук в руки. Мюрат приказал поставить там палатки. В тот момент он руководил своим собственной хирургом, который проводил ампутацию ног двух артиллеристов русской Гвардии. Когда операция подошла к концу, он велел дать каждому из них по бокалу вина. Потом он прогуливался по краю оврага, осматривая окаймлённую лесом равнину, открывавшуюся на противоположной стороне. Там, в день сражения, он сделал больше, чем смог бы сделать один человек, московиты глотали пыль, а он и его кавалерия рубили отступающего противника. Он был великолепен – выделявшийся среди других своей отвагой, хладнокровием и прекрасной формой, отдававший приказы своим подчинённым, или же осыпавший градом сабельных ударов сражавшихся с ним противников. Его легко узнавали по его головному убору с белым султаном и по развевающемуся плащу.

Утром 9-го сентября мы пошли дальше и в тот же день достигли Можайска. Русский арьергард занял возвышенность на противоположной стороне города, прямо напротив нас. Рота вольтижёров и гренадеров и ещё более сотни солдат из 33-го полка – части авангарда – бесстрашно взошли на гору. Часть армии, все ещё находящаяся в городе была поражена, наблюдая, как несколько эскадронов кирасир и казаков выдвинулись и окружили вольтижёров и гренадеров. Но те, как будто заранее зная об этом, спокойно сгруппировались, построились повзводно, потом в каре и дали залп со всех четырёх сторон по окружившим их русским.

Мы считали их погибшими, учитывая расстояние, разделявшее нас, и понимали, что помощь невозможна. Русский старший офицер подошёл к ним и предложил сдаться. Командир убил его выстрелом в упор. Увидев это, неприятельская кавалерия в ужасе бежала и оставила наших воинов хозяевами на поле боя. [19]

10-го сентября мы преследовали врага до самого вечера, а когда остановились, я был назначен в патруль охраны замка, где поселился Император. Я как раз расставлял своих людей вдоль дороги, ведущей к замку, когда мимо нас, ведя нагруженную лошадь, прошёл польский слуга, хозяин которого был тогда в Императорском штабе. Лошадь была уставшая и измученная. Она упала и отказалась встать. Слуга взял багаж и понёс сам. Едва он ушёл, как наши голодные солдаты убили лошадь. Всю ночь мы пировали, а мяса хватило ещё и на следующий день.

Вскоре прошёл Император в сопровождении Мюрата и одного из членов Государственного Совета. Они шли в сторону главной дороги. Я и мои подчинённые взяли на караул. Император остановился перед нами и лошадью, заблокировавшей дорогу. Он спросил меня, ели ли мы.

Я ответил: «Да».

Он улыбнулся и сказал: «Терпение! Через четыре дня мы будем в Москве, где вы будете отдыхать и хорошо питаться – однако, на худой конец, и лошадь хорошо».

Его предсказание сбылось, в течение четырёх дней после мы прибыли в этот город.

На следующий день (11-го сентября) и позже, была прекрасная погода. 13-го сентября мы спали возле красивого монастыря и нескольких других прекрасных зданий. Было ясно, что столица близко.

14-го сентября мы выступили очень рано. Прошли мимо оврага, где русские начали делать редуты для защиты, и сразу после этого очутились в большом лесу из берёз и сосен, где обнаружили прекрасную дорогу. Теперь до Москвы было уже совсем недалеко.

В тот день я шёл впереди, в авангарде из пятнадцати человек. Через час колонна остановилась, и я увидел солдата с левой рукой на перевязи. Он стоял, опираясь на своё ружье и, казалось, ждал кого-то. Я сразу узнал в нем одного из моих земляков из Конде, с которыми встречался в Витебске. Он стоял там, в надежде увидеть меня. Я подошёл к нему и спросил про его друзей. «Им хорошо, – ответил он, ударив о землю прикладом ружья, – они все умерли на поле чести, как говорится, и были похоронены в большом редуте. Их разорвало картечью». «Ах, сержант, – продолжал он, – никогда не забуду эту битву – настоящая бойня!»

– А вы? – спросил я, – что с вами?

– Ах, это! Пустяк, пуля попала между локтем и плечом. Присядем на минутку, и давайте поговорим о наших бедных товарищах и молодой испанке, нашей маркитантке.

Вот что он мне рассказал:

– Мы бились с семи утра, и тут ранило генерала Кампана, нашего командира. Офицер, занявший его место, был также ранен, а потом и третий. Пришёл четвёртый. Из Гвардии. Тут же, приняв командование, он приказал барабанщикам бить сигнал к атаке. Вот как наш полк (61-й) был уничтожен картечью, вот как погибли наши друзья, редут взят, а генерал ранен. Это был генерал Анабер. Во время боя я получил пулю в руку, но тогда не заметил этого.

Вскоре моя рана так разболелась, что я пошёл к врачам, чтобы извлечь пулю. Я прошёл совсем немного и встретил молодую испанку, нашу маркитантку: она плакала. Ей сказали, что почти все барабанщики полка убиты или ранены. Она

сказала, что хочет увидеть их, чтобы помочь им, чем может. И потому, несмотря на сильную боль в руке, я решил сопровождать её. Мы пошли туда, где было больше всего раненых: одни шли, страдая, медленно и с трудом, других несли на носилках.

Дойдя до большого редута, места этой бойни, она зарыдала. Но, увидев разбитые полковые барабаны, засыпанные землёй, просто обезумела. «Вот, друг мой, здесь! – воскликнула она, – они здесь!» Да, это были они, с переломанными руками и ногами, тела, разорванные картечью. Обезумев от горя, она ходила от одного к другому, нежно разговаривая с ними, но никто из них не слышал её. Некоторые, однако, до сих пор подавали признаки жизни – тамбурмажор, которого она называла отцом. Она остановилась возле него, стала на колени и приподняла его голову, чтобы дать ему немного коньяка. Именно в этот момент, желая вернуть себе редут, русские пошли в атаку, и снова началась стрельба. Вдруг испанка закричала от боли – пуля попала ей в левую руку, раздробила ей большой палец и вошла в плечо умирающего, которого она поддерживала. Она потеряла сознание. Я попытался поднять её и отнести к обозу и врачам. Но только с одной здоровой рукой у меня не хватало достаточно сил. К счастью мимо пробегал кирасир. Он ни о чем не спросил, сказал только: «Быстрее, надо спешить – это опасное место». И, правда, вокруг нас свистели пули. Без всяких церемоний он поднял молодую испанку и понёс, как ребёнка. Она по-прежнему была без сознания. Через 10 минут, мы были в лесочке, где находились палатки медицинской службы гвардейской артиллерии. Здесь Флоренция пришла в себя.

Ларрей, Императорский хирург, ампутировал ей большой палец и очень ловко извлёк пулю из моей руки, так что я снова чувствую себя хорошо.

Вот что я узнал от Дюмона из Конде, капрала – вольтижёра 61-го полка. Я взял с него обещание встретиться со мной в Москве, если мы там остановимся, но я больше никогда ничего о нем не слышал.

Так погибло двенадцать молодых людей из Конде в знаменитом сражении под Москвой 7-го сентября 1812года.

Конец небольшого обзора о нашем марше из Португалии в Москву.

Бургонь,[20]

Экс-гренадер Императорской Гвардии, кавалер ордена Почётного легиона.

ГЛАВА II

ПОЖАР МОСКВЫ

14-го сентября, примерно в час дня, пройдя через большой лес, мы увидали вдали возвышенность, и через полчаса достигли её. Авангард, уже взобравшийся на холм, махал руками знаки отставшим, крича им: «Москва! Москва!» Действительно, впереди показался огромный город – в нем мы рассчитывали отдохнуть от утомительного похода, так как мы, Императорская Гвардия, прошли, по сути, без отдыха более 1200 лье.[21]

Это был прекрасный, по-летнему тёплый день: солнце играло на куполах, колокольнях, позолоченном убранстве дворцов. Многие, виденные мною столицы, Париж, Берлин, Варшава, Вена и Мадрид, произвели на меня впечатление заурядное, здесь же другое дело: в этом зрелище, для меня, как и для всех других, заключалось что-то магическое.

Забылось всё – опасности, труды, усталость, лишения, и думалось только об удовольствии вступить в Москву, устроиться на удобных квартирах на зиму и заняться победами другого рода – таков уж характер французского воина: от сражения к любви, от любви к сражению. Тем временем, пока мы любовались городом, пришло распоряжение одеться в парадную форму.

В этот день я был в авангарде ещё с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, попавших в плен после Великой битвы под Москвой. Многие из них говорили по-французски. Среди них, между прочим, и православный поп, вероятно полковой священник, также очень хорошо говоривший по-французски; он казался более печальным и озабоченным, чем все его товарищи по несчастью. Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знамением. Я подошёл к священнику и осведомился, что это значит.

– Сударь, отвечал он, – гора, на которой мы находимся, называется «Поклонной» и всякий добрый москвич, при виде святынь города, обязан здесь перекреститься.

Через минуту мы уже спускались с горы, а ещё через четверть часа очутились у ворот города.

Император уже находился там со своим генеральным штабом. Мы сделали привал; тем временем я заметил, что под самым городом, по левой руке раскинулось обширное кладбище.

Немного погодя, маршал Дюрок, незадолго перед тем вступивший в город, вернулся и представился Императору вместе с несколькими жителями, говорившими по-французски. Император обратился к ним с вопросами; затем маршал доложил Императору, что в Кремле собралось множество вооружённых людей – большей частью преступников, выпущенных из тюрем, и что они стреляют в кавалерию Мюрата, составлявшую авангард. Несмотря на многократные требования, они отказывались отпереть ворота.

– Эти негодяи пьяны, – добавил маршал, – и не хотят прислушаться к голосу разума.

– Пусть выбьют ворота пушками! – отвечал Император, – и выгонят оттуда всех, кто там есть.

Так и сделали – король Мюрат взял на себя эту обязанность: два пушечных выстрела – и весь этот сброд разбежался. Потом король Мюрат двинулся дальше по городу, преследуя русский арьергард.

Послышался барабанный бой, затем раздалась команда: «Garde a vous!» То был сигнал вступления в город. В половине четвёртого пополудни мы вступили колонной, построенной повзводно. Авангард, в состав которого входил и я, состоял из тридцати человек, командовал им Серрарис, лейтенант нашей роты.

Только мы вошли в предместье, как увидали идущих на нас тех самых негодяев, которых выгнали из Кремля: у всех были злобные лица и вооружены они были ружьями, пиками и вилами. Едва мы перешли через мост, отделявший предместье от города, как из-под моста выскочил какой-то субъект и направился навстречу войскам: одетый в овчинный полушубок, стянутый ремнём, с развевающимися, длинными, седыми, до плеч волосами, густая белая борода спускалась по пояс. Он вооружился трёхзубыми вилами и был похож на Нептуна, вышедшего из моря. Он гордо двинулся на тамбурмажора, видя, что тот в парадном мундире, в галунах, он, вероятно, принял его за генерала. Он нанёс ему удар своими вилами, но тамбурмажор успел уклониться и, вырвав у него оружие, взял его за плечи и столкнул с моста в воду. «Нептун» скрылся в воде и уже не появлялся, его унесло течением, больше мы его и не видали.

Мы встретили несколько других того же рода, которые стреляли в нас. Были даже такие, у которых не было ничего, кроме кремневых мушкетов, и если они никого не ранили, то у них просто вырывали мушкеты и разбивали, а их самих прогоняли ударами прикладов наших ружей. Некоторые из этих видов оружия были взяты из арсенала в Кремле; мушкеты с

кремневыми замками, конечно, были оттуда.

Позже мы узнали, что кое-кто из этих негодяев пытался зарезать одного из офицеров штаба Мюрата.

Пройдя мост, мы продолжали путь по широкой прекрасной улице. Нас удивило, что не видно было ни души, даже ни одной женщины и некому было слушать нашу музыку, игравшую: «Победа за нами!» Мы не знали, чему приписать такое полное безлюдье. Мы воображали, что жители, не смея показываться, смотрели на нас сквозь щёлки оконных ставень. Кое-где мы видели только лакеев в ливреях, да несколько русских солдат.

Через час мы очутились перед внешней линией укреплений Кремля. Но нас заставили круто повернуть налево, и мы пошли по улице ещё лучше и шире первой: она вела нас на Губернаторскую площадь.[22] В ту минуту, как остановилась колонна, мы увидали трёх дам, выглядывавших из окна нижнего этажа. Я очутился на тротуаре, вблизи одной из этих дам; она подала мне кусок хлеба, чёрного, как уголь, и перемешанного с мякиной. Я поблагодарил её и в свою очередь подал ей кусок белого хлеба, который мне дала Матушка Дюбуа, маркитантка нашего полка. Дама покраснела, а я засмеялся; тогда она, не знаю зачем, тронула меня за рукав, и я продолжал путь.

Наконец мы пришли на Губернаторскую площадь и расположились напротив дворца Ростопчина, губернатора города, того самого, который распорядился поджечь его. Нам объявили, что весь нашему полку приказано патрулировать город, и что никто ни под каким видом не смеет отлучаться. Но, несмотря на это, через полчаса вся площадь заполнилось всякими товарами, было все, чего только душе угодно: вина разных сортов вина, водка, варенье, громадное количество сладких пирогов, муки, но хлеба не было. Мы входили в дома рядом с площадью, чтобы попросить еды и питья, но, поскольку хозяев не было, сами брали все, что нам хотелось.

Мы расположили наш пост у главных ворот дворца, справа имелась комната, довольно обширная, чтобы хватило места для караула и нескольких пленных русских офицеров, захваченных в городе. Ранее захваченных русских офицеров по приказу командования, оставили у входа в город.

Дворец губернатора довольно велик и построен полностью в европейском стиле. В вестибюле начинаются две прекраснейших лестницы, они сходятся в бельэтаже, где имеется большой зал, с овальным столом посредине, в дальнем углу висит большая картина, изображающая русского царя Александра на коне. Позади дворца обширный двор, окружённый зданиями, предназначенными для прислуги.

Час спустя после нашего прибытия начался пожар. Справа от нас показался густой дым, потом взвился вихрь пламени; никто, однако не знал, где это происходит. Вскоре нам сообщили, что горят базар и кварталы купцов. «Это, наверное, мародёры,[23] – говорили нам, – те, кто по неосторожности подожгли лавки в поисках продовольствия».

Многие, не участвовавшие в этой кампании, говорят, что пожар Москвы был погибелью для армии. А я, как и многие другие, полагаю, что русские могли бы и не поджигать город, а просто увезти с собой, или уничтожить всё продовольствие и опустошить всю местность на десять лье в окружности. Это было бы совсем не трудно, – и тогда нам через пару недель поневоле пришлось бы убраться. После пожара всё ещё оставалось достаточно домов, в которых можно было поселить всю армию и, даже если допустить, что все дома сгорели – тогда остались бы подвалы. В семь часов загорелось за губернаторским домом: наш полковник пришёл к нам в караулку и приказал немедленно выслать патруль в 15 человек, в том числе и меня. Командиром назначили Серрариса. Мы двинулись в сторону пожара, но едва прошли триста шагов, как справа раздались выстрелы. В первую минуту мы не придали этому значения, всё ещё думая, что это просто пьяные солдаты. Но шагов через пятьдесят из какого-то тупика опять раздаются выстрелы, направленные прямо в нас. В ту же минуту один из солдат вскрикнул – его ранило. Пуля попала ему в ногу, но рана была не опасна, и не мешала идти. Тотчас решено было вернуться, но едва мы повернулись, как ещё два выстрела из того же закоулка заставили нас изменить свои планы. Решив поближе рассмотреть, в чём дело, мы подошли к дому, откуда стреляли, выломали ворота и очутились лицом к лицу с девятью дюжими молодцами, вооружёнными пиками и ружьями – они стояли, перекрыв нам вход внутрь.

Тотчас завязался бой, довольно неравный, так как нас было девятнадцать человек против девяти, но думая, что их там больше, мы сразу уложили на месте первых троих. Одному капралу пика попала между кожаной амуницией и одеждой, не почувствовав раны, он ухватился за пику своего противника, несравненно более сильного, а поскольку у капрала только одна рука была свободна, ведь в другой было ружье, он с силой был отброшен к двери подвала, но пики из руки не выпустил. Ещё один русский упал, сражённый штыком. Офицер своей саблей ударил по руке русского, чтобы заставить его отпустить пику, но тот не уступил, а потому его просто застрелили пулей в бок и отправили в царство теней. Тем временем я с пятью солдатами

держал оставшихся четверых (трое сбежали), так плотно прижав их к стене, что они не могли пустить в дело свои пики: при малейшей такой попытке мы бы тут же проткнули их штыками. Они продолжали биться голыми кулаками, просто из бравады. Эти несчастные были пьяны – напившись водки, которую они нашли в огромном количестве, они просто обезумели. Наконец, чтобы закончить все это, мы вынуждены были убить их.

Мы поспешили в дом, в одной из комнат мы застали двоих или троих из сбежавших: увидев нас, они были так напуганы, что не успели схватить своё оружие, и спрыгнули с балкона.

Поскольку мы отыскали всего двоих, а ружей было три, мы продолжили искать третьего и нашли его под кроватью; он вышел к нам добровольно, крича «Bojo! Bojo!» что означает: «Боже! Боже!» Мы не причинили ему никакого вреда, а просто арестовали, чтобы использовать в качестве проводника. Внешне он выглядел, как и все другие, отвратительно и безобразно – уголовник, собственно. На нём был тулуп, подпоясанный ремнём. Мы вышли из дома. На улице мы увидали тех двоих уголовников, которые выскочили из окна: один умер, разбив себе голову о мостовую, другой сломал обе ноги.

Мы оставили их, а сами решили вернуться на Губернаторскую площадь. Но каково было наше изумление, когда мы увидали, что это невозможно, настолько распространился пожар! Пламя справа и слева образовало сплошную стену, дул ветер и некоторые крыши стали проваливаться. Пришлось искать другую дорогу. К несчастью, мы не сумели найти способ общаться с нашим проводником, он, казалось, был более похож на медведя, чем на человека.

Пройдя шагов двести, мы увидели по правую руку какую-то улицу, но прежде чем пойти по ней, мы из любопытства пожелали осмотреть дом, откуда эти бандиты стреляли в нас. Мы пропустили вперёд нашего пленного и сами шли за ним, но вдруг раздались крики, и откуда-то выскочило несколько человек с зажжёнными факелами в руках. Войдя на большой двор, мы убедились, что место, где мы находимся, не простой дом, а великолепный дворец. Мы оставили у ворот двух часовых, приказав им предупредить нас в случае нападения. Мы зажгли свечи и вошли. Никогда в жизни я не видел такой дорогой и красивой мебели, а особенно такой коллекции картин фламандской и итальянской школы. Среди всей этой роскоши наше внимание привлёк большой ларец, наполненный необыкновенной красоты оружием. Я взял себе пару кавалерийских пистолетов, инкрустированных жемчугом и

драгоценными камнями, и ещё устройство для испытания силы пороха.

Уже более часа мы бродили по этим огромным, роскошным комнатам, как над нашими головами прогремел сильный взрыв. Это сильно потрясло нас – мы думали, что будем заживо погребены под развалинами дворца. Мы осторожно спустились вниз и удивились, не застав наших двух часовых. После долгих поисков мы нашли их на улице. Они сказали нам, что, услышав взрыв, быстро убежали, думая, что сейчас дворец рухнет на них. Перед окончательным уходом мы захотели узнать причину нашего ужаса. В большой столовой обрушился потолок, хрустальная люстра разлетелась вдребезги. В печи оказалась спрятанная бомба. Русские рассудили, что для того, чтобы уничтожить нас, все средства хороши.

Мы все ещё оставались во дворце, когда раздался крик: «Пожар!» Это кричали наши часовые, заметившие пламя. Из многих мест повалили клубы густого дыма, сначала чёрного, потом багрового, и в один миг всё здание охватил огонь. Через четверть часа крыша, сделанная из окрашенного и лакированного железа, рухнула с грохотом, а с ней и большая часть здания.

Немного попетляв, мы вышли на довольно широкую и длинную улицу, справа и слева вдоль неё возвышались великолепные дворцы. Скорее всего, она должна была вывести нас на площадь, но проводник каторжник ничего не мог сказать нам. Он оказался полезен нам лишь тем, что иногда нёс нашего раненого товарища, идти которому становилось все трудней. Мы встречали людей с длинными бородами и зловещими лицами, при свете факелов, которые они несли в руках, они казались ещё страшнее, мы их не задерживали.

Далее мы встретили егерей Гвардии и от них узнали, что это сами русские поджигают город и что встреченным нами людям поручено выполнять этот замысел. Вскоре после этого нас удивили трое русских, поджигавших православную церковь. Заметив нас, двое побросали свои факелы и убежали; мы подошли к третьему – тот не бросил факела, а, напротив, старался сделать своё дело, но удар прикладом в затылок покарал его за упрямство.

Затем мы встретили патруль фузилеров – егерей, заблудившихся так же, как и мы. Их командир, сержант, рассказал мне, что они встретили уголовников, поджигавших дома, и что одному из них он принуждён был отсечь кисть руки саблей, чтобы заставить бросить факел, но тот тотчас подхватил факел левой с намерением продолжать – им пришлось убить его.

Потом мы услышали голоса женщин, звавших на помощь по-французски. Мы вошли в дом, откуда слышались крики, думая, что это захваченные русскими маркитантки. Войдя, мы увидали разбросанные в беспорядке разнообразные костюмы, очень дорогие, а навстречу нам вышли две дамы, взволнованные и растрёпанные. С ними был мальчик, лет 12-15-ти. Они умоляли нас оказать им помощь – русские полицейские хотели поджечь их дом и не позволяли забрать свои вещи. Там были плащ Цезаря, шлем Брута, доспехи Жанны д'Арк. Дамы объяснили нам, что они актрисы, француженки, а их мужей насильно принудили служить в русской армии. Мы помешали поджечь дом, забрали с собой русских полицейских (их было четверо), и увели их в свой полк на Губернаторскую площадь. После всех этих неприятных приключений мы вернулись в два часа ночи и с противоположной стороны. Полковник, узнав о нашем возвращении, был недоволен и спросил, где мы пропадали с семи часов вечера вчерашнего дня. Но, увидев наших пленников, нашего раненого товарища, и выслушав наш рассказ о пережитых нами опасностях, он сказал, что рад нашему возвращению и что он очень беспокоился о нас.

Глядя на площадь, где расположился бивуаком наш полк, мне казалось, что я на собрании всех народов мира, – наши солдаты оделись кто калмыком, кто китайцем, кто казаком, кто татарином, персом или турком, а многие щеголяли в дорогих мехах. Некоторые даже нарядились в придворные костюмы, нацепили шпаги, со сверкающими, как алмазы, стальными рукоятками. Вдобавок, вся площадь была усеяна лакомствами, каких только душе угодно – винами, ликёрами, в большом количестве, было немного свежего мяса, много окороков и крупной рыбы, немного муки, – но хлеба не было.

На другой день после нашего прибытия, 15-го сентября, в 9 часов утра, полк покинул Губернаторскую площадь, чтобы перейти ближе к Кремлю, где разместился Император. Я, с 15-тью товарищами, был оставлен во дворце губернатора.

Около десяти часов я увидал генерала, подъехавшего верхом, кажется, это был генерал Пернетти.[24] Он привёл с собой молодого человека в овчинном тулупе, подпоясанном красным шерстяным поясом. Генерал спросил меня, не я ли начальник поста, и на мой утвердительный ответ сказал:

– Хорошо, заберите этого человека и убейте его штыками, – я застал его с факелом в руках, поджигающим дворец, где я квартирую.

Я тотчас же отрядил четырёх солдат для выполнения приказа генерала. Но французский солдат не способен выполнить такую работу – чётко и хладнокровно. Удары штыка не пробили овчину

и, возможно, мы пощадили бы его, учитывая его молодость (более того, он не был похож на преступника), но генерал остался, пока не увидел, как несчастный упал замертво, сражённый пулей в бок. Мы так и оставили его на площади.

Вскоре явился другой субъект, житель Москвы, француз и парижанин по происхождению. Он сообщил, что он владелец общественных бань и просил меня оказать помощь в обеспечении безопасности его заведения. Я дал ему четырёх солдат, но они вскоре вернулись с сообщением, что поздно – бани уже горят.

Несколько часов спустя после ужасной казни, караульные солдаты доложили мне, что какая-то женщина, пришедшая на площадь, бросилась на безжизненное тело несчастного молодого человека. Я пошёл посмотреть, она пыталась объяснить нам, что это её муж или родственник. Она сидела на земле, держа на коленях голову убитого, гладила рукой его лицо, иногда целовала его, но не плакала. Наконец, будучи не в состоянии смотреть на эту душераздирающую сцену, я отвёл её в помещение караула и дал ей рюмку ликёра, которую она жадно выпила. За этой рюмкой – вторую, третью и ещё – она выпила, сколько смогла. Она старалась объяснить нам, останется тут три дня, пока мёртвый не воскреснет, веря, как все русские крестьяне, что в течение дней покойник оживает. В конце концов, она заснула на диване.

В пять часов наша рота вернулась и снова была отряжена в патруль, так что моё дежурство продлилось ещё на сутки. Остальная часть полка занималась тушением пожаров вокруг Кремля. Огонь на время удавалось остановить, но потом он вспыхивал ещё сильнее.

После возвращения роты, капитан разослал патрули в разные кварталы. Один отправился в сторону бань, но тотчас вернулся и сообщил, что сразу же после их прихода крыша бань обрушилась со страшным треском и искры, разлетевшиеся кругом, подожгли соседние здания.

Весь вечер и всю ночь наши патрули приводили русских солдат со всех концов города – пожар заставлял их покидать свои убежища. Среди них было два офицера, один армейский, другой из ополчения, первый беспрекословно позволил себя обезоружить, т. е. отдал свою саблю и попросил только, чтобы ему позволили оставить золотую медаль, висевшую у него на груди. Но второй, совсем ещё молодой человек, имевший при себе кроме сабли пояс с патронами, возражал, и на хорошем французском объяснял нам, что он из ополчения. В конце концов, мы договорились и с ним.

В полночь вспыхнул ещё один пожар недалеко от Кремля, были привлечены свежие силы, чтобы погасить его. Но 16-го

сентября, в 3 часа утра он возобновился с новой силой, остановить его не удалось.

В эту ночь, с 15-го на 16-е сентября, я и двое моих друзей, таких же унтер-офицеров, как и я, решили исследовать город и Кремль, о котором мы так много слышали. И вот мы отправились. Для освещения пути факелов не понадобилось, но, собираясь посетить дома и подвалы московских господ, каждый взял собой солдата и свечи.

Мои товарищи уже немного ориентировались в городе, но поскольку каждую минуту дома обрушались, и все вокруг непрерывно менялось, мы скоро безнадёжно заблудились. Пробродив беспомощно некоторое время, мы к счастью встретили еврея, который рвал на себе волосы и бороду, глядя, как горела его синагога, где он состоял раввином. Он говорил по-немецки и поведал нам своё горе: оказывается, он и другие его единоверцы собрали в синагогу всё, что у них было самого ценного, и вот теперь всё погибло. Мы пытались утешить сына Израиля, взяли его за руку и попросили отвести нас в Кремль. Не могу без смеха вспомнить, что в разгар такого бедствия еврей стал спрашивать нас, не имеем ли мы что-нибудь для продажи или обмена. Я действительно думаю, что он задавал нам эти вопросы просто по привычке, поскольку в то время ни о какой торговле и речи быть не могло.

Пройдя несколько кварталов объятым пламенем и, любуясь прекрасными, ещё не тронутыми улицами, мы пришли на маленькую площадь неподалёку от Москвы-реки. Оттуда еврей показал нам башни Кремля, ясно различимы е до мельчайших деталей, как среди бела дня, в свете пожаров. На минуту мы остановились, чтобы осмотреть подвал, из которого только что вышло несколько улан Гвардии. Мы взяли немного вина, сахара и много варенья – всё это мы нагрузили на еврея, теперь уже состоявшего под нашей защитой и покровительством. Уже рассветало, когда мы подошли к внешней линии укреплений Кремля. Мы прошли через ворота из серого камня, увенчанными маленькой колокольней с колоколом в честь св. Николая, чья статуя стояла в нише над входом. Этой статуе святого, высокой, по крайней мере, шесть пье,[25] богато одетой, поклонялся каждый русский, который проезжал мимо, даже осуждённый. Он является главным покровителем России.

Потом мы повернули направо, перешли улицу с большим трудом из-за беспорядка, вызванного огнём, который вспыхнул в разных домах, занимаемых маркитантками Гвардии, и дошли до стены, укреплённой высокими башнями, увенчанными золотыми

орлами. Пройдя ещё одни ворота, мы очутились на площади перед дворцом. Со вчерашнего дня там поселился Император, ночь со 14-го на 15-е сентября он провёл в предместье.

В Кремле мы встретили товарищей из 1-го егерского полка, которым тоже поручили патрулирование, и они пригласили нас на завтрак. Нас угостили хорошим мясом и превосходными винами. Еврей, который все ещё сопровождал нас, был вынужден, несмотря на все своё отвращение, завтракать с нами, и есть ветчину. Правда, егеря, у которых имелись серебряные слитки, взятые ими на Монетном дворе, обещали торговать с ним. Эти слитки размерами и формой напоминали маленький кирпич. Около полудня мы всё ещё сидели за столом с нашими друзьями, прислонившись спинами к исполинским пушкам, стоявшим по обе стороны оружейной палаты, как вдруг раздался крик: «К оружию!» Загорелось в Кремле: горящие головни полетели во двор, где находились артиллерийские части Гвардии и их боеприпасы. Кроме того, тут валялось огромное количество брошенной русскими пакли, и часть её уже загорелась. Страх перед взрывом вызвал суматоху, особенно, если учесть присутствие там Императора, который был вынужден покинуть Кремль.

Мы расстались с нашими друзьями, как это бывает, и отправились в свой полк. Нашему проводнику мы объяснили, где он находится, и еврей попытался вести нас кратчайшим путём, но неудачно – огонь перекрыл этот путь. Пришлось ждать, пока не появится проход. Все пылало вокруг Кремля, сильный, неистовый ветер швырял в нас горящие головни. Пришлось спрятаться в подвале, где уже собралось довольно много людей. Мы немного посидели там, а когда вышли, почти сразу повстречали полки Гвардии, идущие в Петровский дворец, куда уже переехал Император. Только 1-й батальон 2-го полка, остался в Кремле. Он охранял дворец от поджога, и 18-го сентября Император снова туда вернулся. Я забыл рассказать, что принц Невшательский, желая взглянуть на пожар, бушевавший вокруг Кремля, поднялся вместе с одним офицером на одну из террас дворца, и их обоих чуть не снесло оттуда страшным ветром.

Ветер и огонь продолжали бушевать, но один проход оставался свободным, те улицы, по которым прошёл Император. Мы пошли этой дорогой и очутились на берегу Москвы-реки. Мы шли вдоль набережной и видели то совершенно нетронутую огнём улицу, то сгоревшую дотла. На той же улице, по которой прошёл Император, многие дома рухнули, и пройти стало невозможно.

Наконец мы очутились в полностью выгоревшем квартале, и

еврей с трудом старался найти улицу, ведущую на Губернаторскую площадь. Пока мы шли, ветер гнал на нас горячий пепел, ослеплявший, не дававший возможности ничего видеть. Однако самым худшим являлось то, что от ходьбы по раскалённым железным листам разрушенных крыш и горящего пепла, обгорали наши ноги.

Мы уже прошли порядочное расстояние, как вдруг увидали по правую руку совершенно пустое пространство. Это был еврейский квартал: дома, построенные из дерева, сгорели дотла. Увидев это, наш спутник пронзительно закричал и упал без чувств. Мы поспешили освободить его от груза, вынули бутылку с ликёром, заставили проглотить несколько капель, и побрызгали ему в лицо. Вскоре он открыл глаза. На наш вопрос, почему он упал в обморок, он отвечал, что его дом сгорел и, вероятно, его семья погибла. С этими словами он снова лишился чувств, так что нам поневоле пришлось оставить его, хотя мы не знали, в какую сторону идти. Тем не менее, надо было принимать решение: мы отдали нашу ношу одному из солдат и продолжали путь, но вскоре были вынуждены остановиться, встретив на пути новые препятствия.

До соседней улицы было около трёхсот шагов, но мы не могли его пройти их из-за горячего, ослепляющего пепла. Мы посовещались, и один из моих друзей предложил всё-таки попытаться это сделать. Моё мнение было подождать немного, остальные поддержали меня. И тогда с криком: «Кто меня любит – за мной!», он пошёл вперёд. Трое последовали за ним, а я остался с солдатом, нёсшим наш груз, состоявшим из трёх бутылок вина и пяти – ликёра и варенья.

Не прошли они и тридцати шагов, как первый упал – во весь рост, – шедший сразу за ним помог ему встать. Остальные двое закрыли свои лица руками, чтобы не ослепнуть подобно первому, который совсем ничего не видел – всех троих накрыло облаком горячей золы. Первый, лишившись зрения, кричал и ругался как дьявол. Остальным пришлось бросить его, так как они не могли отвести его назад – туда, где находился я и солдат с грузом. Я не решался идти к ним – уж очень было опасно. Более часа прошло, прежде чем я смог присоединиться к товарищам, и мы тут же осушили одну из бутылок.

Когда мы, наконец, собрались вместе, стало ясно, что без риска погибнуть дальше идти невозможно. Мы решили вернуться назад, и тут возникла блестящая идея, чтобы каждый взял по большому листу железа и прикрыл им свою голову, слегка наклонив край с той стороны, откуда летел пепел. Согнув листы в виде щитов, мы двинулись в путь. Впереди шёл солдат, потом я,

поддерживая почти ослепшего товарища, а остальные сзади. Наконец, мы перешли через опасное место, с большим трудом, и время от времени спотыкаясь.

Мы очутились на новой улице, где застали несколько еврейских семей и китайцев, они сидели в своих домах, очевидно, охраняя своё имущество, спасённое от пожара или отнятое у других. Они выглядели удивлёнными, вероятно они ещё не видели французов в этом квартале. Мы подошли к одному еврею и постарались ему втолковать, чтобы нас проводили на Губернаторскую площадь. Вызвался один отец с сыном, а так как в этом огненном лабиринте путь местами преграждался развалинами обрушившихся или горящих домов, то лишь после долгих блужданий и неоднократных остановок для отдыха мы вернулись в 11 часов вечера на то место, откуда вышли накануне вечером. С тех пор, как мы прибыли в Москву, я ещё ни разу не отдыхал, зато теперь я улёгся на куче прекрасных мехов, принесённых нашими солдатами, и проспал до семи часов утра.

Нашу роту пока не освободили от патрульной службы, поскольку все армейские полки, фузилеры, и даже Молодая Гвардия, находящиеся под командованием маршала Мортье, назначенного губернатором города, последние 36 часов занимались тушением пожаров. Пожары вспыхивали один за другим. Тем не менее, удалось спасти достаточно домов, чтобы разместить людей, но это стоило немалого труда – Ростопчин приказал увезти все пожарные насосы, а те, что остались, оказались неисправными.

16-госентября был издан приказ расстреливать всех, кто будет уличён в поджогах. Этот приказ немедленно начали приводить в исполнение. Небольшую площадь рядом с Губернаторской площадью мы называли «Place des Pendus» – Площадью повешенных»,[26] так как здесь расстреляли очень много поджигателей, а затем подвесили их на деревьях.

В день нашего вступления Император через маршала Мортье отдал приказ о запрете разграбления города. Этот приказ огласили в каждом полку, но когда стало известно, что город поджигают сами русские, удержать солдат стало невозможно. Каждый брал, что хотел, и даже то, что ему вообще не было нужно. В ночь на 17-е сентября капитан разрешил мне взять десятерых солдат и отправиться за продовольствием. Ещё двадцать человек он отрядил в другие кварталы, поскольку мародёрство[27] существовало и требовалось приложить все силы для исполнения этого приказа. И вот я отправился в третью ночную экспедицию. Мы прошли по большой улице, ведущей на нашу площадь, и которую нам удалось спасти от пожара. Именно

поэтому там поселились многие из старших офицеров и армейских чиновников. Дальше мы шли по совершенно выгоревшим улицам. Не осталось ничего кроме чёрных груд железных листов с бывших крыш – ветер, дувший накануне, очистил их от пепла.

Квартал, в который мы пришли, был ещё цел, но вокруг не было ничего, кроме нескольких брошенных экипажей. Полная тишина. Мы осмотрели экипажи, они оказались пусты. Вдруг, позади нас раздался яростный крик. Он повторился дважды и в двух разных местах. Мы прислушались, но снова стало тихо. Тогда мы решили зайти в два дома: в один – я с пятерыми солдатами, а в другой – капрал с остальными пятью. Мы зажгли свечи и с саблями в руках приступили к делу, надеясь найти в этих домах что-нибудь нужное нам.

Дом, в который я хотел войти, был заперт, а дверь забита большими листами железа. Это сильно меня раздосадовало, ведь шума нам не хотелось. Но, заметив открытое подвальное окно, двое солдат спустились туда, нашли лестницу, ведущую из подвала в дом, и открыли нам двери. Здесь была бакалейная лавка – всё лежало на своих местах. Но в столовой на столе лежало варёное мясо, а на сундуке – несколько мешков, наполненных мелкими монетами.

Осмотрев дом, мы собрали продукты. Мы нашли муку, сливочное масло, много сахара и кофе и большую бочку, полную яиц, уложенных слоями и упакованных в сено. Мы действовали чётко и решительно и не отвлекались по пустякам, ведь дом был пуст и в любой момент мог стать добычей огня. Тем временем, капрал прислал мне солдата с сообщением, что он в доме каретника, в котором обнаружил около тридцати маленьких элегантных экипажей, называемых дрожками. Он также велел сообщить мне, что в одной из комнат на соломенных тюфяках лежат несколько русских солдат. Увидев французов, они бросились на колени и, скрестив руки на груди, умоляли о пощаде. Наши, увидев, что они ранены, оказали им помощь, ведь те сами были не в силах помочь себе и по той же причине не могли причинить нам вред.

Я тотчас же отправился на склад каретника и выбрал два маленьких экипажа, очень удобных для перевозки всего нами найденного.

Я также видел раненых, пятеро из них оказались артиллеристами со сломанными ногами. Всего их было семнадцать человек, многие – азиаты – их легко отличить от других, по характерной манере приветствовать.

При выводе со склада своих экипажей, я увидел троих

мужчин, один из которых был вооружён пикой, второй – саблей, а третий с зажжённым факелом, собирался поджечь дом. Люди, которых я оставил, были так заняты выбором и упаковкой добра, что совершенно не подозревали, что происходит вокруг. Мы гаркнули, чтобы напугать негодяев, но они не сдвинулись с места и спокойно смотрели на нас. Человек с пикой принял оборонительную позу. Напасть на них было сложно, так как у нас не было сабель. Капрал подошёл ко мне с двумя пистолетами, найденными в комнате, где лежали раненые, дал мне один, а сам прицелился в человека с пикой. Но я остановил его, опасаясь, что шум может привлечь ещё больше врагов.

Увидев это, один из наших людей, бретонец, схватил дышло от одного из экипажей и, используя его как трость, напал на человека с пикой, наверняка не умевшего сражаться таким способом, и сломал ему обе ноги. Падая, тот страшно вскрикнул, но озверевший бретонец не дал тому второго шанса и нанёс сильнейший удар по голове негодяя. Даже пушечное ядро не смогло бы сделать работу лучше. Он сразил двоих других таким же образом, тут мы остановили его. Парень с зажжённым факелом побежал в дом бакалейщика, двое из наших людей за ним, и только после двух ударов саблей он прислушался к голосу разума. Тогда он смирился и был запряжён в один из экипажей вместе с другим человеком, задержанным на улице.

Теперь мы были готовы к отъезду. Оба экипажа были загружены товарами из лавки – на первый, запряжённый двумя русскими, мы положили бочку с яйцами и из предосторожности связали людей крепкой верёвкой с двойным узлом, второй экипаж везли четверо наших людей до тех пор, пока мы не смогли найти такую же команду, как для первого.

Но едва мы сделали первый шаг, как увидели огонь в доме каретника. Мы не могли оставить раненых погибать в муках, поэтому вернулись и перенесли их в конюшню, стоявшую отдельно от дома. Это было все, что мы могли сделать и, после исполнения этого акта человеколюбия мы отправились как можно быстрее, чтобы оказаться вне досягаемости огня, который неожиданно мог вспыхнуть в любом месте. Мы не прошли и двадцати пяти шагов, когда услышали ужасные крики раненых. Мы опять остановились, а капрал вернулся с четырьмя солдатами, чтобы выяснить причину. Огонь перекинулся на солому, лежавшую на дворе, и пожар охватил все, что там было.

Капрал и его люди попытались их спасти, а затем вернулся к нам: более чем вероятно, что все раненые погибли.

Мы пошли дальше и, опасаясь, что пожар догонит нас, с помощью наших сабель заставили перейти нашу первую команду на рысь. Тем не менее, уйти от огня нам не удалось – когда мы подошли ближе к Губернаторской площади, то увидели, что главная улица, где жили многие из наших старших офицеров, уже пылала. Это был третий случай поджога, но и последний.

Осмотревшись, мы заметили, что горело в нескольких местах и, двигаясь бегом можно было проскочить. Дойдя до первого горящего дома, мы остановились, чтобы решить, как пройти дальше. Многие дома уже рухнули, а те, мимо которых нам надо было пройти, также грозили обрушиться на нас и поглотить нас в пламени. В то же время, оставаться тоже стало опасно – загорелись дома позади нас.

Таким образом, огонь был не только впереди и позади нас, но и справа и слева, и мы были вынуждены пройти через это море огня. Мы послали экипаж вперёд, но русские не хотели быть первыми, даже, несмотря на сабельные удары. Тогда первым пошёл экипаж с нашими людьми и, подбадривая друг друга, они успешно прошли опасное место. А потому мы ещё сильнее стали бить русских, которые, испугавшись, что будет хуже, с криком: «Houra!»[28] бросились вперёд, подвергаясь большой опасности из-за обломков мебели, постоянно вылетавших из домов на улицу. Мы побежали за вторым экипажем, и вышли на перекрёсток четырёх улиц, объятых пламенем. Хотя шёл дождь, огонь бушевал с прежней силой, дома падали непрерывно и целые улицы моментально превращались в дымящиеся груды развалин.

В полк надо было вернуться как можно скорее, но мы видели, что это было практически невозможно – надо было подождать, пока улица не выгорит дотла. Мы решили вернуться. На этот раз русские пошли первыми, но, только они прошли опасный участок и мы приготовились следовать за ними, раздался страшный грохот – обломки горящих балок и железные листы кровли рухнули на экипаж, мгновенно уничтожив все и русских тоже. Мы не сильно сожалели о них – потеря наших запасов огорчила нас больше, особенно потеря яиц. Наше положение было ужасно – мы были полностью отрезаны пожаром, без всякой надежды выбраться. К счастью, на перекрёстке нашлось место, недосягаемое для огня, где мы могли подождать, пока не выгорит улица и появится свободный проход. Дожидаясь удобной минуты, мы заметили, что в одном из домов располагалась итальянская

кондитерская. Дом горел, но мы подумали, что хорошо бы попытаться спасти хоть что-нибудь из добра, если получится. Дверь оказалась запертой, зато окно на втором этаже оказалось открытым, а счастливый случай предоставил нам лестницу, которую мы поставили на бочку. Её длины оказалось достаточно для того, чтобы наши солдаты влезли в дом.

Дом пылал, но все обошлось. Наши люди изнутри открыли дверь, и к великому нашему удовлетворению и радости мы обнаружили, что в лавке все сохранилось в целости и сохранности. Мы нашли все виды варенья и ликёров, много сахара, но что нас удивило больше всего – это три больших мешка муки. Наше удивление удвоилось при виде банок с горчицей с ярлыками: «St. André des Arts, Paris».

Мы быстро опустошили лавку, сложили все найденное в середине улицы, чтобы при первой возможности доставить все это в нашу роту. Дождь ещё лил. Мы соорудили навес из дверей домов и разбили бивуак. Там мы оставались более четырёх часов, ожидая открытия прохода.

Чтобы скоротать время, мы пекли оладьи с вареньем. А когда собрались уходить, забрали все, что могли унести. Оставшийся экипаж и мешки с мукой мы оставили под присмотром пяти солдат с тем, чтобы вернуться позже и забрать их. Экипаж здесь оказался бесполезен – улица была завалена разбитой и обгоревшей мебелью, фортепиано, хрустальными люстрами и множеством других очень дорогих вещей.

Наконец, перейдя «Place Des Pendus», мы пришли в расположение своей роты в 10 часов утра, а уходили мы в 10 часов вечера накануне. Десятерых солдат тотчас отправили обратно за оставшимся грузом. Они вернулись через час, каждый что-то нёс и, невзирая на трудности, экипаж они тоже прикатили тоже. Солдаты рассказали нам, что пришлось расчищать то место, где погибли русские и там они нашли их обугленные и ссохшиеся тела.

В тот же день 18-го сентября мы сдали наряд и отправились на отведённые нам квартиры, располагавшиеся неподалёку от Кремля, на прекрасной улице, большая часть которой уцелела от пожара. Наша рота заняла большую кофейню: в одной из комнат стояло два бильярдных стола. Унтер-офицеров поселили в доме боярина[29] на втором этаже. Чтобы было просторнее, бильярды

разобрали, а из их обивки некоторые солдаты пошили себе плащи.

В погребах хранилось множество вин, ямайский ром, также имелся отдельный погреб, заполненный множеством бочек отличного пива, уложенного в лёд для сохранения свежести. Ещё мы нашли у нашего боярина пятнадцать больших ящиков шампанского. В тот же день наши солдаты обнаружили большую лавку с сахаром и взяли его как можно больше, чтобы готовить пунш. Сахара хватило на все время нашего пребывания в Москве, мы никогда не пропускали дня без выпивки. Каждый вечер мы готовили его в большой серебряной чаше, которую забыл унести русский боярин. Это чаша вмещала не менее 6-ти бутылок. Добавьте к этому прекрасную коллекцию трубок и отличный табак.

19-го сентября Император устроил нам смотр в Кремле, и в тот же день я получил приказ присоединиться к отряду фузилеров-егерей, гренадеров и эскадрона польских улан – всего 200 человек. Наша задача была охранять от пожара летний дворец русской императрицы, расположенный на окраине Москвы. Этим отрядом командовал генерал Келлерман.

Мы выступили в восемь часов вечера, и уже было половина десятого, когда мы подошли к большому зданию, размером не меньше тюильрийского дворца, построенному из дерева и оштукатуренному, что делало его похожим на каменное здание. Тотчас же поставили часовых, и разослали патрули для большей безопасности. Мне с несколькими солдатами поручили осмотреть дворец, чтобы удостовериться, что в здании не прячутся поджигатели.

Мне посчастливилось иметь возможность полностью осмотреть этот огромный дом, объединивший в себе все великолепие и блеск Европы и Азии. Казалось, ничего не пожалели, чтобы украсить его, а ведь позднее, буквально в течение часа, он был полностью уничтожен. Не прошло и четверти часа после того, как приняли все меры безопасности, как дворец всё-таки подожгли со всех сторон, а поджигателей совершенно не было видно. Огонь вспыхнул сразу в десятке мест. Видно было, как он вылетал из окон мансард.

Генерал немедленно вызвал сапёров, но потушить огонь оказалось невозможно. У нас не было ни насосов, ни даже воды. Буквально через минуту мы увидели, как из-под больших лестниц выходят и преспокойно удаляются какие-то люди с горящими

факелами. Мы побежали и арестовали их – 21 человек, а ещё 11 были позже задержаны с другой стороны дворца. Сразу при выходе из дворца их не заметили, да и не ничто не указывало на то, что они поджигатели. Большинство из них, похоже, являлось выпущенными из тюрем уголовниками.

Всё, что мы могли сделать, это – спасти несколько картин и драгоценных вещей, между прочим, царские одежды и регалии, как, например, бархатные мантии, отороченные горностаевым мехом, и ещё много других вещей. Потом их пришлось просто бросить. Через полчаса после начала пожара поднялся неистовый ветер, и десять минут спустя мы очутились в огненной западне, не имея возможности идти ни вперёд, ни назад. Несколько человек были ранены пылающими головнями, гонимыми по воздуху яростным ветром. Нам удалось выбраться из этого ада только в два часа ночи, и к тому времени пламя охватило пространство около полулье – весь этот прекрасный квартал был построен из дерева.

Мы отправились к Кремлю, ведя под конвоем наших пленных – всего 32 человека. Я шёл позади. Согласно приказу, каждого, кто пытался бежать или отказывался идти, следовало заколоть штыком. Две трети этих несчастных были уголовниками. Остальные – горожане среднего класса и русские полицейские, опознанные по их форме. По дороге, я заметил среди арестованных человека, одетого в довольно чистый зелёный плащ, плакавшего, как ребёнок, и повторявшего на хорошем французском:

– Mon Dieu! Я потерял свою жену и сына!

Он казался очень несчастным, поэтому я спросил его, кто он. Он рассказал, что он швейцарец, приехал из Цюриха, и что в течение семнадцати лет он жил в Москве, преподавая немецкий и французский. Затем он снова заплакал, повторяя непрерывно:

– Мой дорогой сын! Мой бедный сын!

Мне было очень жаль беднягу. Я пытался успокоить его, сказав, что очень возможно, что он найдёт их и, зная, что он будет приговорён к смерти вместе с другими, я решил спасти его. Рядом с ним рука об руку, шли двое мужчин – один молодой, а другой пожилой. Я спросил швейцарца, кто они, он ответил, что они оба портные, отец и сын.

– Но, – сказал он, – отец счастливее, чем я – его сын рядом и они смогут умереть вместе.

Он знал, какая его ожидает участь, так как, понимая по-французски, слышал приказ, касавшийся пленных.

Разговаривая со мной, он вдруг остановился и замер, тупо глядя перед собой. Я спросил его, в чем дело, но он не ответил.

Затем он тяжело вздохнул и снова заплакал со словами, что ищет место, где стоял его дом, и что он должен быть там – он узнал уцелевшую большую печь. Я должен здесь особо отметить, что мы прекрасно, до мелочей могли рассмотреть все вокруг, чётко и ясно, как при дневном свете, и не только сам город, но и дальше.

В эту минуту голова колонны, которая шла отдельно от польских улан, остановилась, не зная, куда повернуть, так как узкая улица была полностью блокирована. Я воспользовался этой остановкой, чтобы дать возможность этому несчастному человеку попытаться выяснить, есть ли тела его жены и сына в развалинах его дома, и предложил сопровождать его. Мы пришли на то место, где стоял дом, и сначала не увидели ничего, что подтвердило бы его подозрения. Я начал утешать его, уверяя, что без сомнения, его родные спаслись, но у входа в подвал, я увидел нечто чёрное, бесформенное и скрюченное. Я осмотрел это и понял, что это мёртвое тело, но мужчина это, или женщина, непонятно. Вдруг швейцарец, который подошёл за мной, страшно вскрикнул и упал. С помощью солдата я помог ему встать, но едва придя в себя, он в отчаянии бросился на развалины своего дома, звал своего сына и, наконец, кинулся в подвал, где, как мне показалось, он снова упал.

Идти за ним мне не хотелось, я вернулся к колонне, печально размышляя о том, что только что видел. Один из моих друзей спросил меня, что я сделал с человеком, который говорил по-французски, и я рассказал ему об этой трагической сцене. Поскольку мы все ещё стояли, я попросил своего друга пойти со мной. Мы пошли к двери подвала и услышали стон. Мой товарищ предложил спуститься вниз и помочь ему, но, зная, что вынести швейцарца из подвала означало обречь на верную смерть, ведь все арестованные должны были быть расстреляны, я сказал, что было бы весьма неразумно идти в такое место без света.

К счастью раздалась команда: «К оружию!» Мы ждали, пока колонна начнёт движение, и готовились следовать за ней, как вдруг позади себя услышали чьи-то шаги. Я обернулся, и удивился, увидев бедного швейцарца, бледного как привидение, держащего в руках кучу разных мехов, наверное, чтобы прикрыть тела своих жены и сына. Он нашёл своего сына в подвале мёртвым, но не обгоревшим, а тело у двери принадлежало его жене. Я посоветовал ему вернуться в подвал и спрятаться до нашего ухода, чтобы он мог исполнить свой последний долг. Я не знаю, понял ли он меня, но мы оставили его.

Добрались мы до Кремля в пять часов утра и всех пленных заключили в надёжное место, но предварительно я позаботился

отделить обоих портных, отца с сыном, с особым расчётом, как видно будет дальше. Они оказались очень полезны нам за всё время нашего пребывания в Москве.

20-го сентября пожар немного ослабел. Губернатор города, маршал Мортье и генерал Мийо, комендант – оба активно занялись организацией полиции. Её сформировали из итальянцев, немцев, французов и тех жителей Москвы, которые уклонились от строгого приказа Ростопчина покинуть город и прятались.

Около полудня я смотрел из окна нашей квартиры и видел расстрел осуждённого. Он отказался встать на колени и встретил свою смерть мужественно, ударив себя в грудь, казалось, бросая вызов палачам. Спустя несколько часов и наших арестованных постигла та же участь.

Для меня день прошёл достаточно спокойно, но в семь часов адъютант-майор Делэтр приказал мне отправиться под арест за то, что я позволил сбежать троим заключённым. Во всяком случае, так он сказал. Я пытался оправдаться, но пошёл к указанному месту – там были и другие унтер-офицеры. Я думаю, что моя совесть совершенно чиста, потому что спас жизнь этих людей, будучи совершенно уверен в их невиновности.

Комната, в которой я находился, выходила в длинную, узкую галерею, ведущую в другое крыло здания.

Часть этого крыла сильно пострадала от пожара, там никто не жил, а уцелевшая часть все ещё не была исследована. Мне, естественно, стало любопытно, и от нечего делать я пошёл в конец галереи. Мне показалось, что я услышал шум из закрытой комнаты. Прислушавшись, я уловил звуки речи на незнакомом языке. Я постучал в дверь, но никто не ответил, и воцарилась тишина. Затем, заглянув в замочную скважину, я увидел человека, лежащего на диване и двух стоящих рядом женщин, которые, казалось, умоляли его помолчать. Я знал несколько слов по-польски, ведь он похож на русский, так что я снова постучал и попросил воды. Ответа не последовало, но после повторной попытки, подкреплённой сильным ударом ноги, они подошли и открыли её. Я вошёл, а женщины убежали в другую комнату, смежную с этой. Я закрыл дверь, человек на диване лежал неподвижно. Я сразу узнал в нем преступника низшего типа – грязный, с бородой и в сапогах. На нем был овчинный тулуп и кожаный пояс, кроме того, ещё пика, два факела и два пистолета на поясе. Их я забрал сразу, а потом одним из факелов ударил его и заставил открыть глаза. Увидев меня, он вскочил и попытался напасть на меня, но упал. Я навёл на разбойника пистолет, но он только тупо смотрел на меня и, предприняв ещё одну попытку подняться, снова упал. Через некоторое время ему всё-таки

удалось встать на ноги. Видя, насколько он пьян, я взял его за руку, и повёл из комнаты в конец галереи. Дойдя до ступеней ведущей вниз лестницы, я толкнул его: он скатился, как бочка, и врезался в стену рядом с дверью караульного помещения. Выскочившие оттуда солдаты втащили его в каморку, предназначенную для заточения всех подобных ему личностей, и больше я о нём не слышал.

Затем я вернулся в комнату, где нашёл этого человека и запер за собой дверь. Убедившись, что в комнате больше никого нет, я открыл вторую дверь и на диване увидел двух сидящих дульсиней. Они совершенно не удивились, увидев меня, и заговорили сразу, но я не понимал ни слова. Я попытался спросить их, если у них что-нибудь поесть – они поняли меня, и дали огурец, луковицу, большой кусок солёной рыбы, немного пива, но хлеба у них не было. Потом та женщина, что помоложе, принесла мне бутылку чего-то такого, что она называла «kosalki» – когда я попробовал, стало ясно, что это была обычная можжевёловая водка. Менее чем за полчаса мы опустошили бутылку, обе мои москвички в отношении выпивки оказались намного сильней меня.

Я ещё немного побыл с этими двумя сёстрами, как выяснилось из разговора, а затем вернулся к себе. Там меня уже довольно долго ждал один из унтер-офицеров моей роты. Я рассказал ему о своих приключениях, и он пришёл в восторг, поскольку никак не мог найти кого-нибудь, кто бы мог стирать одежду. Я думаю, ему показалось весьма лестным, что две московские дамы будут стирать и чинить одежду французских солдат. Мы ждали до десяти часов вечера, когда все заснут (мы хотели сохранить наш секрет), а потом я, унтер– офицер и сержант-майор отправились за нашими красавицами. Сначала сестры не понимали, куда их ведут, но, увидев, что я тоже иду, охотно пошли за нами. Мы выделили им небольшую комнату и снабдили всем тем, что смогли найти – самым красивым и изящным из того, что благородные московские дамы не смогли унести. И хотя наши дамы, обычные горожанки, теперь стали похожи на знатных дворянок, им пришлось теперь стирать и чинить нашу одежду.

На другой день утром, 21-го сентября услышал сильный ружейный залп – это опять расстреляли несколько уголовников и полицейских, уличённых в поджогах Воспитательного дома и госпиталя, где лежали наши раненые. Вскоре пришёл сержант-майор сообщить мне, что я освобождён.

Вернувшись на свою квартиру, я увидел, что спасённые мною

портные уже раскроили ткань от бильярдных столов для пошива нескольких плащей. Я заглянул в комнату, где мы оставили наших женщин, они стирали, но очень плохо. Естественно, если учесть, что они были одеты в шёлковые платья, принадлежавшие какой-то баронессе. Но за неимением лучшего пришлось с этим смириться. Оставшуюся часть дня я занимался устройством наших квартир и получением провизии, потому что мы собирались зимовать в городе. В запасе у нас имелось семь больших ящиков сладкого шампанского, много портвейна, пятьсот бутылок ямайского рома и более ста больших пакетов сахара. И все это предназначалось для шести унтер-офицеров, двух женщин и повара.

Мясо достать было трудно, но в этот вечер у нас была корова. Я не знаю, откуда её взяли, но, вероятно, из такого места, откуда не разрешалось ничего брать; мы закололи её ночью, чтобы никто не видел.

У нас было много ветчины – мы нашли богатую мясную лавку – добавьте к этому солёную рыбу, несколько мешков муки, две большие бочки сала и неограниченное количество пива. Вот каковы были наши запасы на случай, если б нам пришлось зимовать в Москве.

Вечером в десять часов провели перекличку – пропало 18 человек. Остальная часть роты роскошно разлеглась в бильярдной, на богатых мехах соболя, лисы, льва и медвежьих шкурах, многие из нас соорудили себе тюрбаны из тончайшего кашемира и более походили на султанов, чем на гренадеров Гвардии. Для полноты картины неё хватало только гурий.

Я затянул перекличку до 11-ти часов, чтобы не отмечать своих товарищей как дезертиров, и они вскоре вернулись, сгибаясь под тяжестью ценного груза. Среди ценных вещей, принесённых ими, было несколько серебряных чеканных подносов и много слитков того же металла, по форме похожих на маленький кирпич. Остальная добыча состояла из мехов, индийских шалей, парчовой ткани, шитой золотом и серебром. Они попросили у меня разрешения сходить ещё раз за вином и вареньем, оставленными ими в одном подвале. Я разрешил, и с ними отправился капрал. Мы, унтер-офицеры имели право на пятую часть всей добычи, спасённой от пожара.

22-го сентября мы отдыхали, пополняли наш запас провизии, пели, курили, смеялись, пили и развлекались. В тот же день я посетил итальянца, продавца эстампов, чей дом избежал огня.

Утром 23-го сентября расстреляли одного из осуждённых. В тот же день мы получили приказ быть готовыми на следующее утро к Императорскому смотру.

В восемь часов утра 24-го сентября мы отправились в Кремль. Там присутствовали и другие полки, одни солдаты и офицеры получили медали, другие – повышение по службе. Действительно, получившие награды на этом смотру оказали большие услуги отечеству и не раз проливали свою кровь на поле брани.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы осмотреть и другие достопримечательности Кремля и, пока проверялись другие полки, я осмотрел церковь Святого Михаила, усыпальницу русских царей. Некоторые солдаты Гвардии (1-й егерский), задачей которых было патрулирование Кремля, пришли сюда в первый же день. Они надеялись найти спрятанные сокровища – обыскали огромные склепы, но не нашли ничего, кроме каменных гробов, покрытых бархатными покрывалами и серебряных табличек с надписями. Им встретились также несколько горожан, которые бежали туда в поисках убежища, думая, что мёртвые защитят их. Среди них – довольно молодая женщина, принадлежавшая, как говорили, к одной из знатных московских семей, и которая сделала глупость, увлёкшись одним из высших офицеров. Она повела себя ещё глупее, последовав за ним при отступлении. Как и многие другие, она умерла от холода и голода.

После церкви Святого Михаила, я пошёл посмотреть на знаменитый колокол. Высота его девятнадцать пье, и большая его часть ушла в землю, вероятно, из-за его собственного веса, так как он пролежал на земле с тех пор, как пожар сжёг башню, на которой он висел. Недалеко от него и напротив дворца находится арсенал с огромными пушками по обе стороны от входной двери. Справа – собор, его девять куполов и колокольня покрыты позолоченной медью. Крест Ивана Великого находился на самой высокой колокольне и доминировал над всеми. Деревянный, высотой 30 пье, покрытый серебряными позолоченными пластинами, и поддерживаемый позолоченными цепями.

Несколько дней спустя рабочая команда, плотники и другие, были отряжены снять этот крест для перевозки его в Париж в качестве трофея. Но когда его начали снимать, он покачнулся, увлекаемый собственной тяжестью и, падая, чуть не убил людей, державших его за цепи, то же самое произошло и при попытке снять больших орлов с верхушек высоких башен кремлёвских стен.

Смотр закончился в полдень. Мы уходили через арочные ворота храма Св. Николая. Там молились несколько русских,

кланялись и крестились перед святым, по всей вероятности, они молили его защитить их от нас.

25-го сентября с друзьями исследовал руины города. Мы увидели много такого, чего не видели ранее. Нам повсюду встречались русские крестьяне. Женщины – грязные и отвратительные (среди них попадались и еврейки) – и солдаты искали в подвалах все, что избежало огня. Кроме вина и сахара, они забирали шали, кашемир, великолепные сибирские меха, парчовые ткани, шитые золотом и серебром, а некоторые несли серебряные блюда и другие ценности. Были там и евреи со своими семьями. Они предлагали солдатам все, что угодно за право обладать этими вещами.

Вечером того же дня подожгли русскую церковь, находившуюся напротив нас, недалеко от места, где квартировал маршал Мортье. Мы не смогли потушить пожар и, несмотря на все наши усилия, эта красивая церковь невероятно быстро обратилась в пепел. Самое ужасное, то, что в тот момент в ней находилось множество несчастных со своими пожитками. Это было трагедия.

26-го сентября меня назначили в караул при Императорских экипажах, помещённых в сараи, находящиеся в одном из предместий. Напротив них находились большие казармы, которые удалось уберечь от пожара и разместить в них часть нашей армии. Чтобы попасть туда, я должен был пройти более лье через руины на левом берегу Москвы-реки, где лишь кое-где торчали колокольни церквей. Остальное всё сгорело полностью. На правом берегу ещё виднелось несколько загородных усадеб, большая их часть также сгорела. Недалеко от того места, где я проходил, стоял дом, уцелевший от пожара. Из любопытства я решил осмотреть его. Так я случайно познакомился с человеком, который очень хорошо говорил по-французски; он рассказал мне, что он приехал из Страсбурга, и волей судьбы оказался в Москве лишь за несколько дней до нас. Он также рассказал, что торгует рейнскими винами и сладким шампанским, и что потерял более миллиона – из-за пожара, во-первых, и из-за разграбления, во-вторых. У него не осталось даже куска хлеба, поэтому я предложил ему прийти ко мне поесть рисового супа, и он принял моё приглашение с благодарностью.

В ожидании мира, Император приказал принять меры к устройству нашей жизни в Москве в течение зимы. Начали с госпиталей для раненых. К русским раненым относились так же, как и к своим.

Склады с продовольствием, разбросанные по городу

насколько возможно укрупнили, для верующих открыли несколько уцелевших церквей. Рядом с нашими квартирами был католический храм, где мессу служил эмигрант, французский священник. Открыли даже театр, где французские и итальянские актёры играли комедии – так, по крайней мере, мне рассказывали. Не знаю, было ли это правдой или нет, но я знаю, что им выплатили жалованье вперёд за полгода для того, чтобы русские убедились, что мы собираемся тут зимовать.

27-го сентября я был приятно удивлён встрече с моими земляками – Фламаном из Перювельза, велитом-драгуном Гвардии, и Миле из Конде, драгуном из того же полка. Их встретили очень радушно, день прошёл весело, и мы пригласили их, чтобы поужинать и провести с нами вечер. Во время многочисленных грабительских экспедиций они нашли множество мужских и женских костюмов всех народов, даже французские костюмы эпохи Людовика XVI-го – все из наилучших материалов. Поэтому в этот вечер, после ужина, мы решили устроить бал-маскарад и надеть все эти платья.

Но я забыл сказать, что Фламан сообщил печальную новость – погиб храбрый полковник Марто, командир их полка. Отправившись на разведку в окрестности Москвы 25-го сентября, отряд попал в засаду, и был атакован тремя тысячами вражеской кавалерии и пехоты. Полковник Марто – смертельно ранен, а капитан и адъютант-майор – после отчаянного сопротивления взяты в плен. Два дня спустя полковник скончался.

Возвращаюсь к нашему балу: это был настоящий карнавал – переоделись все. Начали с того, что переодели наших русских женщин во французских дам, т. е. в маркиз, а так как они не знали, как это делать, Фламану и мне было поручено руководить их туалетом. Наши двое русских портных оделись китайцами, я – русским боярином, Фламан – маркизом: все – в разных костюмах, и даже наша маркитантка, Матушка Дюбуа, надела красивое русское национальное платье. Поскольку для наших маркиз париков не нашлось, полковой парикмахер зачесал им волосы. Вместо помады и пудры он использовал сало и муку. Они выглядели великолепно и, когда все были готовы, начались танцы. Я забыл сказать, что в течение всего этого времени мы пили пунш, раздаваемый старым драгуном Миле. Наши маркизы и маркитантка, хотя и могли ещё твердо стоять на ногах, совершенно опьянели от огромного количества выпитого.

По части музыки у нас была флейта старшего сержанта в сопровождении барабана, отбивавшего такт. Мы грянули:

«On va leur percer les flancs

Ram, ram, ram, tam plan;
Tire-lire, ram plan.»

«Мы проломим их фланги
Рам, рам, рам, там план;
Тир-лир, рам план»

(перевод мой. – В.П.)

Музыка заиграла и Матушка Дюбуа пустилась в пляс с нашим квартирмейстером, а маркизы, которым, вероятно, пришлась по вкусу такая дикая музыка, принялись скакать, как ошалелые – вправо, влево, махали руками, дрыгали ногами, то и дело, падали на пол, и опять вскакивали. В них точно дьявол вселился. Нас бы это не удивило, будь они одеты в простое русское платье, но видеть французских маркиз, скачущих как полоумные – это было так смешно, что мы катались со смеху и музыкант не в силах был продолжать играть на флейте. Но барабан не молчал и жарил вовсю. Наши маркизы запрыгали ещё сильнее, пока в изнеможении не повалились на пол. Мы подняли их, зааплодировали, и продолжили пить и плясать до четырёх часов утра.

Матушка Дюбуа, как истинная маркитантка, знавшая цену богатой одежде, надетой на ней – она была шита из золотой и серебряной парчи – ушла, не сказав ни слова. На улице сержант полицейского патруля, увидав в такой ранний час незнакомую даму и, возомнив, что это его счастливый случай, подошёл и попытался схватить её, чтобы увести к себе. Но Матушка Дюбуа – женщина замужняя, да и вдобавок хорошо выпившая пуншу, отвесила ему такую мощную пощёчину, что тот упал. Он закричал, а так как мы ещё не улеглись, то побежали к нему на выручку. Однако сержант так расходился, что нам стоило большого труда убедить его, что он напрасно прицепился к такой женщине, как Матушка Дюбуа.

28-е и 29-е сентября мы провели в поисках продовольствия. Мы выходили на разведку днём, а ночью возвращались забрать добычу.

30-го сентября у нас происходил инспекторский смотр на улице, прямо под окнами наших квартир. По окончании смотра, полковнику вздумалось показать инспектору квартиры полка. Когда дошла очередь до нашей роты, полковник приказал сопровождать себя капитану и дежурному сержанту. Адъютант –

майор Рустан, знавший квартиры, шёл впереди и открывал комнаты, где размещалась наша рота. Уже в самом конце осмотра, полковник спросил:

– А как у унтер-офицеров?

– О, им очень удобно, – отвечал адъютант – майор Рустан. И начал открывать двери в наши комнаты.[30]

К несчастью, мы не вынули ключа из дверей в каморку, где жили наши дульсинеи (каморку, которую мы выдавали за встроенный шкаф). Адъютант – майор открывает дверь – и в удивлении смотрит на наших пташек. Не говоря ни слова, он запирает дверь и кладёт ключ в карман. Выйдя на улицу, он показал мне ключ и, смеясь, подошёл ко мне.

– Ах! – сказал он, – у вас птички в клетке, а вы держите их только для себя. Зачем они вам и где вы их взяли, черт возьми?

Тогда я рассказал, как и где я их нашёл, и о том, что они стирают нашу одежду.

– В таком случае, – обратился он к сержанту – майору и ко мне, – не будете ли вы так любезны, одолжить их мне на несколько дней, чтобы выстирать мои грязные рубашки. Надеюсь, что вы, как добрые товарищи, не откажете мне.

В тот же вечер он увёл их. Несомненно, они перестирали всё офицерское белье, потому что вернулись только через неделю.

1-го октября хорошо вооружённый отряд нашего полка был отправлен грабить большую загородную усадьбу в нескольких лье от Москвы. Мы нашли очень мало – только воз сена. На обратном пути мы встретили отряд русской кавалерии, который начал кружить вокруг нас, не осмеливаясь, однако, атаковать. Мы продолжали идти, демонстрируя, что мы тоже не лыком шиты, – хотя нас и гораздо меньше но, все же, выбили из строя нескольких из них. Они отстали от нас только в четверти лье от Москвы.

2-го октября мы узнали, что Император отдал приказ вооружить Кремль. Тридцать пушек и гаубиц различного калибра необходимо было разместить на всех башнях внешней стены. 3-го октября в каждом полку Гвардии сформировали рабочие команды. Их задача – копать землю и уносить остатки от старых стен и фундаментов Кремля, которые сапёры взрывали с помощью пороховых зарядов.

4-го октября была моя очередь сопровождать рабочую команду нашей роты. На следующий день рядом со мной погиб инженер-полковник. На его голову при взрыве упал кирпич. В тот же день я видел около одной церкви несколько трупов с руками и ногами, объеденными, вероятно, волками и бездомными

собаками.

Остальное время нашего пребывания в городе прошло в смотрах и парадах, до тех пор, пока гонец не доложил Императору (как раз во время одного из таких смотров), что русские нарушили перемирие и внезапно атаковали кавалерию Мюрата. По окончании смотра был отдан приказ к выступлению; в одну минуту вся армия зашевелилась, но наш полк получил приказ выступать на следующий день только поздно вечером. Мы отдали московским женщинам и портным ту часть общей добычи, которую не могли унести. Они раз двадцать падали на землю, чтобы поцеловать наши ноги – они никогда в руках не держали такого богатства.

ГЛАВА III

ОТСТУПЛЕНИЕ. – ОБЗОР МОЕГО РАНЦА. – ИМПЕРАТОР В ОПАСНОСТИ. – ОТ МОЖАЙСКА ДО СЛАВКОВО.

Вечером 18-го октября мы, несколько унтер-офицеров, по обыкновению собрались вместе и лежали, растянувшись, как паши, на мехах горностая, соболей, львов и медведей, покуривая из роскошных трубок душистый табак. И в то же самое время великолепный пунш на ямайском роме пылал перед нами в большой серебряной миске русского боярина. Пламя растапливало целую сахарную голову, поддерживаемую над миской двумя русскими штыками. И вот тогда, когда мы вспоминали Францию, говорили про то, как приятно будет вернуться на родину победителями после многолетнего отсутствия, в ту минуту, как мы мысленно прощались и клялись в верности нашим монголкам, китаянкам и индианкам, мы вдруг услыхали шум из большого зала, где спали солдаты нашей роты. Затем к нам вошёл квартирмейстер и сообщил, что получен приказ готовиться к завтрашнему выступлению. 19-го октября город с раннего утра кишмя кишел евреями и русскими крестьянами: первые пришли покупать у солдат всё, что они не могли унести с собой, а вторые – чтобы поживиться тем, что мы выбрасывали на улицу. Мы узнали, что маршал Мортье остаётся в Кремле с 10 000 войска и в случае необходимости ему приказано обороняться.

Мы вышли во второй половине дня, уложив запасы напитков на тележку Матушки Дюбуа, а также нашу большую серебряную чашу; уже смеркалось, когда мы вышли из города. Мы оказались среди большого числа телег и повозок, управляемыми людьми разных национальностей – они шли по три или четыре в ряд, колонна растянулась почти на лье. Мы слышали вокруг нас французскую, немецкую, испанскую, итальянскую, португальскую речь, и говор на других языках, ибо там были московские крестьяне и множество евреев. Эта толпа людей, со своими разнообразными одеждами и наречиями, маркитанты с жёнами и плачущими детьми, спешила вперёд с неслыханным шумом, суматохой и беспорядком. Те, чьи повозки были уже разбиты, кричали и ругались так, что с ума можно было сойти. Это был обоз всей армии, и нам не без труда удалось обойти его. Мы шли по Калужской дороге (это была уже Азия). Вскоре мы расположились бивуаком в лесу, а так как стояла уже глубокая

ночь, для отдыха времени оставалось немного.

Мы возобновили наш марш на рассвете, но пройдя меньше лье, мы снова встретили часть рокового обоза, обогнавшего нас в течение того времени, пока мы спали. Одни повозки сломались, другие не могли двигаться – их колеса увязли в песчаном грунте. Отовсюду слышались крики на французском, ругань на немецком, воззвания к Всевышнему на итальянском и к Пресвятой Богородице на испанском и португальском языках.

Миновав все это вавилонское столпотворение, мы остановились, чтобы дождаться отставшей части нашей колонны. Я воспользовался этим, чтобы осмотреть свой ранец, показавшийся мне слишком тяжёлым. В нем лежали: несколько фунтов сахара, немного риса, печенье, полбутылки ликёра, женское платье из китайского шелка, расшитое золотом и серебром, несколько золотых и серебряных украшений, среди них часть креста Ивана Великого[31] – кусочек серебряной позолоченной обшивки. Его дал мне солдат из команды, отряжённой для снятия креста с колокольни. Кроме того: мой парадный мундир и длинная женская амазонка для верховой езды (орехового цвета и подбитая зелёным бархатом). Не зная, для чего она нужна, я воображал, что её носила женщина ростом более шести пье. Далее, две серебряные картины, каждая длиной в 1 пье и 8 пусов[32] ширины, с выпуклыми фигурами: одна картина изображала суд Париса на горе Ида, на другой был представлен Нептун на колеснице в виде раковины, запряжённой морскими конями, очень тонкой работы. Несколько медальонов и плевательный набор какого-то русского князя, украшенный бриллиантами. Эти вещи предназначались для подарков и были найдены в подвалах сожжённых домов.

Не удивительно, что ранец показался таким тяжёлым! Чтобы облегчить его, я выкинул из него свои белые лосины, предвидя, что они нескоро мне понадобятся. На мне же был надет сверх рубашки, жилет из стёганого на вате жёлтого шелка, который я сам сшил из женской юбки, а поверх всего большой воротник, подбитый горностаем, через плечо у меня висела сумка на широком серебряном галуне. В сумке было полно различных вещей – среди них распятие в золоте и серебре, и небольшая китайская фарфоровая ваза. Эти вещицы чудом уцелели, я по-прежнему храню их. Затем моя патронная сумка, ружье и 16 патронов. Добавьте к этому изрядное количество здоровья, хорошего настроения и надежду засвидетельствовать своё почтение монгольским, китайским и индийским дамам – и вы получите ясное представление о сержанте-велите Императорской

Гвардии.

Едва я закончил осмотр своих сокровищ,[33] как впереди нас раздались выстрелы: нам приказали ускорить шаг. Мы прибыли через полчаса после того, как на часть обоза, охраняемого отрядом красных улан Гвардии, напали партизаны. Погибли несколько улан, русских, и много лошадей. Возле одного экипажа лежала на спине какая-то миловидная молодая женщина, умершая от испуга. Мы продолжали путь по довольно хорошей дороге. Вечером сделали привал и расположились ночевать в лесу.

Рано утром 21-го октября мы продолжали идти и в полдень столкнулись с отрядом казаков русской регулярной армии. Артиллерия уничтожила их. Большую часть дня мы шли по полям, а на ночь расположились недалеко от ручья.

22-го октября пошёл дождь. Весь день мы продвигались медленно и с трудом, а вечером сделали привал на опушке леса. Ночью мы услышали громкий взрыв. Впоследствии, стало известно, что маршал Мортье взорвал Кремль, заложив большое количество пороха в его подвалах. Он покинул Москву через три дня после нас с 10 000 войска. Среди них было два полка Молодой Гвардии, с которыми мы соединились на Можайской дороге через несколько дней. Оставшуюся часть дня мы прошли очень немного, хотя шли не останавливаясь.

24-го октября мы подошли к Калуге. В тот день итальянская армия, под командованием принца Евгения, а также корпус под командованием генерала Корбино, сражались при Малоярославце против преградившей им путь русской армии. В этой кровопролитной битве 16 000 наших сражались против 70 000 русских. Русские потеряли 8 000 человек, мы 3 000. Многие из наших старших офицеров были убиты и ранены – среди них генерал Дельзон, сражённый пулей в голову. Его брат, полковник, пытаясь спасти его, сам был застрелен, и оба погибли на одном и том же месте.

25-го октября я был назначен в караул у маленького домика, где поселился Император, и где он провёл ночь. Стоял густой туман, как это часто бывает в октябре. Вдруг, Император, никого не предупредив, сел на коня и ускакал в сопровождении лишь нескольких ординарцев. Едва он отъехал, как мы услыхали какой-то шум. Сначала нам показалось, что это приветственные крики: «Да здравствует Император!», но вскоре поняли, что это команда: «К оружию!» Более 6 000 казаков Платова, воспользовавшись туманом, внезапно напали на нас. Тотчас же эскадроны Гвардии пустились на равнину, мы последовали за ними, а чтобы сократить путь, перескочили через овраг. В одну минуту мы

очутились перед стаей дикарей – они выли, как волки, но вскоре были вынуждены отступить. Наши эскадроны догнали их и отняли всё, что они захватили – багаж, повозки и т. п., нанеся им большой урон.

Добравшись до равнины, мы увидели Императора в самой гуще казаков, окружённого своими генералами и ординарцами, одного из них тяжело ранило. В ту минуту, когда эскадроны вступили на равнину, многие из офицеров, для собственной защиты и защиты Императора, которого едва не взяли в плен, вступили в сабельный бой с казаками. Один из ординарцев, убив одного казака и ранив нескольких, потерял в схватке свою шапку и уронил саблю. Оставшись без оружия, он бросился на одного казака и вырвал у него пику. Как раз в тот момент его увидел один из гренадеров Гвардии и, приняв за казака по зелёному плащу и пике, напал на него и ранил.[34]

Несчастный гренадер, увидев свою ошибку, искал смерти. Он бросился в гущу врагов, нанося удары направо и налево, но все уклонялись от него. Убив нескольких человек, он вернулся, весь забрызганный кровью, узнать об офицере, которого ранил по ошибке. К счастью, тот выздоровел, и вернулся во Францию в санях.

Помню, что, несколько минут спустя после этой стычки, Император со смехом рассказывал королю Мюрату о том, как он едва не попал в плен. Гренадер-велит Монфор из Валансьена снова отличился, убив и ранив нескольких казаков.

Мы простояли ещё некоторое время на этой позиции, затем выступили в путь, оставив Калугу по левую руку. По плохому мосту мы переправились через грязную реку и двинулись на Можайск. По ночам начало подмораживать.

28-го октября мы выступили рано и, уже днём, переправившись через какую-то речку, пришли на знаменитое поле сражения, всё ещё покрытое мёртвыми телами и обломками. Кое-где из земли торчали руки, ноги, головы. Большинство тел принадлежало русским – наших, по мере возможности, мы предали земле. Но так как похоронные работы велись в большой спешке, наступившие вслед затем дожди размыли часть могил. Нельзя себе представить ничего ужаснее, чем вид этих покойников, уже почти утративших человеческий облик. Ведь после битвы прошло пятьдесят два дня.

Мы разбили наш бивуак подальше, пройдя мимо большого редута, где был убит и похоронен генерал Коленкур. Мы построили себе максимально удобные убежища и развели костры из обломков оружия, пушечных лафетов и зарядных ящиков. С

водой было трудно: небольшая речка, протекавшая возле нашего лагеря, была полна разлагающихся трупов. Пришлось пройти четверть лье вверх по течению, чтобы добыть воды, пригодной для питья. Когда мы окончательно устроились, я отправился с другом[35] осмотреть поле битвы; мы дошли до оврага, того самого места, где на другой день после сражения, Мюрат раскинул свои палатки.

Между тем пронёсся слух, что на поле сражения найден ещё живым один французский гренадер. У него отсутствовали обе ноги – он приютился у тела убитой лошади и всё время питался её мясом, а воду пил из ручья, полного трупами своих товарищей. Я слышал, что его спасли – и, несомненно, это было правдой, – но впоследствии его бросили, как и многих других. Вечером начал чувствоваться голод среди тех полков, у которых закончились запасы. До тех пор всякий раз, когда варили суп, каждый давал свою порцию муки, но когда заметили, что не все участвуют в складчине, многие стали прятать продукты, чтобы съесть их самим. Сообща ели только суп из конины, ставшим обычной едой за последние дни.

На следующий день мы прошли мимо монастыря, служившего госпиталем для наших раненых в великой битве. Многие находились там и сейчас. Император отдал приказ везти раненых на всех повозках и экипажах, включая и его собственный. Но маркитанты, которым поручили заботиться об этих несчастных, оставляли их на дороге под разными предлогами. Они просто стремились сохранить добычу, которую везли из Москвы и которой были нагружены все их повозки.

Ночь мы провели в лесу неподалёку от Гжатска, где ночевал Император. Ночью впервые пошёл снег.

На следующее утро, 30-го октября, дороги уже испортились и многие нагруженные повозки, тащились с трудом. Многие сломались, а с других возницы, опасаясь, чтобы их не постигла та же судьба, спешили сбросить лишний груз. В этот день я был в арьергарде колонны и имел возможность видеть начало страшного беспорядка. Дорога была вся усеяна ценными предметами – картинами, канделябрами и множеством книг. В течение целого часа я подбирал тома, просматривал их, бросал, подымал другие, которые в свою очередь бросал. То были сочинения Вольтера, Жан – Жака Руссо и «Естественная история» Бюффона, переплетённые в красный сафьян и с золотым обрезом.

Тогда же мне посчастливилось приобрести медвежью шкуру, которую один солдат роты взял из поломанной повозки, груженой мехами. В этот же день наша маркитантка лишилась своей

повозки с продовольствием и нашей большой серебряной чашей, в которой мы постоянно варили пунш.

30-го октября мы прибыли в Вязьму – «Ville Au Schnapps» («Водочный город»), как его прозвали наши солдаты, поскольку по пути в Москву мы нашли там много водки. Император остановился в городе, наш полк двинулся вперёд.

Я забыл сказать, что перед прибытием в этот город мы сделали привал, и возле соснового леса я встретил знакомого сержанта егерей Гвардии.[36] Он воспользовался разведённым кем-то костром, чтобы сварить котёл риса, и пригласил меня участвовать в трапезе. С ним была полковая маркитантка – венгерка, с которой он находился в прекрасных отношениях. У неё имелась своя повозка, запряжённая парой лошадей и хорошо нагруженная продовольствием, мехами и деньгами. Я просидел с ними более часа. Тут к нам подошёл погреться один португальский унтер-офицер. Я спросил, где его полк. Он отвечал, что его полк распался, а он получил приказ конвоировать 700 или 800 русских пленных. У них не было пищи, посему им пришлось поедать друг друга. Буквально сразу, когда один из них умирал, остальные резали его на куски и съедали. Он предложил мне посмотреть самому, но я отказался. Эта сцена происходила в каких-нибудь ста шагах от нас. Несколько дней спустя, стало известно, что этих пленных бросили, поскольку их нечем было кормить.

Сержант и маркитантка, о которых я говорил, впоследствии потеряли все, что имели в Вильно, и оба попали в плен.

1-го ноября, как и в предыдущую ночь, мы ночевали в лесу. Из еды была только конина. То небольшое количество провианта, которое мы везли из Москвы, закончилось, и теперь с наступлением холодов наши страдания умножились. У меня ещё оставалось немного риса – я берег его на крайний случай, предвидя весьма печальное будущее.

В этот день я опять находился в арьергарде, состоявшем из унтер-офицеров. Дело в том, что уже многие солдаты начали отставать, чтобы отдохнуть и погреться у костров, оставленных войсками, прошедшими раньше нас. По пути, справа, я увидел нескольких рядовых из разных полков, собравшихся вокруг большого костра. Поскольку меня послал майор с приказом, чтобы они следовали за нами, я подошёл к ним и узнал Фламана, моего знакомого драгуна – велита. Он жарил кусок конины, вздетой на острие сабли, и пригласил меня перекусить с ним. Я передал ему приказ следовать за колонной. Фламан отвечал, что отправится, как только утолит свой голод. Но он чувствовал себя

очень плохо, потому что ему пришлось идти пешком в своих кавалерийских сапогах: накануне, в стычке с казаками, в которой он убил троих, его лошадь вывихнула себе ногу, и Фламан теперь вёл её под уздцы. К счастью, у смог дать Фламану пару обуви, чтобы он переобулся и продолжал путь, как пехотинец. Я простился с ним, не зная, что больше не увижу его. Два дня спустя я узнал, что он погиб на опушке леса в ту минуту, когда вместе с другими отставшими разводил костёр и собирался отдохнуть.

2-го ноября, недалеко от Славково, мы увидели возле дороги блокгауз или военную станцию – своего рода большой укреплённый барак, битком набитый солдатами из разных полков и ранеными. Все те, кто мог идти с нами, так и сделал, легкораненых разместили в повозках. Тяжелораненые и их врачи остались на милость неприятеля.

ГЛАВА IV

ДОРОГОБУЖ. – ПАРАЗИТЫ. – МАРКИТАНТКИ. – ГОЛОД.

Мы пришли в Славково 3-го ноября. Целый день с правой стороны мы видели отряды русских. В тот же день к нам присоединились и другие полки Гвардии, до сих пор отставшие. 4-го ноября мы форсированным маршем направились в Дорогобуж – «Капустный город» – так мы прозвали его за огромное количество капусты, обнаруженной в нем нами по пути в Москву. Здесь же, в этом городе Император собирал артиллерию и войска для будущей великой битвы. В семь часов вечера до города оставалось ещё около двух лье, огромное количество снега мешало нам идти. Мы шли с невероятным трудом и скоро заблудились.

Уже после 11-ти часов мы окончили устраивать наш бивуак. Остатков сгоревших домов нашлось достаточно, чтобы развести костры и погреться. Но еды не было, кроме того, мы так устали, что не имели сил найти лошадь, чтобы потом её съесть – и вот мы решили сперва хорошо отдохнуть. Один солдат роты раздобыл мне соломенный тюфяк для постели и, положив голову на ранец, а ноги протянув к огню, я заснул.

Я проспал около часа, когда вдруг почувствовал невыносимый зуд по всему телу. Я машинально провёл рукой по груди и другим частям тела, и к своему ужасу обнаружил, что я был весь покрыт паразитами! Я вскочил, и менее чем через две минуты был гол, как новорожденный младенец и выбросил свои рубашку и брюки в огонь. Они издавали треск, похожий на выстрелы и, хотя на меня падали крупные хлопья снега, я не замечал их, так я был взволнован. Наконец я встряхнул над огнём остальную свою одежду, без которой не мог обойтись, и облёкся в последнюю остававшуюся у меня смену белья. Печально, чуть не плача, я уселся на свой ранец и, подперев голову руками, накрывшись медвежьей шкурой, провёл остаток ночи вдали от проклятого тюфяка. С теми, кто потом лёг на моё место, ничего не случилось, очевидно, все паразиты достались мне.

На другой день, 5-го ноября, мы выступили рано утром. Перед выступлением, в каждом полку Гвардии были розданы ручные мельницы, чтобы молоть любые зерна, какие найдутся, но так как молоть было нечего, а мельницы были тяжёлые, то через сутки их просто выбросили. День прошёл печально – многие из

больных и раненых умерли. Они прилагали нечеловеческие усилия, надеясь добраться до Смоленска, где рассчитывали найти еду и крышу над головой.

Вечером мы остановились на опушке леса, здесь нам приказали устроить бивуак и переночевать. Через некоторое время наша маркитантка Матушка Дюбуа, жена ротного парикмахера, почувствовала себя дурно и прямо на снегу, при двадцатиградусном морозе,[37] произвела на свет мальчика: ужасное положение для женщины! Полковник Бодлен, командир нашего полка, сделал всё возможное – он отдал свой плащ, чтобы создать навес над тем местом, где лежала родильница, переносившая все свои страдания с большим мужеством. Полковой хирург отлично справился со своим делом – словом, всё закончилось благополучно. В ту же ночь солдаты убили медведя и тут же съели его. После очень холодной ночи мы снова пустились в путь. Полковник отдал свою лошадь Матушке Дюбуа, державшей на руках своего новорожденного младенца, завёрнутого в овчинный тулуп, а её саму закутали в шинели, оставшиеся от двух солдат нашей роты, скончавшихся этой ночью.

6-го ноября – густой туман и мороз более двадцати двух градусов. Наши губы замёрзли, и, казалось, самый мозг замерзал. Мы двигались в ледяной атмосфере. Весь день при сильном ветре снег падал небывало крупными хлопьями, не было видно ни неба, ни тех, кто шёл впереди. Дойдя до жалкой деревушки,[38] мы увидали человека, скакавшего во весь опор в поисках Императора. Вскоре мы узнали, что это генерал, привёзший известие о раскрытом заговоре Мале.

Мы остановились недалеко от леса: чтобы двигаться дальше, пришлось подождать – дорога была узкая, а людей много и, пока мы стояли, постукивая ногами, чтобы согреться, и беседуя о своих бедствиях и о терзавшем нас голоде, я почуял вдруг запах горячего хлеба. Обернувшись, я увидал позади себя какого-то человека, закутанного в меховую шубу, именно от него исходил запах. Я тотчас заговорил с ним и сказал: «Сударь, у вас есть хлеб, вы должны продать его мне!» Он хотел было уйти, но я схватил его за руку и не пускал. Тогда, видя, что ему от меня не отвязаться, он вытащил из-под полы ещё горячий пирог, который я с жадностью схватил одной рукой, а другой протянул ему пять франков в уплату. Но едва пирог очутился у меня в руках, как мои друзья, стоявшие рядом, как сумасшедшие набросились на него. У меня остался только маленький кусочек.

Тем временем полковой хирург (это был именно он) успел сбежать. И правильно сделал, иначе его наверняка бы убили за

остаток хлеба. По всей вероятности, прибыв в деревню раньше нас, он раздобыл муки и испёк пирог.

За те полчаса, что мы пробыли здесь, у нас умерло несколько человек. Многие другие упали ещё во время движения колонны. Словом, наши ряды уже заметно поредели, а это было только самое начало наших бед. Всякий раз, когда мы останавливались, чтобы наскоро перекусить, мы брали кровь у брошенных лошадей. Кровь собирали в котёл, варили её и ели. Но часто мы были вынуждены съедать её до готовности, в полусыром виде, поскольку либо поступал приказ двигаться далее, либо нападали русские. На последнее мы не обращали особого внимания. Я иногда видел как одни спокойно ели, в то время как другие стояли на карауле и отстреливались от русских. Но в том случае, когда требовалось быстро уходить, котёл забирали с собой, и каждый на ходу погружал в него руки, черпал из него пригоршнями и ел, поэтому у всех лица были выпачканы в крови.

Очень часто, когда приходилось бросать заколотых лошадей, потому что их некогда было разрезать на куски, некоторые солдаты нарочно отставали и прятались, чтобы их не заставили следовать за полком. Тогда они накидывались на сырое мясо, как стервятники. Редко случалось, чтобы эти люди опять появлялись – они либо попадали в плен к неприятелю, либо замерзали.

Новый переход был не так долог, как предыдущий – мы остановились ещё засветло. Местом привала была сгоревшая деревня, где лишь на нескольких домах сохранились крыши. В этих домах разместились старшие офицеры. Кроме страданий, переносимых нами вследствие страшного утомления, голод давал себя чувствовать самым жестоким образом. Те, у кого оставалось ещё немного пищи, риса или крупы, прятались и ели потихоньку. Дружбы уже не существовало: никто никому не доверял, друзья превращались во врагов. Я и сам не могу не упомянуть об акте чёрной неблагодарности и бездушия, который я совершил по отношению к своим лучшим друзьям. В этот день всех нас терзал голод, а меня ещё вдобавок мучили паразиты. У нас не было ни кусочка конины, и мы надеялись, что кто-нибудь из отставших людей нашей роты отрежет кусок мяса у какой-нибудь павшей лошади. Мучимый голодом, я испытывал ощущения, которых невозможно описать. Я стоял возле одного из самых близких моих товарищей, сержанта Пумо, у разведённого нами костра, и посматривал по сторонам, не идёт ли кто. Вдруг я судорожно схватил его за руку и сказал:

– Друг мой, если б я встретил в лесу кого бы то ни было с буханкой хлеба, я заставил бы его отдать мне половину!

И тут же поправил себя:

– Нет, я убил бы его и отнял у него весь хлеб!

Сказав это, я зашагал по направлению к лесу, словно и в самом деле ожидал встретить там человека с хлебом. Дойдя до леса, я с четверть часа шёл по опушке, потом круто повернув в направлении, совершенно противоположном нашему бивуаку, я увидел костёр и сидевшего рядом с ним человека. Я остановился. Над огнём у него висел котелок, в котором он что-то варил. Взяв нож, он погрузил его туда, вытащил картофелину, надкусил её и снова положил в котёл, вероятно, она ещё не сварилась.

Я хотел подбежать и броситься на него но, боясь, что он ускользнёт, сделал небольшой круг и подкрался к незнакомцу сзади. Под моей ногой хрустнула ветка, и он обернулся, но я не дал ему времени заговорить первым и сказал: «Товарищ, у вас есть картошка, продайте её мне или поделитесь со мной, иначе я унесу весь котёл!» Поражённый таким решением и видя, что я собираюсь саблей поудить в котле, он возразил, что картофель не его, а одного польского генерала, расположившегося неподалёку, что он денщик генерала, и ему было приказано спрятаться, чтобы сварить этот картофель на завтрашний день.

Не говоря ни слова, я вынул деньги и принялся вылавливать картофелины. Он остановил меня, сказав, что картофель ещё не сварился и в доказательство вынул одну, чтобы я сам в этом убедился. Я выхватил её у него из рук и съел.

– Сами видите, картофель ещё не готов, – сказал денщик, – спрячьтесь на минуту, потерпите немного, главное – чтобы вас не увидели, пока не сварится картофель – и тогда я поделюсь с вами.

Я так и поступил – спрятался в кустах, но продолжал наблюдать за ним. Через пять или шесть минут, думая, без сомнения, что я ушёл, он оглянулся, схватил котелок и побежал. Но не далеко, так как я догнал его и пригрозил забрать все, если он не отдаст мне половину. Он снова ответил, что картофель принадлежит его генералу.

– Даже, если бы он принадлежал Императору! – воскликнул я. – Я умираю от голода.

Видя, что от меня просто так не избавиться, он дал мне семь картофелин. Я отдал пятнадцать франков и ушёл. Денщик остановил меня, и дал ещё две. Картофелины были ещё сырые, но это не имело большого значения для меня. Одну я съел, а остальные положил в свою сумку. Я рассчитал, что этой еды мне хватит на три дня, если буду съедать по три картофелины в день в качестве гарнира к куску конины.

Идя и размышляя о своём картофеле, я сбился с пути. Об этом я догадался, только услыхав крики и ругань каких-то

пятерых солдат, которые сцепились между собой, как собаки. Возле них лежала лошадиная нога, которая и являлась причиной их ссоры. Один из солдат, увидев меня, сказал мне, что он и его товарищ – оба артиллеристы – убили лошадь за лесом и что, по возвращении в свою часть на них напали трое из другого полка. Если я помогу им, они поделятся со мной. Я боялся такой же судьбы для моего картофеля, поэтому ответил, что мне некогда, но если они продержатся немного, я могу прислать им людей на помощь. И продолжил путь. Потом я встретил двоих из нашего полка и рассказал эту историю. На следующий день я узнал, что когда наши солдаты добрались до того места, они увидели только мёртвого, окровавленного человека, убитого большой сосновой дубиной. Вероятно, трое напавших воспользовались отсутствием одного из своих врагов и убили другого.

Когда я вернулся на место стоянки нашего полка, многие товарищи спросили меня, добыл ли я что-нибудь, я отвечал, что нет. Заняв место у костра, я выкопал себе ямку в снегу, разостлал свою медвежью шкуру, положил голову на подбитый горностаем воротник плаща, которым и прикрылся. Перед сном я съел одну картофелину, стараясь жевать как можно тише: я боялся, что кто-нибудь заметит, что я ем. Потом, взяв щепотку снегу, я запил им свой ужин и заснул, не выпуская из рук свою сумку с продовольствием. Несколько раз за ночь я шарил в ней рукой, пересчитывая свои картофелины. Так я и провёл всю ночь, не поделившись с товарищами, умиравшими с голоду, тем немногим, что досталось мне благодаря счастливому случаю: с моей стороны это был эгоистичный поступок, которого я никогда себе не прощу. Ещё не пробили зорю, как я уже проснулся и сидел на своём ранце, предвидя, что день предстоит ужасный – поднялся сильный ветер. Я прорезал дыру в своей медвежьей шкуре, продел в неё голову таким образом, чтобы голова медведя свешивалась мне на грудь; остальная часть шкуры прикрывала мне спину и ранец. Шкура была такая громадная, что её края волочились по земле. Наконец, пробили утреннюю зорю и, хотя до рассвета было ещё далеко, мы двинулись в путь.

Число мёртвых и умирающих, оставленных нами на месте стоянки было огромно. Дальше оказалось и того хуже, нам приходилось шагать через трупы, оставленные ранее прошедшими полками. Хуже всего было арьергарду – они воочию видели бедствия всей армии. Последними шли корпуса маршалов Нея и Даву и итальянская армия под командованием принца Евгения. Мы шли уже около часа, когда забрезжил рассвет, и так как мы догнали предшествовавшие корпуса, то сделали маленький привал. Наша маркитантка, Матушка Дюбуа, хотела

воспользоваться минутой отдыха, чтобы покормить своего младенца, но вдруг жалобно вскрикнула. Её ребёнок умер и отвердел, как дерево. Окружавшие принялись утешать её, говоря, что так лучше и для неё и для её ребёнка и, несмотря на её крики и слезы, забрали у неё умершего младенца. Маленького покойника отдали сапёру. Тот отошёл на несколько шагов в сторону от дороги вместе с отцом ребёнка. Сапёр вырыл своим топориком ямку в снегу, отец тем временем, стоял на коленях, держа ребёнка на руках. Когда кончили рыть яму, он поцеловал дитя и положил его в могилу, потом ямку засыпали. На этом погребение и закончилось.

Через час, возле леса мы устроили большой привал. До нас на этом самом месте ночевали артиллеристы и кавалерия. Тут лежали трупы убитых и уже изрезанных лошадей, а ещё больше было живых – на ногах, но совершенно замерзших – они давали себя убивать, не двигаясь с места. Что касается павших от слабости и усталости, их туши так замёрзли, что разрубить их на части оказалось невозможно. Во время этого несчастного отступления я заметил, что нас постоянно направляли за кавалерией и артиллерией и, когда мы где-либо останавливались на ночёвку, как правило, там всегда были брошенные ими лошади.

Пока полк отдыхал и каждый готовил себе хоть какую-нибудь, хоть самую скудную трапезу, я украдкой забрался в густой лес, чтобы съесть одну из картофелин, всё ещё хранившихся в моей сумке. Но меня постигло горькое разочарование! Картофелина совершенно замёрзла – это был сущий лёд. Мои зубы скользили по ней, и я не смог откусить даже маленького кусочка. Вот тогда-то я пожалел, что не разделил картофель с друзьями. Я вернулся к ним, держа в руках картофелину, замороженную, испачканную кровью из моих потрескавшихся губ. Меня стали расспрашивать, что произошло. Не отвечая, я показал им картофелину, которую держал в руках, и те, которые лежали в сумке. Их у меня мгновенно отобрали. Мои товарищи также как и я не сумели съесть этот картофель, они бросились к огню, чтобы его отогреть, но картофелины просто таяли. Между тем другие мои друзья спрашивали меня, где я его нашёл. Я указал на лес. Они побежали туда, но вскоре вернулись, сообщив, что ничего не нашли. Но мои друзья оказались так добры ко мне, что, сварив полный котёл конской крови, пригласили и меня. Конечно, я не заставил себя дважды упрашивать. Всю свою жизнь я упрекаю себя за свой неблаговидный поступок. А мои товарищи всегда думали, что я

нашёл картофель в лесу, и я не стал разуверять их. Но все это только сотая часть того, что произошло впоследствии.

После часового отдыха мы снова двинулись через лес, где местами встречались дома, в которых жили евреи. Некоторые из этих домов очень большие, как наши амбары, с той только разницей, что построены из дерева. На каждом конце ворота, эти дома служили почтовыми пунктами, и экипажи, въезжая в одни ворота, сменив лошадей, выезжали в другие. Обычно такие дома попадались на расстоянии трёх лье друг от друга. Но теперь большей части их уже не существовало – их сожгли при первом прохождении нашей армии.

ГЛАВА V

КАТАСТРОФА. – СЕМЕЙНАЯ ДРАМА. – МАРШАЛ МОРТЬЕ. – 27 ГРАДУСОВ МОРОЗА. – ПРИБЫТИЕ В СМОЛЕНСК. – РАЗБОЙНИЧЬЕ ЛОГОВО.

Выйдя из лесу и приближаясь к Горе, жалкой деревушке из нескольких домов, я увидал невдалеке один из таких почтовых пунктов, о которых я уже упоминал. Я указал на него одному из сержантов нашей роты, эльзасцу Матеру и предложил ему провести там ночь, если только нам удастся добраться туда первыми, чтобы занять свободное место. Мы пустились бегом, но потом выяснилось, что он переполнен старшими офицерами, солдатами и лошадьми – около 800 человек – для нас там места уже не было.

Пока мы бродили кругом, надеясь найти свободное место, Императорская колонна и наш полк прошли вперёд, поэтому мы решили провести ночь под брюхом привязанных у дверей лошадей. Несколько раз солдаты, расположившиеся кругом на бивуаках, порывались разрушить дом, чтобы из досок соорудить костры и устроить себе убежища, а ещё добыть соломы, сваленной на чердаке. Часть соломы была употреблена для постелей теми, кто успел занять здание, и хотя там было очень тесно, они всё-таки развели маленькие костры, чтобы погреться и сварить конины. Они даже пригрозили стрелять в тех, кто попытается отрывать доски. Солдатам, влезшим на крышу, чтобы растащить её, пришлось спрыгнуть, чтобы их не убили.

Было часов 11 ночи. Одни заснули, другие грелись у костров. Вдруг раздался глухой шум. Загорелось в двух местах сарая – посредине и в конце, в противоположной стороне от той двери, под которой мы улеглись. Попытались отворить двери, но испуганные пламенем лошади взвились на дыбы, так что люди, несмотря на все свои усилия, не могли найти выхода с этой стороны. Тогда они бросились к другим дверям, но и там невозможно было пробраться сквозь пламя и дым.

Поднялась страшная суматоха – те, что находились снаружи по ту сторону сарая, кинулись к дверям, у которых мы спали и, таким образом, ещё больше мешали их отворить. Опасаясь, что к ним кто-нибудь войдёт, солдаты накануне вечером крепко заперли изнутри двери с помощью деревянного бруса, положив его поперёк. Через две минуты горело все – пожар перекинулся на

крышу. Некоторые люди, спавшие, как и мы, у дверей, пытались открыть их, но безуспешно: они открывались вовнутрь. И тут мы увидели совершенно неописуемую картину. Со всех сторон слышался страшный глухой рёв: несчастные, поджариваемые живьём, неистово кричали, лезли друг на друга, стараясь выбраться на крышу. Но подул сильный ветер, и пламя вспыхнуло ещё сильнее, поэтому и тех, кому удавалось выбраться наружу, полуобгоревшим, в горящей одежде, без волос на головах, пламя, вырывавшееся с неистовством и раздуваемое ветром, опять увлекало внутрь.

Дикие крики, огонь превратился в сплошную массу, лишая несчастных всяких шансов на спасение – сущая картина ада.

Мы спасли семерых человек, вытащив их через пролом в стене. Среди них был офицер нашего полка. Его руки обгорели, одежда изодрана, а другие пострадали ещё больше. Больше спасти никого не удалось, остальные либо потеряли сознание от дыма, либо их затоптали другие солдаты. Их пришлось оставить погибать вместе с остальными. Многие из обгоревших, которым удалось выйти через крышу, умоляли нас пристрелить их, чтобы прекратить их мучения.

Увидав зарево, солдаты разных корпусов, расположившихся в окрестностях, погибавшие от холода вокруг своих небольших костров, сбежались не для того, чтобы оказать помощь – было уже поздно, да и вообще нельзя было помочь беде – а для того, чтобы погреться и поджарить кусок конины на острие штыка или сабли. По их мнению, этот пожар – сущая благодать Божья, поскольку в сарае сгорели самые богатые, те, кто унёс из Москвы больше всех разных ценностей. Мы видели как многие из этих зрителей, рискуя точно также изжариться, вытаскивали из-под развалин обгорелые трупы и обыскивали их, надеясь чем-нибудь поживиться. Другие говорили: «И поделом! Если бы они отдали нам крышу, этого бы и не случилось!» Третьи, протягивая руки к огню, приговаривали: «Какой славный огонь!», словно не осознавая, что сотни их товарищей, а может быть и родственников, согревают их сейчас своими телами.

Едва рассвело, как я с товарищами пустился в путь, чтобы присоединиться к полку. Мы молчали, перешагивали через мёртвых и умирающих, и размышляли обо всём увиденном. Мороз был ещё сильнее, чем накануне. Вскоре мы нагнали двух солдат линейного полка, каждый держал в руке кусок конины и грыз его. Они говорили, что ещё немного, и мясо так затвердеет от мороза, что его нельзя будет есть. Они уверяли нас, будто видели, как иностранные солдаты (хорваты), входящие в состав

нашей армии, вытащили после пожара из-под развалин сарая изжарившийся человеческий труп, разрезали его на куски и ели. Я сам такого никогда не видел, но думаю, что подобное случалось не раз в течение этой роковой кампании.

Какой интерес имели эти полуживые люди рассказывать нам подобные вещи, если это не правда? Не время было заниматься выдумками. Я уверен, что если б не нашёл конины и сам стал бы есть человеческое мясо. Чтобы понять это, надо самому испытать муки голода, а не нашлось бы человека, мы готовы были съесть хоть самого дьявола, будь он зажарен.

С самого нашего выступления из Москвы за колонной Гвардии ехал изящный русский экипаж, запряжённый четвёркой. Но вот уже два дня, как лошадей осталось всего пара, остальных либо убили и съели, либо они пали. В этом экипаже ехала дама, ещё молодая, вероятно, вдова, с двумя барышнями пятнадцати и семнадцати лет. Эта семья французского происхождения, проживавшая в Москве, уступила настояниям одного офицера Гвардии сопровождать его во Францию. Быть может, этот офицер и намеревался жениться на даме – он был немолод. Словом, эта интересная и несчастная семья, как и мы, подвергалось суровому холоду, всем ужасам нужды, и на этих женщинах ещё тяжелее должны были сказываться все лишения похода. Как бы то ни было, эти несчастные дамы, как и мы, сильно мёрзли и испытывали невыносимые страдания от голода и нужды, чувствуя это, без сомнения, гораздо острее, чем мы.

Едва занимался день, когда мы прибыли на место ночёвки нашего полка; все занялись обустройством лагеря. За последние два дня было замечено, что полки убыли на целую треть, и не удивительно, что от такого страшного напряжения умерло так много людей. Вот там-то я опять увидал карету, в которой ехало несчастное московское семейство. Карета выехала из лесочка, направляясь к дороге, её сопровождало несколько сапёров и упомянутый выше полковник, казавшийся сильно взволнованным. Выехав на дорогу, карета остановилась недалеко от того места, где я стоял. Я услыхал стоны и громкий плач. Офицер отворил дверцу, вошёл в карету и вынес из неё труп. Затем он передал его двум пришедшим с ним сапёрам – это было тело одной из только что умерших девушек. На ней было серое шёлковое платье и салоп из той же материи, отороченный горностаевым мехом. Даже мёртвая, она была всё ещё хороша собой, но страшно худа. При всём нашем равнодушии к трагическим сценам, мы были глубоко потрясены, увидев плачущего офицера, заплакал и я.

В ту минуту, как уносили покойницу, я заглянул в окно кареты: мать и другая дочь лежали в объятиях друг у друга. Мне

показалось, что обе в глубоком обмороке. Вечером того же дня страдания их прекратились навсегда. Кажется, их похоронили всех вместе в яме, вырытой сапёрами неподалёку от Валутино. Лейтенант – полковник, считая себя виновником этого несчастья, искал смерти в нескольких сражениях, при Красном и других, а в январе, через несколько дней после нашего прибытия в Элбинг, он умер от горя.

Этот день – 8-е ноября – был просто ужасен. Мы уже немного опаздывали на место нашей ночёвки, а поскольку на другой день мы должны были прибыть в Смоленск, надежда найти там пищу и кров (ходили слухи, что нас там расквартируют) побуждала людей, несмотря на суровый холод и нужду, прикладывать нечеловеческие усилия.

Чтобы дойти до того места, где мы должны были расположиться на бивуаках, надо было пересечь глубокий овраг и взобраться на холм. Мы заметили, что несколько артиллеристов Гвардии застряли в этом овраге со своими пушками и не могли выбраться оттуда – лошади обессилели, люди изнемогали от усталости. С ними шли артиллеристы Гвардии прусского короля, которые, как и мы, проделали всю кампанию – они состояли при нашей артиллерии в качестве контингента от Пруссии. На этом самом месте, возле своих орудий, они расположились бивуаком и развели костры, приняв решение переночевать, а на следующий день продолжить путь. Наш полк и егеря стали по правую сторону дороги. Думаю, это была гора у Валутино, где 19-го августа произошло сражение, и где погиб храбрый генерал Гюден.

Меня назначили в караул при маршале Мортье. Квартирой ему служил амбар без крыши. Убежище соорудили быстро, но постарались защитить его, насколько возможно, от снега и холода. Наш полковник и адъютант – майор разместились там же. Мы оторвали несколько деревянных досок от забора и развели для маршала костёр, у которого все могли бы согреться. Едва мы устроились и занялись жареньем конины, как появился какой-то человек с закутанной платком головой, с перевязанными тряпками руками и в обгорелой одежде. Подойдя к костру, он со слезами воскликнул:

– Ах, полковник, я так несчастен! Я так страдаю!

Полковник, обернувшись, спросил его, кто он такой, откуда явился, и что с ним произошло.

– Ах, полковник, – отвечал тот, – я всего лишился и вдобавок весь обгорел!

Полковник, узнав его, сказал:

– Ну, и поделом! Надо было оставаться в полку, а вы пропали на несколько дней. Чем вы занимались, что вы делали, когда ваш

долг был показывать пример и, как все мы, оставаться на посту? Вы меня понимаете, сударь?

Но бедняга либо не слышал, либо не понимал – не время было читать ему нотации. Этот человек был тем самым офицером, спасённым нами прошлой ночью из горевшего сарая и владевшим множеством ценных вещей и золота, взятых им в Москве. Но теперь всё погибло – и его лошадь и вещи. Маршал с полковником завели разговор о катастрофе в сарае. А поскольку я был очевидцем этого бедствия, тоже принял участие в разговоре – спасённый офицер ничего не мог сообщить, так он был расстроен.

Было часов около девяти; ночь стояла необыкновенно тёмная, многие начали забываться тяжёлым, беспокойным сном, вследствие утомления и голода, у костра, ежеминутно грозившим совсем погаснуть. Мы размышляли о завтрашнем дне, о Смоленске, где закончатся наши мучения, ведь там мы найдём продовольствие и квартиры.

Я закончил свой жалкий ужин, состоявший из кусочка лошадиной печени, а вместо питья проглотил пригоршню снега. Маршал также съел печёнки, но только он ел её с куском сухаря и запил глотком водки – ужин не особенно изысканный для маршала Франции, но вполне роскошный при нашем злосчастном положении.

После ужина маршал увидел человека, стоявшего опершись на ружье у дверей амбара, и спросил, что он тут делает. Солдат отвечал, что он стоит на часах. – Зачем? – возразил маршал, – ведь вы не сможете помешать холоду и голоду вторгнуться сюда. Ступайте лучше и сядьте у огня.

Немного погодя, он попросил какую-нибудь подушку, чтобы подложить себе под голову. Денщик принёс ему чемодан, маршал завернулся в плащ и улёгся. Я собирался сделать то же самое, растянувшись на своей медвежьей шкуре, как вдруг нас переполошил какой-то странный шум. Поднялась буря с метелью и северным ветром, температура упала до 27 градусов мороза, и люди из лагеря просто обезумели. С криками они бегали по равнине, стараясь попасть туда, где виднелись костры, и этим облегчить своё положение, но их обволакивал снежный вихрь, и валил на землю, а если они пытались бежать, спотыкались и падали, чтобы уже больше никогда не подняться. Погибли многие сотни и тысячи. Нам очень повезло спать в сарае, защищавшем от ветра. Многие пришли, чтобы приютиться у нас и это спасло их.

Кстати расскажу по этому поводу об одном самоотверженном поступке, совершенном в эту бедственную ночь, когда все самые страшные стихии ада, казалось, обрушились на нас.

В состав нашей армии входили войска принца Эмиля Гессен-Кассельского. Его маленький корпус состоял из нескольких полков кавалерии и пехоты. Как и мы, он расположился на бивуаках по левую сторону дороги, с остатками своих несчастных войск, число которых сократилось до пятисот или шестисот человек. Осталось около150-ти драгун, но уже пеших, так как их лошади либо пали, либо были съедены. Эти храбрые воины, изнемогая от холода и не имея сил оставаться на месте в такую метель и непогоду, решили принести себя в жертву, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лет двадцати, не более, поместив его в центре, чтобы защитить от ветра и холода. Закутавшись в свои длинные белые плащи, они всю ночь простояли, плотно прижимаясь друг к другу. На другое утро три четверти этих людей были мертвы и занесены снегом, та же участь постигла почти десять тысяч человек из разных корпусов.

Днём, выбираясь на дорогу, мы вместе с маршалом спустились в овраг, где ночевали артиллеристы. В живых не осталось никого: люди, лошади – все они лежали занесённые снегом: солдаты вокруг бивуачных костров, лошади, впряжённые в орудия, которые так и пришлось бросить.

Почти всегда случалось, что после сильного мороза и метели, навеянного северным ветром, погода смягчалась. Казалось, природа, устав мучить нас, хотела немного отдохнуть, чтобы потом истязать с новой силой.

Все, кто был ещё жив, опять выступили в путь. Справа и слева от дороги полуживые люди выползали из-под своих жалких убежищ, устроенных из сосновых веток и занесённых снегом. Другие появлялись из леса, где прятались во время метели. Мы останавливались ненадолго, чтобы подождать их и, беседуя друг с другом о наших несчастьях и о невероятном количестве погибших, безучастно окидывали взглядом эту картину невероятных бедствий. Местами виднелись ружья, установленные в козлы, а некоторые козлы лежали опрокинутыми, но поднять их было некому.

Когда все собрались, колонна двинулась, наш полк образовал арьергард. В этот день двигаться было особенно тяжело. Множество людей нуждалось в помощи, мы вынуждены были вести их под руки, чтобы спасти и помочь добраться до Смоленска.

Перед вступлением в город надо было пройти через небольшой лес – там мы догнали колонну объединённой артиллерии. На лошадей жалко было смотреть, пушечные лафеты и зарядные ящики были заполнены больными и умершими от

холода. Я вспоминаю одного из моих старых друзей, моего земляка по имени Фик. Я спросил егеря Гвардии, служившего с ним в одном полку, что произошло с Фиком, и узнал, что несколько минут назад он упал мёртвым на дороге (в том месте дорога была узкая и углублённая, поэтому его тело нельзя было убрать). А потом по его телу проехала вся артиллерия, впрочем, как и по телам многих других, упавших на том же месте.

Я шёл по узкой лесной тропинке, слева от дороги, и со мной был мой приятель, сержант из моего полка. Вдруг мы увидали лежавшего поперёк тропинки артиллериста Гвардии. Другой артиллерист снимал с него одежду. Мы заметили, однако, что лежащий солдат ещё жив – временами шевелил ногами и бил по земле сжатыми кулаками. Не сказав ни слова, мой товарищ изо всех сил ударил негодяя прикладом ружья по спине, и тот обернулся. Но мы не дали ему времени заговорить и резко упрекнули за такое варварское поведение. Тот возражал, что если солдат ещё не умер, то скоро умрёт, что когда его оттащили в сторону от дороги, чтобы он не был раздавлен артиллерией, он не подавал никаких признаков жизни. Наконец, это его земляк, а, значит, имеет больше прав на его одежду, чем кто-либо другой.

То же самое часто случалось с несчастными солдатами, которые, по слухам, имели много денег. Многие грабили упавших товарищей вместо того, чтобы помочь им подняться, подобно этому артиллеристу.

Мне не следовало бы из уважения к роду человеческому описывать такие ужасы, но я считаю долгом передать всё, что я видел. Да я и не могу поступить иначе – все эти воспоминания так крепко засели у меня в голове, что мне кажется, что если я изложу всё на бумаге, они перестанут меня мучить. Безусловно, во время этой фатальной кампании было совершено много позорного, но были и благородные поступки – мне не раз случалось видеть, как солдаты в продолжение нескольких дней тащили на плечах раненых офицеров.

Перед выходом из леса мы встретили около сотни улан на сытых конях и в полной экипировке. Они ехали из Смоленска, где находились с лета. Они ужаснулись, увидев нас такими жалкими, а мы со своей стороны, были поражены их блестящим видом. Многие солдаты бежали за ними, как нищие, вымаливая кусок хлеба или сухаря.

Выйдя из леса, мы сделали привал, поджидая тех, кто помогал больным. Нельзя себе представить более тяжёлого зрелища, – что бы ни говорили этим несчастным про ожидаемые блага – пищу и квартиру – они, как будто, ничего не слышали. Они – словно куклы – двигались, когда их вели, и

останавливались, стоило от них отойти. Наиболее сильные несли по очереди оружие и ранцы, многие из этих несчастных, кроме того, что почти потеряли рассудок и силы, лишились также от мороза пальцев на руках и ногах.

И вот мы опять увидели Днепр, уже по левую руку, а на другом берегу – тысячи войск, переправившихся через реку по льду. Там были части всех корпусов, пехота и кавалерия, завидев вдали малейшее селение, они бросались туда со всех ног, надеясь найти пищу и кров. Промаршировав с большим трудом ещё с час, мы к вечеру прибыли, полумёртвые, изнемогающие от усталости, на берега рокового Днепра, переправились через него и очутились у стен города.

У ворот и под валами давно уже скопились тысячи солдат всех корпусов и всех национальностей, входящих в состав нашей армии, ожидая приказа входить. Им этого не разрешали, боясь, что все эти люди, прибывшие без офицеров, строя и порядка, умирающие с голода, бросятся грабить город. Многие сотни людей либо умерли, стоя тут, либо находились при смерти. Когда мы подошли к стенам вместе с другими гвардейскими корпусами, двигаясь в наилучшем, по возможности, порядке и приняв все предосторожности, чтобы забрать с собой всех наших больных и раненых, нам отворили ворота, и мы вступили в город. Большинство солдат тотчас разбежались в разные стороны, чтобы найти себе крышу над головой и обещанное продовольствие.

Чтобы восстановить порядок, было объявлено, что поодиночке солдаты ничего не получат. С этой минуты наиболее сильные соединялись по номерам полка и выбирали из своей среды командира, который мог бы служить их представителем, потому что некоторых полков вовсе не существовало. А мы, Императорская Гвардия, вошли в город, но с трудом, так как были страшно изнурены и ещё должны были преодолеть крутой подъем, тянувшийся от Днепра до других ворот. Склон сильно обледенел, наиболее слабые падали ежеминутно, приходилось помогать им встать, а кроме того, нести тех, кто уже не мог идти.

Таким вот образом мы вошли в предместье, сгоревшее ещё при обстреле города 15-го августа. Там мы остановились и расположились в домах, не совсем уничтоженных пожаром. Мы устроили по возможности удобнее своих больных и раненых – тех, у кого хватило мужества и сил добраться до места, а многих оставили в деревянном бараке у въезда в город. Эти последние были настолько больны, что не имели сил дойти туда, где мы остановились. В числе тяжелобольных был один мой приятель, почти умирающий, которого мы принесли в город, надеясь, что его удастся поместить в госпиталь. Мы надеялись остаться в

городе до весны. Но наши надежды не оправдались. Большинство окрестных деревень лежали в руинах, а Смоленск существовал, так сказать, только по имени. Виднелись только стены домов, выстроенных из камня, все же деревянные постройки, из которых большей частью состоял город, исчезли. Словом, город представлял собой какой-то жалкий остов. Тот, кто осмеливался ходить по улицам в потёмках, рисковал попасть в ловушку – подвалы на местах, где прежде стояли деревянные дома. Они были присыпаны снегом, и солдат, имевший несчастье попасть туда, исчезал и уже не мог выбраться. Таким образом, погибли многие. На следующий день их вытаскивали, но не для того, чтобы предать их земле, а чтобы стащить с них одежду, или вообще поживиться тем, что можно было найти на них. То же самое случалось с солдатами, погибавшими в походе или на остановках. Живые делили между собой одежду мёртвых, потом в свою очередь погибали несколько часов спустя и подвергались той же участи.

Вскоре после нашего прибытия в Смоленск, нам раздали по небольшому пайку муки, равному одной унции сухарей, но и это было больше, чем можно было надеяться. У кого были котлы, тот варил кашу, другие пекли лепёшки в золе и съедали их полусырыми. Жадность, с какой солдаты набрасывались на еду, чуть не погубила их, многие серьёзно заболели и чуть не умерли. Что касается меня, то я не ел супа с 1-го ноября и, хотя каша из ржаной муки была тяжела как свинец, мне посчастливилось не заболеть.

После нашего прибытия несколько солдат полка, уже больные, но мужественно дошедших сюда, умерли, а так как им были предоставлены лучшие места в скверных лачугах, мы поспешили удалить покойников и занять их места.

Отдохнув и, несмотря на холод и падавший снег, я собрался разыскать одного из моих товарищей, с которым я был так близок, что между нами никогда не было счетов – наши кошельки и имущество всегда были общими. Звали его Гранжье.[39] Я не виделся с ним от самой Вязьмы, откуда он вышел раньше меня с отрядом, эскортируя фуру с багажом маршала Бессьера. Я слышал, что он прибыл два дня тому назад и живёт в предместье. Желание увидеться с ним, надежда разделить с ним жилье и продовольствие, заставили меня немедленно приняться за розыски. Захватив с собой ранец и оружие, и никого не предупредив, я пошёл назад по той же дороге, по которой мы пришли. Несколько раз я падал на скользком крутом спуске, по которому мы подымались и, наконец, дошёл до ворот, через которые мы вошли в Смоленск.

У ворот я остановился взглянуть, как поживают люди, оставленные нами в бараке и состоявшие из баденских солдат, часть которых образовала гарнизон. Каково же было моё удивление, когда я увидел моего товарища, которого мы оставили вместе с другими больными, пока мы не придём за ними, лежащего передо мной у дверей барака совершенно раздетого, в одних панталонах – с него сняли всё, даже обувь.

Баденцы сообщили мне, что солдаты полка, пришедшие сюда за своими товарищами, застали его без признаков жизни, тогда они обобрали его, затем, забрав с собой двух больных, вместе с ними обошли вал, рассчитывая найти дорогу получше. Пока я находился в бараке, туда прибыло ещё несколько несчастных солдат из разных полков, они тащились с трудом, опираясь на своё оружие. Другие, на противоположном берегу Днепра и упавшие в снег, кричали и плакали, умоляя о помощи. Но немецкие солдаты, либо ничего не понимали, либо не хотели понимать. К счастью, молодой офицер, командовавший постом, говорил по-французски. Я попросил его, во имя человеколюбия, послать помощь людям по ту сторону моста. Он ответил, что со времени своего прибытия половина его отряда только этим и занимается, и что теперь у него в распоряжении почти нет людей. Его караульный пост переполнен больными и ранеными до такой степени, что не хватает места.

Однако, по моим настояниям, он послал ещё троих и скоро они вернулись, ведя под руки старого егеря конной Гвардии. Они рассказывали нам, что там ещё много людей, которых надо привести, но поскольку у них тогда не было такой возможности, их уложили вокруг большого костра до того момента, когда можно будет пойти и забрать их. У старого егеря, по его словам, были отморожены все пальцы на ногах, и он обмотал ноги кусками овчины. Ледяные сосульки свисали с его бороды и усов. Его подвели к огню и усадили. Тогда он принялся проклинать русского царя Александра, Россию и «Русского бога». Потом он спросил у меня, была ли раздача водки. Я отвечал:

– Нет, пока, и вряд ли будет.

– В таком случае, – промолвил он, – мне лучше умереть!

Молодой немецкий офицер не выдержал, видя страдания старого воина, подняв плащ, он вытащил из кармана флягу и подал старику.

– Спасибо, – сказал тот, – вы спасли меня от смерти. Если представится случай отдать за вас жизнь, будьте уверены, что я не поколеблюсь ни на минуту! Запомните Роланда, конного егеря Старой Императорской Гвардии, ныне пешего, вернее, безногого.

Три дня тому назад я вынужден был расстаться со своей лошадью – чтобы избавить её от дальнейших страданий, я пустил ей пулю в лоб. Потом я отрезал у неё кусок мяса от задней ноги и теперь собираюсь закусить.

Сказав это, он вынул из ранца кусок конины, первым делом предложил офицеру, давшему ему водки, а потом и мне. Офицер дал ему ещё глоток и просил оставить флягу себе. Старый егерь уж и не знал, чем выразить ему свою признательность. Он снова просил офицера помнить о нем и в гарнизоне, и в походе и, наконец, сказал:

– Хорошие люди никогда не гибнут!

Но тотчас спохватился, сообразив, что сказал ужасную глупость.

– Хотя, – сказал он, – тысячи людей, что погибли за эти три дня, были не хуже меня. Вот я побывал в Египте, поверьте, видал всякое, а всё-таки не сравнить с тем, что сейчас происходит. Надо надеяться, что теперь уже скоро конец нашим мучениям, говорят, нас расквартируют до весны, а там мы отыграемся.

Бедный старик, которому два-три глотка водки развязали язык, не подозревал, что наши бедствия только начинаются!

Было часов одиннадцать, однако, я не потерял надежду отыскать Гранжье, хотя бы и ночью. Я попросил дежурного офицера указать мне, где живёт маршал Бессьер, но, либо он неправильно мне объяснил, либо я не понял его, но только я сбился с дороги и очутился где-то, имея по правую руку вал, под которым протекал Днепр. Слева от меня лежало пустое пространство, там была прежде улица, тянувшаяся под валом, и все дома теперь были сожжены и разрушены бомбардировкой. Несмотря на темноту, все же виднелись кое-какие развалины, выступавшие точно тени из глубокого снега. Дорога, по которой я шёл, была очень плохая, я так сильно утомился, пройдя по ней немного, что пожалел, что отважился идти туда один. Я уже собирался повернуть назад и отложить до завтра свои поиски Гранжье, как вдруг услышал шаги и, обернувшись, узнал одного из баденских солдат, несущего небольшой бочонок на плечах, вероятно, с водкой. Я окликнул его – он не отвечал, я пошёл за ним следом – он ускорил шаг. Я – тоже. Он стал спускаться по крутому склону, я хотел сделать то же, но поскользнулся. Я упал и, скатившись вниз одновременно с ним, угодил в дверь подвала, которая отворилась под тяжестью моего тела, так что я очутился внутри раньше солдата.

Едва я собрался с мыслями и огляделся, как был оглушён криками на разных языках десятка людей, валявшихся на соломе

вокруг костра. Тут были французы, немцы, итальянцы, и я сразу понял, что это была банда воров и мародёров – в походе они либо шли впереди армии и первые входили в дома, попадающиеся на пути, либо устраивались бивуаками в деревнях. Когда армия, страшно утомлённая, приходила на место стоянки, они выходили из своих укромных тайников, бродили вокруг бивуаков, уводили лошадей, похищали вещи офицеров и выступали в путь спозаранку, на несколько часов раньше колонны – и так повторялось изо дня в день. Словом, это была одна из тех шаек, которые образовались сразу же после резкого похолодания. Со временем таких шаек становилось все больше и больше.

Ошеломлённый своим падением, я и встать ещё не успел, как из глубины подвала вышел какой-то человек и зажёг пучок соломы, чтобы получше меня рассмотреть. В потёмках, благодаря медвежьей шкуре, нельзя было разобрать, к какому полку я принадлежу. Но, заметив Императорского орла на моем кивере, он насмешливо воскликнул:

– Ага! Императорская Гвардия! Вон отсюда!

И другие подхватили:

– Вон, убирайся! Вон!

Оглушённый, но не испуганный их криками, я встал на ноги и попросил их, если уж так получилось, что я попал к ним, позволить мне остаться до утра. Но человек, закричавший первым, по-видимому, главарь, ответил, что я должен уйти, остальные завопили хором:

– Вон! Прочь отсюда!

Какой-то немец подошёл ко мне и попытался схватить меня, но я так толкнул его в грудь, что тот упал на людей, лежавших вокруг костра, а я взялся за рукоятку сабли – ружье моё осталось у входа. Главарь зааплодировал моей расправе с немцем, собиравшимся вытолкать меня, и сказал ему, что не подобает ему, немчуре, кочану капусты, тянуть руки к французу. Увидав, что главарь на моей стороне, я объявил, что решил остаться здесь до утра и скорее готов дать себя убить, чем замёрзнуть на дороге. Какая-то женщина (их было там две) попыталась вступиться за меня, но ей приказали молчать, и это приказание сопровождалось криками и грязной руганью. Тогда вожак опять приказал мне убраться, добавив, что я должен его избавить от неприятной необходимости, выводить меня силой. Конечно, если он вмешается, эта задача будет решена быстро, и я как пуля полечу ночевать в свой полк.

Я спросил его, почему же он сам со своими товарищами не в полку сейчас? Главарь отвечал, что это не моё дело, он не обязан

отдавать мне отчёта, он у себя дома, а я не могу ночевать у них, потому что своим присутствием стесняю их, ведь они намерены отправиться в город, чтобы воспользовавшись беспорядком, поживиться добычей. Я просил позволения остаться ещё немного, согреться, а потом я обещал, что точно уйду. Не получив ответа, я переспросил. Главарь согласился, с условием, что я уйду через полчаса. Он поручил барабанщику, по-видимому, своему помощнику, проследить за исполнением приказа.

Желая воспользоваться немногим остававшимся у меня временем, я осведомился, не продаст ли мне кто немного еды или водки.

– Если бы у нас это было, – отвечали мне, – сами бы выпили.

Между тем бочонок, который нёс баденский солдат, наверняка был с водкой, я слышал, как солдат говорил на своём языке, что он отнял его у полковой маркитантки, спрятавшей бочонок, когда армия прибыла в город. Из его слов я понял, что этот солдат здесь новенький, он служил в гарнизоне, и только со вчерашнего дня пристал к этим людям, решив, подобно им, бросить свой полк ради весёлой жизни грабителя и мародёра.

Барабанщик, который наблюдал за мной, о чём-то таинственно совещался с другими, наконец, он спросил, нет ли у меня золота, чтобы обменять его на водку.

– Нет, – отвечал я, но у меня есть пятифранковые монеты.

Женщина, стоявшая возле меня, та самая, что вступилась за меня, вдруг наклонилась, делая вид, будто что-то ищет на полу возле двери. Приблизившись ко мне, она прошептала:

– Уходите отсюда поскорее, поверьте, они вас убьют! Я с ними от самой Вязьмы и против своей воли. Приходите сюда завтра утром с товарищами и спасите меня!

Я спросил, кто та другая женщина, она ответила, что это еврейка. Я хотел задать ей ещё несколько вопросов, но из дальнего угла подвала заорали, чтобы она замолчала, и спросили, что такое она мне рассказывает? Она отвечала, что объясняет мне, где достать водки – у еврея на Новом рынке.

– Молчи, болтунья! – опять закричали на неё.

Женщина умолкла и забилась в угол подвала.

После того, что сказала мне эта женщина, я убедился, что, несомненно, я попал в настоящее разбойничье логово. Поэтому, я не стал ждать второго приказа удалиться, встал и, делая вид, будто ищу местечка, где бы улечься, подошёл к двери, открыл её и вышел. Меня звали назад, уверяли, что я могу остаться до утра и выспаться. Но я молча поднял своё ружье, валявшееся у дверей, и приступил к поискам выхода из этого тупика, но безуспешно. Я

уже был готов постучать в дверь подвала, чтобы мне указали дорогу. Вдруг оттуда вышел баденский солдат, вероятно, посмотреть, не пора ли отправляться в мародёрскую экспедицию. Он снова спросил меня, хотел бы я вернуться. Я сказал, что нет, но попросил его показать мне дорогу в предместье. Он знаком велел мне идти за ним следом и, пройдя мимо нескольких развалившихся домов, стал подниматься по какой-то лестнице. Я шёл за ним. Когда мы вышли на вал и на дорогу, он начал кружить и петлять, якобы для того, чтобы направить меня куда надо, но я понял, что он хочет, чтобы я потерял дорогу к подвалу. А между тем я, напротив, хотел его запомнить, вернуться на другое утро с несколькими солдатами и освободить женщину, просившую у меня помощи, а также разузнать, откуда у этих молодцов взялись чемоданы, которые я заметил в глубине этого проклятого подвала.

ГЛАВА VI

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ. – Я НАХОЖУ ДРУЗЕЙ. – МЫ ОСТАВЛЯЕМ СМОЛЕНСК. – НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА. – СРАЖЕНИЕ ПОД КРАСНЫМ. – ДРАГУН МИЛЕ.

Мой проводник незаметно скрылся, а я совершенно растерялся, не зная куда идти. Вот тогда-то я пожалел, что покинул свой полк. Между тем, надо было на что-нибудь решаться и, поскольку снегопад прекратился, я начал искать свои следы. А затем я вспомнил, что вал должен был всё время оставаться у меня по правую руку. Пройдя некоторое расстояние, я узнал то место, где встретился с баденцем, но чтобы быть полностью уверенным, я начертил ружейным прикладом два глубоких креста в снегу, а потом пошёл дальше.

Было часов двенадцать ночи. Я провёл в подвале около часа, и за это время мороз значительно усилился. Правда, по левой стороне я видел костры, но не осмеливался направиться туда, боясь погибнуть, провалившись в один из присыпанных снегом подвалов. Я продолжал пробираться ощупью и, опустив голову, внимательно глядел себе под ноги. Потом я заметил, что дорога идёт под гору, а пройдя ещё немного, увидел груды пушечных лафетов, вероятно, предназначавшихся для укрепления крепостного вала. Спустившись вниз, я никак не мог разобрать направления, и вынужден был присесть на лафет отдохнуть и подумать, куда мне держать путь.

В этом ужасном положении, сидя подперев голову руками, и в ту минуту, когда меня потянуло в сон, от которого я бы не проснулся, я вдруг услыхал какие-то необычайные звуки. Я очнулся с ужасом, при мысли об опасности, которой только что избежал. Затем я насторожил всё своё внимание, стараясь уловить, откуда несутся звуки, но уже ничего не слышал. Мне тогда показалось, что это был сон или предостережение неба, чтобы спасти меня. Тотчас же, собрав всё своё мужество, я опять побрёл ощупью, преодолевая многочисленные препятствия, попадавшиеся на моем пути.

Наконец мне удалось, несколько раз рискуя сломать себе ноги, преодолеть все препятствия, мешавшие мне пройти, и я остановился немного отдохнуть, чтобы суметь взойти на холм перед собой. Я снова услышал звуки, разбудившие меня, и теперь понял, что это за музыка. Торжественные звуки органа, доносившиеся издалека, произвели на меня, стоявшего в полном

одиночестве в этом месте и в такое время, потрясающее впечатление. Я быстро пошёл в ту сторону, откуда слышались звуки, вверх по склону. Очутившись наверху, я сделал несколько шагов, остановился – и вовремя! Ещё несколько шагов и всё было бы кончено! Я свалился бы вниз, с вала, с высоты более пятидесяти пье, на берег Днепра. Охваченный ужасом при сознании той опасности, какой подвергался, я отступил назад, снова прислушался, но уже ничего не услышал. Тогда я двинулся в путь и повернул налево, тут мне удалось опять попасть на проложенную дорогу. Я продолжал двигаться медленно, осторожно, подняв голову и прислушиваясь, но так как уже ничего больше не услышал, то подумал, что это было не более, как игра моего расстроенного воображения. В том бедственном положении, в каком мы находились, какая могла быть музыка, да ещё в такой час!

Продвигаясь вперёд и размышляя, я почувствовал, что моя правая нога, которая была наполовину отморожена и сильно болела, наткнулась на что-то твёрдое. Я вскрикнул от боли, и во весь рост упал на труп, лицом прямо на его лицо, затем с трудом встал и увидел, что это драгун – всё ещё с каской на голове и плащом на плечах. Он упал, вероятно, не так давно.

Мой крик был услышан кем-то справа, и этот человек, в свою очередь, крикнул мне, что он давно уже ждёт кого-нибудь. Удивлённый и обрадованный, найдя живого человека там, где я считал себя одиноким, я двинулся в ту сторону, откуда доносился голос. Чем ближе я подходил, тем больше убеждался, что я знаю, чей он. Тогда, я крикнул:

– Это вы, Белок?[40]

– Да! – отвечал он.

Белок не менее меня удивился этой встрече, в такой час, в этом печальном месте, причём он также как и я, не имел понятия, где находится. Сначала он принял меня за капрала, посланного с людьми из особой команды для переноски больных его роты, оставленных у ворот города. Путь был неблизкий, вот потому и требовалась дополнительная помощь.

Я рассказал Белоку о том, каким образом я заблудился, рассказал о своём приключении в подвале, но не решился рассказать о слышанной мною музыке, боясь, что он подумает, что я сумасшедший. Белок попросил меня остаться с ним. Я так и собирался поступить. Немного погодя он поинтересовался, отчего я закричал. Я рассказал ему, что упал на труп драгуна, лицом прямо на его лицо.

– Вы очень испугались, мой бедный друг?

– Нет, – отвечал я, – но зато сильно ушибся.

– Это хорошо, – сказал он, – что вам было так больно, что вы закричали, ведь иначе вы бы прошли мимо и не заметили меня.

Разговаривая, мы шагали назад и вперёд, чтобы согреться, в ожидании, когда придут люди, чтобы перенести больных. Бедняги лежали в ряд на овчине и были накрыты плащом и шинелью, снятыми с мёртвого, не обнаруживая почти никаких признаков жизни.

– Боюсь, – заметил Белок, – что нам не придётся переносить их.

Действительно, по временам слышно было, что они вздыхают или бормочут что-то, но это были последние усилия умирающих.

В то время как возле нас слышалось предсмертное хрипение, с небес снова зазвучала музыка, но на этот раз гораздо ближе. Я обратил на это внимание Белока, и рассказал ему о странных вещах, случившихся со мной ранее, когда я услыхал эти гармоничные звуки. Тогда он сказал мне, что он несколько раз, через определённые промежутки времени, тоже слышал эту музыку и не понимал, откуда она берётся. И, если есть люди, которые так развлекаются, то в них, наверное, чёрт сидит. Потом, подойдя ко мне вплотную, он прибавил вполголоса:

– Милый друг, эти звуки, которые мы слышим, похожи на музыку смерти! Смерть повсюду вокруг нас и у меня такое предчувствие, что скоро умру и я!

Затем он добавил:

– Да будет воля Господня! Но страдания просто невыносимы. Взгляни на этих несчастных!

Он указал на двух солдат, лежавших на снегу. Я промолчал, но мысленно соглашался с ним.

Он замолк, и мы всё слушали эту музыку, не говоря ни слова, по временам слышалось затруднённое дыхание одного из умирающих. Но вот Белок опять прервал молчание:

– Мне кажется, звуки, которые мы слышим, доносятся сверху.

В самом деле, музыка неслась откуда-то над нашими головами. Внезапно шум прекратился, и воцарилась жуткая тишина. Вдруг она была нарушена жалобным криком – то был последний вздох одного из умирающих.

В ту же минуту послышались шаги – это капрал с восемью солдатами пришёл забрать двоих умирающих. Но так как остался в живых только один, то его и унесли, прикрыв одеждой его мёртвого товарища. Мы с Белоком тоже пошли.

Было уже больше часа ночи, ветер стих и мороз немного ослаб, но лучше не стало – я так устал, что не мог идти, мой

дорогой Белок несколько раз замечал, что я останавливался и засыпал стоя.

Белок рассказал мне как найти Гранжье, поскольку солдаты из его роты, эскортировавшие единственный фургон, остававшийся у маршала и видевшие своих товарищей, указали на фургон, стоявший у дверей дома, где разместился маршал. Прибыв к тому месту, откуда мы спустились с вала, я покинул похоронную процессию и решил следовать указанным путём.

Не прошло и минуты, как проклятая музыка зазвучала снова. Я остановился, поднял голову, чтобы лучше слышать, и увидал впереди какой-то свет. Я направился на светлую точку, но дорога шла под уклон, и свет исчез. Я всё-таки продолжал идти, но через несколько шагов, наткнувшись на стену, был вынужден повернуть назад. Я поворачивал направо, налево и наконец, попал на какую-то полуразрушенную улицу. Я шёл быстро, постоянно прислушиваясь к звукам музыки. Дойдя до конца улицы, я увидел освещённое здание, из которого, наверное, и исходила музыка. Подойдя ближе, я увидел стену, окружающую здание, и понял, что это церковь.

Не желая тратить силы, разыскивая вход, я решил перелезть через стену и, чтобы удостовериться, что она не высока, ощупал её ружьём. Убедившись, что её высота не более трёх – четырёх пье, я влез на стену и спрыгнул вниз. Мои ноги наткнулись на что-то округлой формы, и я упал. Я не ушибся и, сделав ещё несколько шагов, заметил, что почва неровная и чтобы не споткнуться, использовал ружье как трость. Вскоре я понял, что вокруг меня более двухсот трупов, еле прикрытых снегом. Как только я пошёл дальше, опираясь на ружье, спотыкаясь о руки и ноги покойников, раздалось заунывное пение, как на похоронах. Я вспомнил слова Белока и, обливаясь холодным потом, в полубессознательном состоянии уже не понимал, что делаю и куда иду. Не помню, каким образом я очутился у стены церкви.

Очнувшись немного, несмотря на дьявольский шум, я прошёл дальше и нашёл открытую дверь, из которой валил густой дым. Вошёл и попал в толпу каких-то людей, которые в густом дыму более походили на призраков, чем на живых людей. Одни пели, другие играли на органе. Вдруг вспыхнуло яркое пламя, и дым рассеялся. Я старался разглядеть, кто меня окружает и куда я попал. Один из певцов подошёл ко мне и воскликнул: «Да это же наш сержант!» Он узнал меня по моей медвежьей шкуре, а я к своему величайшему изумлению узнал солдат из своей роты. Только я собрался расспросить их, как один из них поднёс мне серебряную чашу, полную водки. Все они были вдребезги пьяны!

Один из них, наименее пьяный солдат, рассказал мне, что по

прибытии в Смоленск их назначили в рабочую команду и что, проходя по кварталу, где ещё сохранилось несколько домов, они увидели двух людей, выходивших из подвала с фонарём, – эти люди оказались евреями; тотчас же солдаты решили после раздачи продовольствия вернуться туда и поискать там чего-нибудь съестного, и затем переночевать в этой церкви. В подвале они нашли бочонок водки, мешок риса и немного сухарей, а также десять плащей, отделанных мехом и несколько раввинских шапок.

С ними было несколько полковых музыкантов, хорошо выпив, они принялись играть на органе. Это и была та музыка, что так озадачила меня.

Солдаты дали мне риса, несколько сухарей и раввинскую шапку, отороченную великолепным мехом черно-бурой лисицы. Я тщательно спрятал рис в свой ранец. Шапку я надел себе на голову и, желая отдохнуть, примостился на доске у костра. Едва я положил голову на ранец, как вдруг у дверей раздались крики и ругань. Мы отправились посмотреть, в чём дело. Шестеро человек вели телегу, запряжённую старой, измученной лошадью и нагруженную несколькими трупами, которые они собирались свалить за церковь в придачу к тем, что уже лежали там – земля была слишком твёрдой, чтобы можно было копать, и на морозе трупы временно сохранялись от гниения. Эти люди сказали нам, что если так будет продолжаться, то скоро некуда будет девать мёртвые тела: все церкви переполнены больными, за которыми некому ухаживать. Свободной оставалась только одна эта церковь, и вокруг неё вот уже несколько дней сваливали трупы. С тех пор как пришла колонна Великой Армии, людей, умерших сразу после прибытия, не успевают выносить. Санитары попросили разрешения провести здесь остаток ночи. Они распрягли свою лошадь и ввели её в церковь.

Я неплохо проспал остаток ночи, но проснулся до рассвета от криков одного несчастного музыканта, сломавшего себе ногу при попытке сойти с хоров по лестнице – он ночевал там у органа. Те, что оставались внизу, сняли часть ступеней для костра, так что несчастный, спускаясь вниз, свалился и расшибся так, что не мог ходить. Наверное, он так и остался в этой церкви. Когда я проснулся, почти все солдаты занимались тем, что жарили мясо на остриях сабель. Я спросил их, откуда мясо, а они отвечали, что это – мясо лошади, на которой привезли трупы, и которую они убили, пока санитары спали. Я не винил их за это – надо же как-то жить! Час спустя, когда добрая четверть лошади была уже съедена, один из могильщиков сообщил об этом своим товарищам. Те с руганью накинулись на нас и грозили обратиться

с жалобой к главному смотрителю госпиталей. Мы продолжали свой завтрак, жалея только, что лошадь такая тощая, и что нам попалась одна, а не полдюжины лошадей для раздачи всему полку. Санитары ушли с угрозами, и в отместку свалили все семь трупов с телеги прямо у входной двери в церковь, так что нам пришлось перешагивать через них при выходе.

Эти санитары, не участвовавшие в кампании и не испытавшие никаких лишений, не знали, что мы уже несколько дней питаемся мясом всех лошадей, попадавшихся нам по пути.

Было 7 часов утра, когда я собрался вернуться в свой полк. Я предупредил солдат – их было 14 человек – что надо собраться и явиться вместе и строем. Потом мы поели вкусного рисового супа, сваренного на бульоне из конины, солдаты взвалили себе на спины мешки с шапками, и мы вышли из церкви, уже начинавшей наполняться новоприбывшими и многими другими, покинувшими свои полки, надеясь найти удобное пристанище. Они бродили по всем углам в поисках пищи. Входя, они не обращали внимания на трупы, преграждавшие дорогу, и шагали по ним, как по деревянным колодам – так тела отвердели от мороза.

По дороге в полк, я предложил своим товарищам – солдатам, которым рассказал о своём приключении в подвале, зайти туда. Моё предложение было принято. Дорогу мы отыскали без труда – первым ориентиром нам послужил человек, которого Белок оставил на дороге мёртвым, а далее драгун, о которого я споткнулся и упал: он лежал там по-прежнему, но уже без плаща и без сапог. Перейдя через овраг, где валялись пушечные лафеты, и где я чуть не заснул, мы добрались до того места, где я сделал метку в снегу. Сойдя со спуска менее стремительно, чем я накануне, мы подошли к двери, но она оказалась запертой. Мы постучались, ответа не последовало. Дверь выломали, но пташки упорхнули. Мы застали в подвале только одного человека, до того пьяного, что он не мог сказать ни слова. Я узнал в нём того самого немца, что хотел выгнать меня. Он лежал закутанный в толстый овчинный тулуп, который один из музыкантов отнял у него, невзирая на его сопротивление. Мы нашли в подвале несколько чемоданов и сундуков – всё это было украдено за ночь, но опустошено, точно так же, как и бочонок, принесённый баденским солдатом, в котором, действительно, была можжевёловая водка.

Перед возвращением в лагерь я осмотрел местность и обнаружил к своему удивлению, что за ночь я прошёл много, но практически все время кружил вокруг церкви.

Мы вернулись в лагерь. По дороге я встретил несколько

солдат из нашего полка и присоединил их к тем, которые уже шли со мной. Вскоре я заметил вдали унтер-офицера, в котором тотчас же узнал по его белому ранцу того, кого искал – Гранжье. Я обнял его, а он всё ещё не узнавал меня, так я изменился. Гранжье, оказывается, тоже разыскивал меня и, если б я немного подождал, он повёл бы меня на свою квартиру, угостил бы вкусным супом и дал бы соломы для постели, так как накануне он искал меня именно на этом месте. Гранжье проводил меня до лагеря, куда я явился в полном порядке и с 19-тью рядовыми. Немного погодя Гранжье знаком подозвал меня, открыл свой ранец, вытащил оттуда кусок варёной говядины, припрятанной им нарочно для меня, и кусок хлеба.

Целых 23 дня я не ел такой пищи и теперь набросился на неё с жадностью. Потом Гранжье стал расспрашивать меня про одного товарища, об опасной болезни которого ему сообщили. Я мог ответить ему только одно, что он в городе. Мы не знали где его полк, но точно знали, что он вошёл через те же ворота, что и мы, и остался, также как и многие больные солдаты, которые не могли идти дальше. Мы немедленно отправились в путь. Вскоре мы набрели опять на мёртвого драгуна. На этот раз его раздели почти догола, вероятно искали деньги в его поясе. Я показал Гранжье подвал, а потом мы подошли к воротам, где нас поразило количество сваленных там мёртвых тел: возле поста баденца лежало четверо солдат Гвардии, умерших за ночь, и с которых караульный офицер не разрешил снять одежду. Он сообщил нам, что у него в караулке лежат ещё двое. Мы вошли туда – оба лежали без сознания. Один был егерем, а другой, с лицом прикрытым платком, был из нашего полка. Гранжье открыл его лицо и с удивлением узнал в нём того самого, кого искал. Мы поспешили помочь ему: вынесли, освободили от сабли и патронной сумки, расстегнули воротник и попытались заставить его проглотить несколько капель водки. Он открыл глаза, нас не узнал, и через минуту скончался на моих руках. Мы открыли его ранец и нашли в нём часы и несколько мелких вещиц, которые Гранжье спрятал, с намерением послать их на память семье покойного, если ему, Гранжье, посчастливится вернуться во Францию. Что касается егеря, то мы устроили его как можно лучше, и предоставили его печальной судьбе. Что могли мы ещё сделать?

Гранжье привёл меня на свой пост. Вскоре его сменили егеря и мы попросили их навестить своего товарища, которого только что оставили. Сержант немедленно послал за ним четверых солдат.

Мы вернулись в полк, весь день занимались приведением в

порядок нашего оружия, грелись и беседовали. В течение дня мы убили несколько лошадей и поделили их между собой. Произведена была также раздача ржаной муки и овсянки, смешанной с соломой и рожью.

На другой день, в четыре часа утра, нам велели взять оружие и выступить на четверть лье от города, там, несмотря на лютый мороз, мы до самого рассвета оставались в боевом положении. В следующие дни повторялось то же самое, так как русская армия маневрировала по левую руку от нас.

Три дня мы уже находились в Смоленске, а ещё не знали, останемся ли мы здесь надолго, или будем продолжать отступление. Оставаться нельзя – таково было общее мнение. Почему бы не покинуть город, где негде жить и нечего есть?

На четвёртый день, возвращаясь по обыкновению с утренней позиции, и не доходя до нашего бивуака, я увидел офицера линейного полка, лежавшего у костра. Мы долго смотрели друг на друга, как знакомые, и теперь старавшиеся узнать друг друга под лохмотьями и грязью на лицах. Я остановился, он встал, подошёл ко мне и спросил:

– Думаю, я не ошибся?

– Нет, – отвечал я.

Мы узнали друг друга и обнялись, даже не назвав себя по имени. Это был Болье, велит,[41] мой однокашник и товарищ по Фонтенбло.

Как изменились мы, и как ужасно наше нынешнее положение! Я не видел его с Ваграмской битвы, когда он покинул Гвардию, чтобы стать офицером линейной пехоты, как это бывало и с другими велитами.

Я поинтересовался, где теперь его полк. Вместо ответа он указал мне на орла среди оружия в козлах. Их осталось всего 33 человека, офицеров было только двое – он, да ещё полковой хирург. Большинство погибло от лишений и холода, часть погибла в вооружённых стычках, некоторые отстали и заблудились.

Он, капитан Болье, сообщил мне, что имеет приказ следовать за Гвардией. Я очень недолго побыл с ним, а поскольку у него не было никакой еды, то я поделился с ним рисом, которым меня угостили солдаты в церкви. В те дни, когда еда была дороже золота, такой поступок являлся величайшим проявлением дружбы.

Утром 14-го ноября Император выехал из Смоленска вместе с полками гренадеров и егерей. Немного позже мы двинулись за ними, образуя арьергард, оставив позади армейские корпуса

принца Евгения, Даву и Нея, сильно поредевшие за последние дни. Выйдя из города, мы прошли через «Священное поле» – так называли его русские. Немного подальше Корытни[42] мы наткнулись на глубокий овраг, пришлось остановиться, чтобы дать время артиллерии переправиться через него. Я отыскал Гранжье и предложил перебраться тотчас же, чтобы понапрасну не мёрзнуть. Очутившись на другой стороне, мы заметили троих солдат, скучившихся вокруг околевшей лошади: двое стояли на ногах и показались нам пьяными, так как шатались из стороны в сторону. Третий – немец – лежал на лошади. Этот несчастный, умиравший от голода, и не имевший сил отрезать себе кусок конины, старался откусить прямо от туши. Он умер там же от холода и голода. У остальных двоих, оказавшихся гусарами, рты и руки были перепачканы в крови. Мы заговорили с ними, но не могли добиться никакого ответа: они уставились на нас, хохоча страшным, безумным смехом, а потом уселись возле умершего товарища – тут они, без сомнения, тоже вскоре заснули вечным сном.

Мы продолжали идти по краю дороги, чтобы зайти на правый фланг колонны и здесь дождаться нашего полка у какого-нибудь брошенного костра, если нам повезёт его найти. Мы видели гусара, кажется 8-го полка, боровшегося со смертью – он то и дело спотыкался, падал и опять вставал. Мы подбежали помочь ему, но тут он упал окончательно, чтобы уже больше не встать. Вот так-то, на каждом шагу, нам приходилось шагать через мёртвых и умирающих. Мы продолжали, хотя с большим трудом, идти по правой стороне дороги, чтобы обогнать обозы: вдруг мы увидели пехотного солдата, сидевшего под деревом у маленького костра – он занимался растапливанием снега в котле, чтобы в этой воде сварить сердце и печень лошади, которую только что заколол штыком.

Поскольку у нас было немного риса и овсянки, то мы предложили солдату одолжить нам свой котёл, чтобы сварить их, а за это мы поделимся с ним. Солдат охотно согласился. И вот из риса и овсянки, наполовину перемешанной с соломой, мы приготовили суп, немного приправив его сахаром из ранца Гранжье, ведь соли у нас не было. Пока варился наш суп, мы жарили на остриях сабель куски лошадиной печени и почек, показавшиеся нам очень вкусными. Рис сварился наполовину – мы съели его, а затем догнали ушедший вперёд полк. В тот день Император ночевал в Корытне, а мы поблизости, в лесу. На другой день мы выступили рано, направляясь в Красное,[43] но у входа в город авангард Императорской колонны был остановлен двадцатью пятью тысячами русских. Первыми их заметили

отдельные солдаты, шедшие впереди, они тотчас же повернули назад и примкнули к передним полкам Гвардии, но многие из них, более смелые или более сильные, сомкнули ряды и вступили в бой с неприятелем. Несколько человек либо из-за беспечности, либо по неразумию, попали в плен.

Гренадеры и егеря Гвардии построились в колонну, и смело двинулись на русских; те же, не дожидаясь их, отступили и освободили дорогу, но зато заняли позиции на высотах слева от дороги и ударили по нам из пушек. Услышав пушки, мы ускорили шаг, и подоспели в ту минуту, когда наши артиллеристы уже открыли ответный огонь. И при первых же выстрелах русские скрылись за высотами, а мы продолжали путь.

Тут случился эпизод, которого я не могу обойти молчанием, и о котором я не раз слышал от других, но в различных версиях. Говорят, в ту минуту, когда увидели русских, первые полки Гвардии сомкнулись, как и Генеральный Штаб, вокруг Императора, и таким образом шли вперёд, точно перед ними и не было неприятеля, причём музыка играла мотив:

«Où peut-on être mieux qu'au sein de sa famille?»

«Где может быть лучше, чем в кругу своей семьи?» (перевод мой. – В.П.)

И тут Император, якобы прервал музыку и приказал играть:

«Veillons au salut de l'empire».

«Будем охранять безопасность Империи!» (перевод мой. – В.П.)

Действительно, это происходило, но совершенно иначе – в самом Смоленске, в день нашего ухода. Принц Невшательский, в то время, военный министр, видя, что Император не отдаёт приказа к выступлению, и что армия тревожится по этому поводу, и в силу невозможности оставаться дольше в таком печальном положении, собрал несколько музыкантов и приказал им играть под окнами дома, где жил Император, мотив:

«Где может быть лучше, чем в кругу своей семьи?»

Но едва они начали, как Император вышел на балкон и приказал играть:

«Будем охранять безопасность Империи!»,

что музыканты исполнили, как смогли, невзирая на своё жалкое состояние, а сразу же после этого был отдан приказ к выступлению завтра утром. Возможно ли, что несчастные музыканты, даже, если они находились на правом фланге полка, были способны дуть в свои трубы и играть отмороженными пальцами? Но в Смоленске это могло произойти, так как там были костры и люди могли согреться.

Два часа спустя после стычки с русскими, в Красное прибыл Император с первыми полками Гвардии, нашим полком и фузилерами – егерями. Мы расположились бивуаками недалеко от города. Я был в карауле с 15-ю людьми у генерала Роге, жившего в городе в маленькой избе, крытой соломой. Я разместил людей в конюшне, считая себя счастливым, что могу провести ночь под кровлей, и у костра, который мы сейчас же развели. Но на деле вышло иначе.

Пока мы стояли в Красном и его окрестностях, войско в 90 000 человек окружило нас – спереди, справа, слева, сзади – всюду виднелись одни русские, очевидно, рассчитывавшие легко одолеть нас. Но Император хотел дать им почувствовать, что это не так просто, как они думают и, хотя мы страдали от голода и холода, мы по-прежнему имели нечто, поддерживающее нас – честь и мужество. Император, раздражённый видом преследовавшей нас орды варваров и дикарей, решил от неё избавиться.

Вечером, в день прибытия, генерал Роге получил приказ провести ночную атаку с частью Гвардии: полками фузилеров – егерей, гренадеров, вольтижёров и стрелков. В 11 часов вечера на разведку послали несколько отрядов с приказом определить точное расположение русских. Их костры мы видели в двух деревнях. Очень вероятно, что неприятель подготовился к встрече, поскольку после начала нашей атаки, их войска уже ожидали нас.

Около часа ночи генерал пришёл ко мне и сказал со своим гасконским акцентом:

– Сержант, оставьте здесь капрала с четырьмя солдатами охранять мою квартиру и вещи, а сами возвращайтесь в свой полк. Нам предстоит большая работа.

Честно говоря, этот приказ мне не понравился – я не боялся идти в бой, но мне было очень жаль потерянного времени для сна и отдыха.

Когда я прибыл в лагерь, подготовка шла полным ходом – бой предстоял серьёзный. Многие признавались, что с нетерпением ждут конца своим страданиям, поскольку сил уже никаких нет.

Около двух часов ночи началось движение. Мы выступили тремя колоннами: фузилеры – гренадеры (и я среди них) и фузилеры – егеря образовали центр, стрелки и вольтижёры справа и слева. Холодно было невероятно, мы с трудом пробирались по колено в снегу. Через полчаса мы дошли до позиций русских. Справа от нас тянулась длинная линия пехоты, открывшая по нам убийственный ружейный огонь. Слева – их тяжёлая кавалерия, состоявшая из кирасир в белых мундирах и чёрных кирасах. Они

выли как волки, подзадоривая друг друга, но не осмеливались атаковать нас. Артиллерия, расположившаяся в центре, осыпала нас картечью. Но это не остановило нас. Несмотря на стрельбу и огромные потери, мы ворвались в их лагерь, где устроили страшную резню, орудуя саблями и штыками.

Те, что находились подальше, успели схватить оружие и прийти на помощь своим товарищам. Они сделали так: подожгли свой лагерь и обе деревни. Мы дрались при свете пожаров. Правая и левая колонны обошли нас и вступили в неприятельский лагерь с флангов, а наша колонна шла посередине.

Я забыл упомянуть, что в ту минуту, когда авангард нашей колонны атаковал лагерь, мы увидали лежавших на снегу несколько сот русских, которых мы приняли за мёртвых или тяжелораненых. Мы миновали их, но едва прошли немного вперёд, как те вскочили, подняли оружие и стали стрелять в нас, поэтому нам пришлось сделать полуоборот, чтобы защищаться. К несчастью для них, сзади подоспел ещё батальон, который шёл в арьергарде и которого они не заметили. Они попали между двух огней – в течение каких-нибудь пять минут их никого не осталось в живых. Эту военную хитрость русские часто используют, но на этот раз она им не удалась.

Первым погиб несчастный Белок – тот самый, который в Смоленске предсказал мне свою смерть. Он был сражён пулей в голову наповал. Он был всеми любим и, несмотря на равнодушие, с каким мы привыкли ко всему относиться, всем нам было искренне жаль его потерять.

Пройдя через русский лагерь и атаковав деревню, мы заставили неприятеля побросать часть артиллерии в озеро, после чего большая часть их пехоты засела в домах, некоторые из них горели. Именно там и состоялся ожесточённый рукопашный бой. Резня была страшная: мы рассыпались, и каждый сражался сам по себе. Я очутился возле нашего полковника, самого старого полковника Франции, прошедшего через всю Египетскую кампанию. Его вёл сапёр, поддерживая под руку, тут же находился адъютант – майор Рустан. Мы подошли к усадьбе, где засели русские, солдаты нашего полка заблокировали их. Единственным путём отступления для русских оставался выход через ограждённый забором обширный двор.

Во время этого беспорядочного боя я заметил во дворе русского офицера на белом коне, который плашмя бил саблей своих солдат, стремившихся перепрыгнуть забор. В конце концов, ему удалось расчистить путь, но в ту минуту, как он собирался перескочить на ту сторону, его лошадь упала, сражённая пулей. С этого момента бой стал ещё отчаяннее. При свете пожара

происходила сущая бойня. Русские, французы вперемежку, в снегу, дрались, как звери, и почти в упор стреляли друг в друга.

Я бросился к русскому офицеру, который успел выбраться из-под лошади и пытался спастись, перескочив через забор, но какой-то русский солдат, оказавшийся на моем пути, остановился и выстрелил в меня, но его ружье дало осечку, в противном случае мне был бы конец. Однако, мой противник, вообразив, что я тяжело ранен, спокойно перезаряжал своё ружье. Адъютант – майор Рустан бросился ко мне и, схватив меня за руку, сказал:

– Мой бедный Бургонь, вы ранены?

– Нет, – отвечал я.

– Тогда, – сказал он, – не промахнитесь!

Я думал так же и, не дав русскому времени снова зарядить ружье, я выстрелил в него. Смертельно раненый, он упал не сразу, он пошатнулся, глядя на меня, и тогда уже рухнул на лошадь офицера, лежавшую у самого забора. Адъютант – майор добил его саблей. Между тем я вернулся к полковнику, который так изнемог от усталости, что был не в силах командовать. Возле него оставался только один сапёр. Адъютант – майор пришёл с окровавленной саблей, сообщив, что был вынужден расчищать себе дорогу саблей, и был ранен штыком в бедро. В эту минуту сапёру, поддерживавшему полковника, пуля попала в грудь. Полковник спросил его:

– Сапёр, вы ранены?

– Да, сир, – отвечал тот, взял руку полковника и показал ему рану, вложив его палец в отверстие от пули.

– В таком случае уходите.

Но сапёр возразил, что у него ещё остались силы, чтобы поддержать его, или умереть вместе с ним, если понадобится.

– И в самом деле, – заметил адъютант, – куда ему идти, когда враг кругом? Мы не знаем, где мы, придётся ждать рассвета, продолжая сражаться.

Мы действительно потеряли всякое представление о местности, ослеплённые ярким светом пожаров.

Через пять минут после того, как ранило сапёра, заблокированные в усадьбе русские, видя, что им угрожает опасность сгореть живьём, решили сдаться. Один раненый унтер-офицер под градом пуль явился к нам с предложением о сдаче. Тогда адъютант – майор послал меня с приказанием прекратить огонь.

– Прекратить огонь? – переспросил один из наших раненых, – пусть кто хочет, прекращает, а поскольку я ранен и, вероятно, скоро умру, то не перестану стрелять, пока у меня есть патроны!

И он продолжал стрелять, сидя в снегу, окрашенном его кровью, да ещё просил патронов у своих товарищей.

Адъютант – майор, видя, что его приказание не исполняется, подошёл сам, с личным приказом полковника. Но наши солдаты ничего не желали слушать и продолжали стрелять. Русские, потеряв надежду на спасение и, вероятно, не имея патронов, пытались группами выйти из дома, где они засели и где их уже начало припекать, но наши солдаты гнали их обратно. Чуть позже русские сделали новую попытку, но едва успели несколько человек выскочить во двор, как всё здание рухнуло, и в нём погибло более сорока человек. Впрочем, тех, что успели выскочить, постигла та же участь.

После этого эпизода мы подобрали своих раненых и сомкнулись вокруг полковника, с оружием наготове. Всё время вокруг нас слышались ружейные выстрелы, крики раненых, стоны умирающих. Нет ничего страшнее ночного боя, когда часто случаются роковые ошибки.

Так прошла ночь. Когда рассвело, мы смогли осмотреться и увидеть итоги сражения – всё окружающее пространство было усеяно убитыми и ранеными. Я нашёл и того солдата, который чуть не убил меня: он ещё не умер. Я уложил его подальше от белой лошади русского офицера. Все дома деревни, где мы находились (Кутьково на Мерее[44]), а также русский лагерь, были заполнены обгоревшими трупами. У нашего батальонного командира, Жиле, пулей раздробило бедро, и он умер от раны несколько дней спустя. Стрелки и вольтижёры понесли ещё большие, чем мы, потери.

Утром я встретил капитана Дебонне, своего земляка, командира роты. Он пришёл узнать, все ли со мной в порядке, и рассказать, что он лишился целой трети своей роты, а ещё су-лейтенанта и сержанта-майора.

После этого кровопролитного боя русские отступили, но не очень далеко, и мы остались на поле сражения весь день и всю ночь с 16-го на 17-е ноября, находясь постоянно настороже. Возможности отдохнуть, или хотя бы погреться, у нас не было.

В ту минуту, когда все мы, унтер-офицеры, собравшись вместе, беседовали о наших бедствиях и обсуждали ночное сражение, подошёл адъютант – майор Делэтр, человек самый злой и жестокий, какого мне случалось встречать на свете, любитель причинять зло ради удовольствия. Он вмешался в разговор – и, странное дело, стал выражать сожаление по поводу трагической смерти Белока.

– Бедный Белок, – говорил он, – я очень сожалею, что так плохо относился к нему!

Вдруг чей-то голос (совершенно мне незнакомый), произнёс:

– Он скоро умрёт!

Эти слова слышали и другие. Делэтр, казалось, искренне раскаивался во всём том зле, которое когда-либо причинил своим подчинённым, в особенности нам, унтер-офицерам. Думаю, не было ни единого человека в полку, который не желал бы его смерти. За глаза мы называли его «Жестокий Пьер».

17-го ноября утром, как только рассвело, мы собрались и, построившись плотными колоннами, выступили с целью занять позиции на стороне дороги, противоположной полю сражения. Прибыв, мы увидали перед собою на возвышенности часть русской армии, а за ней был лес. Мы тотчас же развернулись линией, лицом к лицу с неприятелем. Наш левый фланг упирался в овраг, пересекавший дорогу, и к которому мы были обращены тылом. Эта дорога, вдавленная, с высокими краями, могла защитить и укрыть от неприятельского огня всех находящихся на ней. Наш правый фланг состоял из фузилеров-егерей, и голова его находилась на расстоянии ружейного выстрела от города. Перед нами, метрах в двухстах пятидесяти, находился полк Молодой Гвардии под командой генерала Люрона. Справа стояли старые гренадеры и егеря. Всеми нами командовал лично сам Император, пеший. Он прошёл твёрдой поступью, как в дни больших парадов, и встал впереди, перед неприятельскими батареями.

Я шёл с двумя своими друзьями, Гранжье и Лебудом, позади адъютанта – майора Делэтра, и когда русские заметили нас, их артиллерия, отстоявшая от нас на расстоянии полувыстрела, открыла огонь. Первым пал полковой адъютант – майор Делэтр: ядром ему перебило обе ноги, как раз над коленями и высокими кавалерийскими сапогами. Он упал не вскрикнув, и даже не застонав. В ту минуту он шёл пешком, ведя лошадь под уздцы и держа уздечку правой рукой. Когда он упал, мы остановились, потому что он лежал поперёк узкой дороги. Чтобы продолжать путь, надо было перешагнуть через его тело, и так как я шёл непосредственно за ним, то мне первому пришлось сделать это. Проходя, я взглянул на него: глаза его были открыты: он судорожно стучал зубами. Он узнал меня и назвал по имени. Я подошёл, и он громко произнёс: «Ради Бога, прошу вас, возьмите мой пистолет и застрелите меня!»

Но никто не решился оказать ему эту услугу и, не говоря ни слова, мы пошли дальше, и к счастью, потому что не успели мы сделать шести шагов, как второй залп уложил ещё троих наших – добив и адъютант – майора.

Сразу после этого подошёл Император, и бой начался. Артиллерия врага наносила нам страшный урон. Чтобы отвечать им, мы имели всего несколько орудий, но часть из них скоро была уничтожена. Наши солдаты встречали смерть стойко, не дрогнув, до двух часов дня мы были в таком ужасном положении.

Во время сражения русские послали часть своей армии занять позицию на дороге за Красным, чтоб отрезать нам отступление, но Император помешал им, отправив против них батальон Старой Гвардии.

Пока мы стояли под пушечным огнём неприятеля, и наши силы постепенно убывали, мы заметили позади и левее нас остатки армейского корпуса маршала Даву, окружённых казаками, но спокойно направляющихся к нам. Среди них я заметил повозку маркитанта с его женой и детьми. В неё попало ядро, предназначавшееся для нас: в ту же минуту раздались отчаянные крики женщины и детей, но мы не могли узнать, убит ли кто из них, или ранен.

Именно тогда Голландские гренадеры Гвардии покинули важную позицию – русские немедленно установили там свои пушки и открыли огонь. С этого момента наше положение стало нестерпимым. Один полк, посланный против них, вынужден был отступить, другой добрался до подножия возвышенности с батареями, но был остановлен кирасирами. Тогда он отступил немного влево от батарей и построился в каре. Неприятельская кавалерия бросилась к ним, чтобы прорваться сквозь их ряды, но вольтижёры встретили их мощным огнём и убили множество из них. Вторая атака закончилась так же. Но третья атака при поддержке картечного огня, была успешной. Полк смяли. Враг ворвался в ряды вольтижёров и закончил сабельным боем. Несчастные вольтижёры, почти все молодые солдаты, с обмороженными ногами и руками, не могли держать оружие, и были полностью перебиты.

Эта сцена происходила на наших глазах, но мы ничем не могли помочь. Всего одиннадцать человек вернулось; остальные были убиты, ранены или захвачены в плен и угнаны сабельными ударами в лес, лежащий напротив нас. Сам полковник,[45] как и многие офицеры, покрытый ранами, был взят в плен.

Я забыл сказать, что в ту минуту, когда мы выстраивались для боя, полковник скомандовал: «Знамёна и старшие колонн на линию!»

Я был старшим колонны правого фланга нашего полка, но нас забыли отозвать назад, а так как я считал делом чести не покидать своего поста, то и простоял в этом положении, с ружьём

в руке в течение часа, и не шевельнулся, несмотря на пролетающие ядра и пули.

К двум часам мы потеряли треть наших людей, но фузилеры – егеря пострадали больше нас – находясь ближе к городу, они подвергались более мощному обстрелу. С полчаса назад Император удалился с первыми полками Гвардии по главной дороге. На поле сражения оставались только мы и ещё несколько человек из различных подразделений, лицом к лицу с более чем 50 000 войск неприятеля. Маршал Мортье отдал приказ отступать. Мы начали движение, отступая шагом, как на параде, преследуемые русской артиллерией, обстреливавшей нас картечью. При этом мы несли не очень тяжело раненных товарищей.

Момент, когда мы покидали поле сражения, был ужасен, наши бедные раненые, видя, что мы их покидаем на поле смерти, окружёнными неприятелем, с трудом ползли за нами на коленях, окрашивая снег своей кровью, они подымали руки к небу, крича и умоляя о помощи. Но что мы могли поделать? Ведь та же участь ежеминутно ожидала нас самих: отступая, мы вынуждены были оставлять на произвол судьбы всех, кто выбывал из наших рядов.

Проходя мимо того места, где стояли фузилеры – егеря, я увидел нескольких из своих близких товарищей распростёртых мёртвыми на снегу и страшно изувеченных картечью. Среди них был Капон, родом из Бапома, мой хороший друг.

Пройдя позицию фузилеров – егерей мы вошли в город и слева увидели пушки, которые, защищая нас, стреляли по приближавшимся русским войскам; при орудиях находилось около сорока человек артиллеристов и лёгкой пехоты – все, что осталось от бригады генерала Лоншана. Сам он возглавил остатки своих частей, приняв решение либо спасти их, либо умереть вместе с ними.

Увидев нашего полковника, он подошёл к нему с распростёртыми объятиями. Они обнялись как друзья, которые долго не виделись и, которые, возможно, встретились в последний раз. Генерал со слезами на глазах показал полковнику на две пушки и горсть людей, бывших в его распоряжении.

– Посмотрите, – сказал он, – вот все, что у меня осталось!

Они прошли вместе Египетскую кампанию.

По поводу этого сражения Кутузов, главнокомандующий русской армией, сказал, что французы вместо того, чтобы быть удручёнными жестокой нуждой, в которой находились, напротив, с каким-то бешенством атаковали истреблявшие их пушки. Английский генерал Вильсон,[46] присутствовавший на сражении,

называл его «Битвой героев». Так можно сказать о нас, и только о нас, о тех, которые с несколькими тысячами войска противостояли девяностотысячной русской армии.

Генерал Лоншан с остатками своей бригады был вынужден оставить свои орудия, для перевозки которых не было лошадей, и отступать вместе с нами, используя в качестве прикрытия рельеф местности и постройки.

Как только мы вошли в Красное, русские, располагавшиеся у отдалённых домов с пушками, укреплёнными на санях, открыли картечный огонь. Ранило троих солдат из нашей роты. Одна пуля, задев моё ружье и повредив плечо, ударила в голову молодому барабанщику, шедшему впереди, и убила его наповал. Город Красное делится на две части глубоким оврагом, через который надо было переправиться. Прибыв туда, мы увидали на дне целое стадо быков, погибших с голода и холода; они так замёрзли, что нашим сапёрам не удалось их разрубить. Из-под снега торчали одни головы, глаза у них были открыты, а все остальное было занесено снегом. Эти быки принадлежали армии и не смогли добраться по назначению, они погибли от холода и недостатка корма.

Все дома этого небольшого города и большой монастырь были переполнены ранеными, которые, увидев, что мы покидаем их, громко кричали. Мы вынуждены были бросить их на произвол беспощадного врага, который грабил их, не обращая внимания ни на их несчастное положение, ни на раны.

Русские всё ещё преследовали нас, но медленно и не нанесли нам большого вреда. Дорога, по которой мы шли, пролегала по дну глубокой котловины, поэтому пули пролетали над головами и не попадали в нас, а небольшое количество кавалерии, сопровождавшей нас справа, препятствовало неприятелю подойти к нам ближе.

В четверти лье от города стало спокойнее. Мы шагали, печально размышляя о нашем положении, и о несчастных товарищах, оставшихся в руках врага. Мне казалось, я все ещё слышу их просьбы о помощи и, оглядываясь назад, мы видели, как некоторых раненых русские раздели почти догола и бросили. Нам удалось спасти несколько человек, по крайней мере, на время, мы собрали для них все, что могли, чтобы одеть и защитить от холода.

В тот день Император ночевал в деревушке Ляды, все дома в ней построены из дерева. Наш полк расположился бивуаками немного подальше. Проходя по деревне, я остановился возле жалкой лачуги погреться у разведённого там костра. Тут мне опять посчастливилось встретить сержанта Гиньяра и его

венгерку-маркитантку. С ними я поел овсяного супа и немного конины, чем и подкрепил свои силы. В этом я сильно нуждался, поскольку сильно ослабел – целых двое суток я почти ничего не ел. Гиньяр рассказал мне, что в сражении его полк понёс большие потери, но пострадал не так сильно как мы, что он часто вспоминал обо мне, и теперь очень рад меня видеть живым и невредимым. Он расспрашивал меня о капитане Дебонне, но я не видел его после 16-го ноября. Я расстался с Гиньяром и вернулся в свой полк, расположившийся у дороги. Эта ночь была очень тяжела – дул сильный ветер, от мокрого снега одежда наша полностью отсырела, а наш костёр был очень маленький. Но это всё ещё пустяки по сравнению с тем, что ожидало нас впереди.

Этой ночью к нам приходили погреться многие из стрелков. Я расспрашивал их о своих друзьях, особенно о двоих таких же велитах, как и я. Одного из них звали Александр Легран, по прозвищу «Четыре сына Эмона» из Валансьена, а другого – Лапорт из Касселя, что недалеко от Лилля, позже он погиб от картечного огня.

В полночь один из часовых сообщил мне, что в нашу сторону движется всадник. Я взял двоих солдат и побежал посмотреть, кто это. Подойдя ближе, я действительно различил всадника; впереди шёл пехотинец, которого всадник, похоже, гнал перед собой. Подъехав к нам, стало ясно: это был драгун Гвардии, который, чтобы добыть продовольствия себе и своей лошади, забрался ночью в русский лагерь, а чтобы не привлекать ничьего внимания, надел каску убитого им в тот же день русского кирасира. Таким образом, он объехал часть неприятельского лагеря, стащил связку соломы, немного муки, ранил одного часового на передовом посту, и сбил с ног другого, которого и взял в плен. Этот удалой драгун – Миле из Конде, остался с нами до утра. Миле признался мне, что рисковал жизнью не для себя, а ради своей лошади – для Каде, как он называл её. Во что бы то ни стало, он хотел достать ей корм, говоря, что если он спасёт свою лошадь, то и лошадь в свою очередь спасёт его. Уже во второй раз после Смоленска, он пробирался в лагерь русских. В первый раз он увёл с собой коня в уздечке.

Ему посчастливилось вернуться во Францию со своим конём, с которым он уже прошёл кампании 1806–1807 гг. в Пруссии, в Польше, 1808 г. – в Испании, 1809 г. – в Германии, 1810–1811 гг. – в Испании, 1812 г. – в России, затем 1813 г. – в Саксонии и 1814 г. – во Франции. Его бедная лошадь погибла при Ватерлоо, после того, как участвовала в 12-ти больших сражениях под командованием самого Императора, и в 30-ти других, более мелких битвах. В течение этой злополучной кампании мне

посчастливилось ещё раз встретить Миле: он топором прорубал отверстие во льду озера, чтобы напоить лошадь. Однажды я видел его на крыше сарая, объятого пламенем – он рисковал сгореть – и всё ради своего коня, чтобы добыть для него немного соломы. Бедным животным приходилось иногда даже грызть кору деревьев, чтобы не умереть от голода.

Другие солдаты тоже последовали примеру Миле, и тоже делали вылазки в лагеря русских за продовольствием. Многих схватили и расстреляли. Нужда дошла до такого уровня, что солдаты покидали свои полки, едва заметив любую тропинку, ведущую от дороги, надеясь найти какую-нибудь деревню, если можно назвать так кучку жалких лачуг, построенных из брёвен, и где вообще ничего не было. Я никак не мог понять, на что живут эти крестьяне. Те, кто подвергал себя риску, совершая подобные вылазки, возвращались, иногда принося с собой куски хлеба – чёрного как уголь, сделанного из смеси соломы и ячменных зёрен и, вдобавок, такого жёсткого, что невозможно было от него откусить, тем более что губы у всех нас потрескались от мороза. За всё время этой злосчастной кампании я ни разу не видел, чтобы наши солдаты хоть раз привели корову или барана. Никто не знает, чем живут эти дикари. Скота у них нет, иначе бы хоть кто-нибудь его видел. Это страна Дьявола, будь она проклята!

ГЛАВА VII

ОТСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. – Я ОБЗАВОЖУСЬ ЖЕНОЙ. – УПАДОК ДУХА. – Я ТЕРЯЮ СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ. – ДРАМАТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ. – ВСТРЕЧА С ПИКАРОМ.

18-го ноября, то есть на другой день после сражения под Красным, мы рано утром снялись с бивуака. В этот день наш переход был страшно утомителен и печален: началась оттепель, мы промочили ноги и до самого вечера стоял такой туман, что ни зги не было видно. Наши солдаты пока ещё поддерживали строй и порядок, но, без сомнения, сражения последних дней, а в особенности то, что они вынуждены были бросать своих товарищей, простиравших к ним руки, деморализовали их. Каждый был уверен, что его ждёт та же участь.

В этот день я очень плохо себя чувствовал. Солдат моей роты, по имени Лаббе, заметив, что я иду с трудом, предложил мне понести мой ранец, поскольку свой он потерял накануне. Зная его честность, я доверил ему своё добро – это значило доверить свою жизнь, потому что в ранце лежало чуть больше фунта риса и овсянки – запасы, случайно попавшие мне в руки в Смоленске и хранимые мною на самый крайний случай, когда больше не останется лошадей. В тот день Император шёл пешком, опираясь на палку.

Вечером опять подморозило, дорога так обледенела, что невозможно было удержаться на ногах, люди ежеминутно падали, многие сильно расшиблись. Я шёл позади роты, стараясь по возможности не упускать из вида солдата, нёсшего мой ранец; я даже начинал жалеть, что расстался с ним, и решил непременно забрать его вечером, после устройства на ночлег. Наконец настала ночь, да такая тёмная, что вообще ничего не было видно. Я звал его: «Лаббе! Лаббе!» Он всякий раз откликался: «Я здесь, сержант!» Наконец, когда я ещё раз окликнул его, другой солдат ответил мне, что Лаббе недавно упал и теперь, наверное, отстал. Я особенно не беспокоился: вскоре нам предстояло остановиться и занять позицию на ночь. Действительно, войска остановились на дороге и нам сообщили, что мы здесь же и заночуем. Почти вся армия была в сборе, за исключением только корпуса маршала Нея, он отстал, и его считали погибшим.

В эту печальную ночь каждый устраивался, как мог, Мы, унтер-офицеры, объединились и заняли амбар (мы находились возле деревни, сами того не подозревая). Многие солдаты полка

приютились вместе с нами, а опоздавшие, увидев, что им негде поместиться, влезли на крышу. Именно тогда нам сказали, что дальше по дороге есть церковь (греческая), отведённая для помещения нашего полка, но теперь она занята солдатами из других полков, и они никого не хотят впускать.

Разузнав точно, где эта церковь, десяток наших отправились туда. Когда мы попытались войти, мы встретили сопротивление со стороны тех, кто занял её раньше. То были немцы, итальянцы и даже французы, они хотели напугать нас, выставив штыки. Но мы действовали решительно и ворвались внутрь. Они отступили, и один итальянец крикнул:

– Делай, как я – заряжай!

– А наши ружья уже заряжены! – ответил один из наших сержантов. И между нами готов был завязаться кровопролитный бой, как вдруг к нам подошло подкрепление. То были солдаты нашего полка: увидев, что с нами тягаться трудно и что мы не потерпим их присутствия, наши противники приняли решение уйти из церкви.

На их беду, ночью мороз значительно усилился и сопровождался снегом и ветром. И вот, на другой день утром, уходя, мы нашли многих из этих несчастных мёртвыми на краю дороги. Другие попадали дальше в снегу, они искали место для укрытия. Мы тихо прошли мимо этих мертвецов. В сущности, мы должны были чувствовать свою вину при этом зрелище, причиной которого стали, но мы дошли до того состояния, когда самые трагические случаи жизни стали нам безразличны, мы говорили, что будем питаться мертвецами, когда не будет лошадей.

Через час мы прибыли в Дубровну – городок, часть населения которого составляли евреи, все дома города были построены из дерева. Здесь ночевал Император, гренадерская и егерская Гвардия, а также часть артиллерии. Мы застали их при оружии: нам сообщили, что ночью была ложная тревога. Мы прошли через этот город и направились в Оршу. Через час мы пересекли глубокий овраг. С грузом это было очень тяжело – погибло несколько лошадей. После полудня мы добрались до этого маленького укреплённого города с гарнизоном, состоящим из солдат разных полков. То были люди, которые остались в этом городе летом, а теперь им следовало примкнуть к Великой Армии. Среди них было также несколько жандармов и поляков. Увидав нас в таком жалком состоянии, они были поражены, в особенности, когда заметили громадное множество отставших, беспорядочно шедших позади.

Часть Гвардии отрядили для поддержания порядка в городе, нам выдали немного муки и водки из имевшихся в городе

складов. Здесь имелись понтонные приспособления и много артиллерии с упряжью, но мы совершили большую ошибку, когда случайно сожгли лодки, предназначенные для моста, необходимого для перевозки пушек. Мы ещё не знали, что все, что хранилось на складах этого города, будет нам так необходимо при переходе через Березину.

Нас осталось всего семь или восемь тысяч человек Гвардии, а ведь изначально было тридцать пять тысяч. Хотя большинство из нас шли организованно, многие сильно отстали. Как я уже говорил, Император с частью Гвардии разместился в городе, остальные расположились на бивуаках в окрестностях. Ночью с остатками своего корпуса прибыл маршал Ней.

У него осталось приблизительно 2–3 тысячи человек, способных сражаться – и это из 70-ти тысяч! Радость Императора была безгранична, когда он узнал, что маршал жив и невредим.

20-го ноября мы пробыли тут весь день, а я продолжал поиски солдата, которому поручил нести свой ранец, но безуспешно. 21-го ноября мы выступили, а я так и не смог отыскать его, меня уверяли, что видели его, но я почти потерял надежду.

Отойдя недалеко от Орши, услыхав ружейные выстрелы, мы остановились, и увидели захваченные казаками сани. Из тех, кто ехал на них, некоторым удалось сбежать, они вступили в наши ряды, и мы продолжали путь. Я продолжал искать своего знакомого с моим ранцем, но, по-прежнему, неудачно. Ночевали мы в деревне, в которой уцелел только один амбар, да два-три дома. Деревня называлась Коханово.

22-го ноября, после ненастной ночи, мы пустились в поход рано утром. Шли мы очень тяжело, по дороге, страшно грязной из-за оттепели. К полудню мы добрались до Толочина, где ночевал Император. Пройдя через Толочин, мы сделали привал. Вскоре Серрарис, офицер нашей роты, пришёл сообщить мне, что он видел Лаббе, того самого солдата, который взялся нести мой ранец, у костра, пекущим лепёшки, и что он приказал ему примкнуть к колонне. Тот отвечал, что явится немедленно, но вдруг налетело множество казаков, захватило сани и, а самого Лаббе забрали в плен. Прощай мой ранец и его содержимое! Мне так хотелось привезти во Францию эти мои небольшие трофеи! С какой гордостью сказал бы я: «Я привёз их из Москвы!»

Не удовольствовавшись сообщением Серрариса, я захотел сам убедиться в этом, вернулся назад до конца деревни и увидел там множество солдат из всех полков, идущими вразброд и без всякого командования. Вдалеке виднелись казаки, уводящие с собой пленных, и, без сомнения, мой бедный ранец.

Я шёл по деревне и, вдруг, увидел женщину в солдатской шинели, внимательно оглядывавшую меня. В свою очередь я присмотрелся к ней, и мне показалось, что я уже где-то её видел. Так как она меня узнала по моей медвежьей шкуре, то заговорила со мной первая, сказав, что видела меня в Смоленске. Тут и я узнал в ней ту самую женщину из подвала. Она рассказала мне, что разбойников схватили в Красном незадолго до нас. Она жила с ними в одном доме, её избили за то, что она отказалась стирать их рубашки, а потом она вышла поискать воду для стирки. Встретила по дороге русских и убежала. Что касается разбойников, то они сражались отчаянно, желая спасти свои деньги (а денег было у них много, прибавила она), особенно золота и серебра, но, в конце концов, большинство из них либо погибли, либо были ранены, либо их дочиста обобрали. Она же почувствовала себя спасённой только после прибытия Императорской Гвардии.

Она бы ещё многое мне рассказала, да мне некогда было её слушать. Я поинтересовался, с кем она теперь. Она отвечала, что ни с кем, что со дня смерти её мужа она жила у разбойников, теперь она одна, и если я соглашусь взять её под своё покровительство, то она позаботится обо мне. Я тотчас согласился, не сообразив, каково будет моё положение, если я явлюсь в полк с женщиной.

По дороге в полк она спросила, где мой ранец. Я рассказал ей обо все, что со мной произошло потом, и о том, как я потерял ранец. Она отвечала, что мне нечего беспокоиться – её ранец битком набит разными вещами. Да, у неё был ранец за спиной и корзина в руках, она прибавила, что если мы зайдём в какой-нибудь дом или конюшню, то я смогу переодеться в свежее белье. Я принял её предложение, но пока мы отыскивали подходящее местечко, раздался призыв: «К оружию!» и бой барабанов. Я велел женщине идти за мной и подождать меня на дороге.

Когда я явился в свою роту, сержант-майор спросил меня, не узнал ли я чего-нибудь нового о Лаббе и своём ранце. Я отвечал, что об этом нечего и думать, но вместо них я нашёл себе жену.

– Жену! – изумился он, – да зачем тебе она? Не для того, конечно, чтобы стирать тебе белье, ведь белья у тебя нет!

– Она мне даст белье.

– А, – сказал он, – это другое дело. – А как же насчёт пищи?

– Она будет есть то же, что и я.

Тут пришёл Император с королём Мюратом и принцем Евгением. Император стал среди гренадеров и егерей и, обратившись к ним с речью, объявил, что русские ждут нас у Березины и поклялись, что никто из нас не переправится через

неё. Затем, обнажив саблю и возвысив голос, он воскликнул: «Поклянёмся и мы, что скорее все умрём с оружием в руках, сражаясь, чем откажемся от намерения снова увидеть нашу Францию!»

В один миг, мохнатые шапки и кивера очутились на концах штыков, и раздались крики: «Да здравствует Император!» Маршал Мортье держал подобную речь, и мы отвечали ему с таким же энтузиазмом.

Этот прекрасный момент на время заставил нас забыть о наших страданиях. Будь здесь и сейчас русские, и вшестеро многочисленнее нас, мы бы расправились с ними. После того как правый фланг колонны начал движение, мы пошли тоже.

Я не забыл о своей «жене», и в ожидании момента, когда двинется наш полк, я вышел на дорогу за ней, но не нашёл её. Её унесло потоком из нескольких тысяч солдат принца Евгения, маршалов Нея, Даву, и других, которых невозможно было собрать вместе и привести в какой-либо порядок – три четверти составляли больные и раненые, а остальные были деморализованы и безучастны ко всему.

В тот момент я шёл рядом с маршалом Лефевром. Маршал шёл пешком, без эскорта, с палкой в руке посреди дороги, и громко кричал со своим немецким акцентом: «Солдаты, сомкнитесь! Лучше большие батальоны, чем куча разбойников и трусов!» Маршал обращался к тем, кто без всяких причин шёл не со своим корпусом, а отставал или обгонял, действуя так, как им было удобнее.

Я ещё немного поискал свою «жену» – из-за обещанного ею белья, в котором я сильно нуждался, но это оказалось напрасным трудом – я больше никогда не встречал её снова и чувствовал себя одиноко, потеряв и её, и свой ранец. Двигаясь с толпой, я значительно опередил свой полк и сел отдохнуть у покинутого бивуачного костра.

До самого Красного, несмотря на все лишения, выпавшие на мою долю, мне удавалось сохранять мой боевой дух. Мне казалось, что чем больше опасностей и трудностей, тем больше славы и чести, и моё терпение удивляло моих товарищей. Но после кровавых сражений под Красным пришли неприятные известия о двоих моих друзьях (кроме Белока и Капона) – один погиб, а другой был смертельно ранен.

К довершению моей печали, возле меня остановились проезжавшие мимо сани. Я спросил, кто этот раненый? Мне отвечали, что это офицер их полка. Оказалось, что это бедный Легран, который тут же и рассказал мне, каким образом он был ранен. Его товарищ, Лапорт из Лилля, офицер того же полка,

остался в госпитале в Красном, но узнав, что его полк сражается, поспешил присоединиться к полку. Едва успел он встать в ряды, как бомбой ему раздробило обе ноги. Леграна тем же выстрелом ранило в правую ногу. Лапорт пал на поле сражения, а Леграна доставили в город. Его уложили на скверные русские сани, запряжённые плохой лошадёнкой, но в первый же день сани сломались. К счастью для него, неподалёку нашлись другие сани, в которые его перенесли. Сопровождали его четверо солдат того же полка – так он путешествовал уже шесть дней. Я расстался с несчастным Леграном, пожав ему руку, и пожелав счастливого пути. Он отвечал, что полагается на милость Божью и на дружбу своих боевых товарищей. Затем один из солдат взял лошадь под уздцы, другой ударил её хлыстом, а двое подтолкнули сани сзади и, таким образом, сдвинули их с места. Я подумал про себя: недалеко он уедет в подобном экипаже.

С этих пор я стал сам не свой, я был подавлен, меня мучили зловещие предчувствия, голова горела, меня лихорадило. Без сомнения, это могло быть в значительной степени вызвано усталостью, ведь мы вынуждены были выступать рано утром и непрерывно идти до позднего вечера. Дни были до того коротки, что светало только в восемь часов, а смеркалось уже в четыре. Множество несчастных солдат заблудились или отстали, потому что всегда приходили на бивуак уже после захода солнца, где все корпуса смешивались, и царил страшный беспорядок. В любой час ночи было слышно, как приходили люди и кричали слабыми голосами: «Четвёртый корпус! Первый корпус! Третий корпус! Императорская Гвардия!» А другие, лежащие без сил, силились отвечать: «Здесь, товарищи!» Каждый разыскивал уже не свой полк, а корпус, к которому он принадлежал, состоявший теперь разве что из двух полков, между тем как две недели тому назад, в его состав входило тридцать полков.

Никто уже ничего не соображал и не знал, где его полк. Многие, промаршировав целый день, вынуждены были ночью отыскивать свой корпус. Но так редко случалось, ведь не зная часа выступления, они вставали слишком поздно а, проснувшись, обнаруживали, что находятся среди русских. Сколько тысяч людей были захвачены в плен и погибли таким образом!

Я продолжал стоять у костра, дрожа и опираясь на ружье. Вокруг костра сидели трое – они молчали и равнодушно смотрели на идущую колонну. Похоже, сами они не имели желания пуститься в путь, так как у них не было на это сил. Я уже начал беспокоиться, не находя своего полка, как вдруг почувствовал, что кто-то дёргает меня за медвежью шкуру. Это оказался Гранжье, он пришёл предупредить меня, чтобы я не

оставался здесь дольше – полк прошёл. Но в глазах у меня было так темно, что я смотрел на него, но не видел.

– А жена? – спросил Гранжье.

– Кто тебе сказал, что у меня есть жена?

– Сержант-майор. Но, где же она?

– Не знаю. Но знаю, что у неё ранец за спиной, а в нем – перемена белья, в котором я очень нуждаюсь. Если встретишь её, сообщи мне. Она одета в серую солдатскую шинель, на голове – барашковая шапка, на ногах чёрные гетры, а в руках корзина.

Гранжье, подумав (как он потом мне сказал), что я болен и в бреду, взял меня под руку и вывел на дорогу со словами:

– Пойдёмте, иначе не догоним полк.

Однако мы догнали его, обогнав тысячи людей из разных полков, тащившихся с большим трудом и, гляди на них, нетрудно было предвидеть, что это путешествие будет последним для многих, если продлится хоть немного дольше.

Так и было на самом деле: мы прошли через местечко, где должен был заночевать Император (хотя он давно проехал мимо). Множество солдат из разных полков останавливалось там, была уже ночь, а по слухам оставалось ещё добрых два лье до места привала, намеченного в большом лесу.

Дорога в этом месте очень широка и окаймлена с обеих сторон огромными берёзами.[47] По ней удобно было следовать людям и повозкам, но к вечеру она вся была покрыта павшими лошадьми, и чем дальше мы продвигались, тем гуще она была усеяна повозками, издыхающими лошадьми, и даже целыми упряжками, изнемогшими от усталости. Люди, которые не могли идти дальше, останавливались и располагались на бивуаках под большими деревьями. Потому что, как они сами говорили, тут под рукой у них есть топливо для костров, на что пригодятся сломанные повозки, а для еды – мясо павших лошадей, и вряд ли все это можно будет найти, идя дальше.

Я уже долго шёл один в этой толпе, стараясь добраться до места ночёвки. Дорога стала ещё хуже – подтаявший снег замёрз, дорога покрылась льдом, и я постоянно падал. А потом наступила ночь.

Яростно подул северный ветер. Я потерял из виду своих товарищей, такие же потерявшиеся солдаты из других полков, с трудом, изо всех сил старались догнать колонну. Те, к кому я обращался, не отвечали, у них не хватало сил. Другие падали, чтобы уже не встать. Скоро я очутился совершенно один, только с трупами вдоль дороги, обозначавшими путь. Исчезли высокие деревья окаймлявшие дорогу, было около 7 часов утра. Усилившийся снегопад ослеплял меня, я просто не мог ничего

рассмотреть, а неистовый ветер уже смел все следы, оставленные колонной.

До сих пор я носил свою медвежью шкуру мехом наружу. Но, предвидя суровую ночь, я надел её мехом внутрь, ей я обязан тем, что мне посчастливилось в эту бедственную ночь выдержать 22-х градусный мороз. Приладив медвежью шкуру на правом плече, с той стороны, откуда дул северный ветер, я смог идти в течение целого часа. За это время я, однако, прошёл не больше четверти лье, часто меня захватывала снежная вьюга, я поневоле поворачивался и шёл обратно, и только по трупам людей и лошадей да по обломкам повозок я определял, что повернул назад, поэтому мне приходилось останавливаться и заново выбирать, куда идти.

Временами показывалась луна, или слабое северное сияние, какое часто бывает на севере. В те моменты, когда свет луны не затемнялся чёрными тучами, мчавшимися со страшной скоростью, я получал возможность осмотреться. Я видел на горизонте большой лес, через который надо было пройти, чтобы выйти к берегам Березины, поскольку это была территория Литвы. По моим расчётам до этого леса было не менее лье.

К несчастью, меня начал одолевать сон, а в таком случае сон – это предвестник смерти. Силы мои были полностью исчерпаны, ноги оказывались повиноваться. Я уже падал, задремав несколько раз и, если бы не холод, я бы погиб.

Место, где я находился, было усеяно людьми и лошадьми, загораживавшими мне дорогу и мешавшими просто плестись, поскольку я уже не имел сил поднимать ноги. Каждый раз, когда я падал, мне казалось, что это дело рук одного из несчастных, валявшихся на снегу. Часто случалось, что люди, хватали за ноги проходивших мимо, умоляя их о помощи, и иногда те, что наклонялись, чтобы помочь товарищам, сами падали, чтобы уже не подняться.

Минут десять я шёл наобум, не придерживаясь никакого определённого направления. Я шёл, шатаясь как пьяный, колени мои подгибались. Словом, я чувствовал близость моего последнего часа. Вдруг, споткнувшись о саблю лежавшего на земле кавалериста, я рухнул во весь рост, ударившись подбородком о приклад ружья. Немного придя в себя, и встав на колени, я поднял ружье, но вдруг, заметив, что изо рта у меня идёт кровь, в ужасе вскрикнул и вскочил, дрожа от холода и страха. Мой крик был услышан одним несчастным, валявшимся в нескольких шагах, слабый, жалобный голос умолял меня о помощи, – меня, который сам в ней так нуждался.

– Остановитесь! Помогите!

Затем все стихло. Я лежал, прислушивался и старался разглядеть умолявшего. Но ничего не услышав, я уже начал думать, что ослышался. Чтобы убедиться в этом, я громко закричал:

– Где же вы?

Эхо повторило дважды:

– Где же вы?

Тогда я подумал про себя: «Будь у меня товарищ, мы могли бы идти до утра, поддерживая друг друга!»

Снова раздался тот же голос, печальнее и слабее:

– Помогите нам! Сюда!

Опять показалась луна и, шагах в десяти, я увидел двух людей: один лежал, другой сидел рядом. С большим трудом я преодолел ров, наполненный снегом, и подошёл к ним. Я заговорил с тем человеком, который сидел, он захохотал как безумный и проговорил:

– Друг мой – смотрите, не забудьте же! – и опять рассмеялся.

Я понял, что это предсмертный смех. Другой ещё был жив, и слегка повернув голову, промолвил последние слова:

– Спасите моего дядю, помогите ему – я умираю!

Я спросил его о чем-то, но он уже не отвечал. Тогда, повернувшись к первому, я предложил ему идти со мной. Он смотрел на меня, не произнося ни слова, я заметил, что он закутан в толстый плащ, подбитый мехом, но старается сбросить его. Я хотел помочь ему подняться, но не смог. Держа его за руку, я заметил на нём эполеты офицера высокого ранга. Он заговорил со мной о смотрах, о парадах и, наконец, упал на бок, лицом в снег. Мне пришлось оставить его, я не мог оставаться дольше, не подвергаясь опасности разделить участь этих двоих несчастных. Рядом валялось нечто вроде ягдташа, я поднял его, надеясь найти внутри что-нибудь нужное для себя. Но там оказались только тряпки и бумаги. Выбравшись на дорогу, я продолжал медленно идти, и теперь мне постоянно казалось, что кто-то жалобно зовёт на помощь.

Надежда встретить какой-нибудь бивуак заставила меня ускорить шаг, наконец, я попал в то место, где дорога была совершенно перекрыта трупами лошадей и сломанными повозками. Вокруг лежали солдаты из разных полков. Солдат Молодой Гвардии было легко узнать по киверам. И вот именно тут, в одиночестве, среди мертвецов и гробовой тишины, на меня нахлынули мрачные мысли – о товарищах, которых я потерял, о своей родине, своих близких – и я заплакал как ребёнок. От слез мне стало немного легче и моё потерянное мужество постепенно

вернулось ко мне.

Я нашёл маленький топорик, который есть в каждой роте на время похода. Я попытался отрезать кусок конины, но не смог, до такой степени труп затвердел от мороза. Я исчерпал последние силы и упал, но зато немного согрелся. Поднимая топорик, вывалившийся у меня из руки, я заметил, что отколол несколько кусков льда. Оказалось, что это замерзшая лошадиная кровь. Я подобрал как можно больше этих кусочков крови и тщательно спрятал их в ягдташ, несколько штук проглотил сразу – это подкрепило меня, и я продолжил свой путь, отдавшись на милость Божью. Я шёл, осторожно обходя трупы, останавливался каждый раз, когда туча закрывала луну, и продолжал идти, когда луна показывалась снова.

Через некоторое время я увидал вдали нечто похожее на фургон. Подойдя ближе, я увидел, что это повозка маркитантки одного из полков Молодой Гвардии. Лошади, вёзшие повозку, были мертвы и частью съедены, или разрезаны на куски. Вокруг повозки валялись семь трупов, полураздетых и до половины занесённых снегом – только один был накрыт овчинным тулупом. Я подошёл к трупу, желая его рассмотреть, и увидел, что это женщина. В том положении, в каком я находился, чувство самосохранения всегда владело мной, вот почему, забыв, что ещё совсем недавно я безуспешно пытался сделать то же самое, я взял топор и стал рубить лошадь, пытаясь отрезать хотя бы кусок. Наконец, будучи не в силах оторвать ни клочка мяса, я решил заночевать в повозке. Я подошёл к трупу женщины, намереваясь снять с неё овчинный тулуп, но не мог сдвинуть её с места. Заметив, что на ней кожаный пояс, и пряжка, которую надо было расстегнуть, находится с другой стороны тела, я взял ружье и, действуя им, как рычагом, поддел им тело так. Но едва я начал, как раздирающий душу крик раздался из повозки:

– Мари, Мари, дай мне чего-нибудь выпить! Я умираю!

Я опешил. Через минуту тот же голос простонал: «Ах, Боже мой!»

Я влез на лошадь, перебрался на крышу повозки и спросил, что случилось. Мне с трудом отвечали: «Пить».

Я вспомнил о кусочках обледенелой крови, спрятанных мною в ягдташе, и хотел спуститься за ними, но внезапно луна скрылась за большой чёрной тучей, я оступился и упал на три трупа, лежавших рядом. Ноги мои очутились выше головы, а лицом я касался одной из мёртвых рук. За последний месяц я привык спать в подобной компании, но тут – возможно, потому, что я был один – мной овладел ужас. Мне казалось, что это кошмар. От ужаса я закричал, словно меня кто-то схватил и не

отпускает. Несмотря на все мои усилия, я не мог встать. Наконец, я попытался подняться, но упёрся рукой в лицо мертвеца, а мой большой палец попал ему в рот.

В этот миг выплыла луна, и осветила эту ужасную сцену. Я вздрогнул, потерял равновесие и снова упал.

Вдруг, все изменилось. Я устыдился своей слабости, неистовство и ярость овладели мной. С руганью я встал, наступая на лица, руки, ноги – мне было абсолютно безразлично. С проклятиями, устремив взгляд в небо, точно бросая ему вызов, я поднял ружье и ударил им по повозке, может быть, даже зацепил кого-нибудь из этих несчастных.

Немного успокоившись, я решил заночевать в повозке, чтобы как-то защититься от холода. Я взял кусок обледенелой крови из своей сумки и влез в повозку, ощупью отыскивая человека, просившего пить и все ещё слабо стонавшего. Приблизившись, я увидел, что у него ампутирована левая нога.

Я спросил, какого он полка, но ответа не дождался. Тогда, найдя его голову, я положил кусочек обледенелой крови ему в рот. Тот, что лежал с ним рядом, был холоден и твёрд, как мрамор. Я попробовал вытащить его из повозки, чтобы занять его место, дождаться утра и двигаться дальше с теми, которые, по-прежнему шли позади, но безрезультатно. Видя, что другому раненому жить осталось недолго, я прикрыл его двумя шинелями покойника, и осмотрел повозку, в поисках чего-нибудь нужного. Не найдя ничего, я снова обратился к раненому, но ответа не было. Я провёл рукой по его лицу – оно уже застыло и во рту ещё торчал кусочек льда. Его жизнь и страдания закончились.

Я собрался уходить, но захотел ещё раз взглянуть на мёртвую женщину, я думал, что это Мари, маркитантка и моя землячка, которую я хорошо знал. Внимательно рассмотрев её при свете луны, я убедился, что это не она.

И вот я взял ружье под мышку, как охотник, две сумки – одну из красного сафьяна, другую из серого холста, найденную мной чуть раньше, положил себе в рот кусочек обледенелой крови и, засунув руки в карманы, пустился в путь. Было уже часов девять, снег прекратился, ветер дул уже с меньшей силой, и мороз немного ослаб. Я продолжал двигаться к лесу.

Через полчаса луна снова исчезла. Хуже этого со мной ничего не могло случиться. Я остановился на минуту и, опершись на ружье, топал ногами, чтобы не замёрзнуть, ждал, пока не вернётся свет. Но мои ожидания оказались напрасны – луна больше не появлялась.

Между тем, когда глаза мои привыкли к темноте, и я смог

двигаться дальше, я увидел вдруг, что иду уже не по той дороге. Инстинктивно стараясь уклониться от северного ветра, я повернулся к нему спиной. В этом я убедился, не встречая больше на пути никаких обломков и следов прохождения армии.

Не знаю, сколько времени я шёл в этом направлении, когда я заметил, правда, уже слишком поздно, что вышел на самый край оврага. Я катился вниз примерно сорок пье, хотя моё падение несколько замедляли кусты. Думая, что всё кончено, я закрыл глаза и предал себя воле Божьей. Достигнув дна, я некоторое время был ошеломлён, но так как уже ничто меня больше не удивляло после всего испытанного, то я быстро пришёл в себя. Потом я решил поискать своё ружье, но передумал и оставил это дело до рассвета. Я вытащил саблю из ножен и побрёл вперёд, ощупывая путь. Рядом с местом своего приземления я обнаружил зарядный ящик и двух мёртвых лошадей. Под ногами чувствовалось тепло. Нагнувшись, я понял, что стою на месте не совсем потухшего костра. Тотчас же я лёг и засунул руки в тёплую золу. К своей великой радости, я нашёл несколько тлеющих угольков, которые можно было бы раздуть и развести костёр. Но где найти дров для поддержания огня? Я не решался отойти от него – этот огонь должен был спасти мне жизнь, а за то время, пока я искал дрова, он бы погас. Тогда я оторвал кусок от своей рубашки, свернул из него фитиль и зажёг. Потом, пошарив вокруг себя, я нашёл несколько кусочков дерева и не без труда заставил гореть. Скоро затрещало пламя, и через пару минут заполыхал большой костёр.

Я мог рассмотреть теперь все вокруг в радиусе нескольких шагов. На одном из зарядных ящиков большими буквами было написано: «Императорская Гвардия, Главный штаб». Сверху красовался орёл. Земля вокруг меня была усеяна касками, киверами, саблями, кирасами, сломанными сундуками, пустыми чемоданами, рваной одеждой, сёдлами, роскошными чепраками и множеством других вещей. Но не успел я осмотреть все, как от мысли, что я нахожусь, вероятно, неподалёку от казацкого бивуака, мной тотчас овладел страх, и я побоялся поддерживать огонь. Если б это были французы, то я бы заметил бивуачные костры. Именно это место, укрытое от ветра, должно было бы выбрано для бивуака. Словом, я не знал, что мне делать, уходить или оставаться.

Пока я предавался этим размышлениям, мой костёр значительно ослаб, но я не решался подложить в него топлива. Тем не менее, желание отогреться и отдохнуть несколько часов преодолело мой страх, я набрал столько топлива, сколько было возможно, и сложил его в кучу рядом с собой. Под себя я

подложил несколько чепраков, а потом, завернувшись в свою медвежью шкуру и, прислонившись к повозке, я уселся, чтобы таким образом провести остаток ночи.

Подкладывая топлива в костёр, я нашёл немного конины – достаточно, чтобы утолить мучивший меня голод.

Мясо, хотя бы и испачканное в золе, в данной ситуации для меня было сущим кладом. Со вчерашнего дня я съел всего половину вороны, найденной на дороге, и несколько ложек каши из смеси зёрен овса и ржи, посоленной порохом. Едва моё мясо оттаяло и согрелось, я тут же принялся за еду, совершенно не обращая внимания на прилипшие к ней частички пепла. Во время этой скудной трапезы я поминутно оглядывался, чтобы убедиться, что вокруг все тихо.

С тех пор как я попал в этот овраг, положение моё несколько улучшилось. Я уже не мёрз на дороге, был защищён от ветра, грелся у костра и поел, хотя и немного. Но я так устал, что заснул, не окончив еды, но сном беспокойным, прерываемым сильными болями в пояснице – словно кто-то долго бил меня. Не знаю, сколько времени я спал, но проснулся ещё до рассвета. Зимой в России ночи длинны, летом наоборот, ночей почти совсем нет.

Засыпая, я положил ноги в золу и, когда проснулся, они были меня тёплые. Я по опыту знал, что тепло снимает усталость и успокаивает боль. Поэтому я собрал всё, что способно гореть и сложил в свой костёр.

Наконец, костёр разгорелся, и я смог осмотреться. Вдруг, я увидел слева нечто приближающееся ко мне, сначала я предположил, что это какой-нибудь зверь. В России много медведей, и я был почти уверен, что это один из них, так как это существо двигалось на четвереньках. С расстояния пяти-шести шагов я убедился, что это человек. Опасаясь нападения, я взял свою саблю, сделал несколько шагов к нему навстречу, и крикнул: «Кто вы?» Приставив к его спине кончик сабли, я увидел, что это русский, настоящий казак, с длинной бородой.

Он поднял голову, униженно склонился передо мной и проговорил: «Добрый француз!»,[48] и ещё много других слов, которые я отчасти понял, и которые выражали страх. Если б он умел угадывать, он бы понял, что и я испугался не меньше его. Он встал на колени, показывая мне, что у него саблей разрублено лицо. Я заметил, что в этом положении его голова приходилась вровень с моими плечами, он, вероятно, был более шести пье роста. Я знаком пригласил его приблизиться к костру. Тут он показал мне ещё одну рану – от пули в живот. Что касается

сабельной раны, то она была страшна – ото лба она шла вдоль всего лица и заканчивалась на подбородке, теряясь в бороде. Он лёг на спину, чтобы показать рану на животе. Я удостоверился, что он безоружен. Потом он лёг на бок, и уже не больше не разговаривал. Я сидел напротив и наблюдал за ним. Спать мне уже не хотелось, я принял решение сжечь ящик до наступления утра, а потом уйти. Но тут ужасная мысль поразила меня – а что, если он полон пороха!

Я встал, перепрыгнул через костёр и несчастного раненого, и отбежал немного, но споткнулся о кирасы, и растянулся во весь рост. Мне посчастливилось не ушибиться при этом падении, а между тем я мог бы наткнуться на обломки оружия. Поднявшись, я пошёл назад, не сводя глаз с ящика, словно знал наверняка, что в нем действительно есть порох, и он вот-вот взорвётся. Мало-помалу придя в себя от испуга, я вернулся на место, так необдуманно покинутое, поскольку на расстоянии двадцати шагов я был в полной безопасности.

Я поднял куски горящего дерева и осторожно принёс их туда, где упал, затем взял несколько кирас, чтобы собирать ими снег и тушить огонь. Но только что я приступил к этому делу, как раздались звуки трубы. Прислушавшись внимательно, я узнал сигнал русской кавалерии. Услышав эти звуки, казак поднял голову. Я старался, наблюдая за ним прочесть его мысли – огонь достаточно хорошо его освещал, чтобы я мог различить его черты его внешности, и в самом деле, отвратительной. Титаническое телосложение, прищуренные глаза, глубоко сидящие под низким нависшим лбом, его волосы и борода, жёсткие и рыжие, придавали ему дикий вид. Вероятно, он страшно страдал от своей раны, он корчился и по временам скрипел зубами. Я отрешённо прислушивался к звукам трубы, как вдруг позади меня раздался другой шум. Я обернулся, – и меня объял ужас от жуткого зрелища: зарядный ящик разверзся как гроб, и из глубины его возникла фигура огромного роста, белая как снег, словно статуя Командора из «Каменного пира». Одной рукой она поддерживала крышку, а в другой держала обнажённую саблю. При виде такого страшилища я отступил на несколько шагов и обнажил саблю, ожидая, когда оно заговорит первым, но тут заметил, что призрак безуспешно пытается освободиться от огромного белого плаща, поскольку обе руки его были заняты.

Наконец, нарушив молчание, дрожащим голосом я спросил его:

– Вы француз?

– Ну да, конечно, француз, что за г-глупый вопрос! Что вы застыли как церковная свеча?! Вы же видите, я застрял, а вы и не

пытаетесь помочь мне выбраться из этого гроба. Я, кажется, напугал вас, приятель?

– Это правда, но вы могли оказаться одним из этих красавцев, – я показал на человека у костра.

Сказав это, я помог ему выйти, и тут он сбросил плащ. Вообразите моё удивление и радость, когда я узнал в этом призраке одного из моих самых старых товарищей, гренадера Старой Гвардии, Пикара – Пикара по имени, и пикардийца по происхождению, – которого я не видел со времени последнего нашего Императорского смотра в Кремле! Он и я совершили наш первый поход вместе: мы участвовали в битвах при Иене, Пултуске, Эйлау, Тильзите, а позднее, в 1809 году, встречались у испанской границы в лагере Мора. Участвовали и в других кампаниях, хотя уже и не в одном полку. Пикар еле узнал меня, так я изменился и так я был жалок. Мы с удивлением смотрели друг на друга. Я поражался, что вижу его таким опрятным и здоровым, а он меня – таким худым, похожим, как он говорил, на Робинзона Крузо. Наконец, он заговорил:

– Скажите мне, сержант, мой старый друг, какими судьбами я имею счастье найти вас здесь, ночью, и в обществе этого омерзительного казака? Только гляньте на него! Посмотрите на его глаза! Он приходил сюда вчера часов в пять, но потом куда-то исчез. Не понимаю, зачем он вернулся. А вы? Что вас привело сюда ночью?

– Прежде чем рассказать вам об этом, я спрошу вас: есть ли у вас что-нибудь поесть?

– Как же, сержант, есть немного сухарей.

Он открыл свой ранец и вытащил оттуда кусок сухаря, величиной в ладонь, я схватил его и немедленно съел, так как с 27-го октября я не ел хлеба.[49] Съев его, я спросил:

– Пикар, а не найдётся ли у вас водки?

– Non, mon pays!

– А мне показалось, пахнет чем-то похожим.

– Вы правы, – отвечал он, – вчера, когда разграбили этот зарядный ящик, там нашли бутылку водки, но люди поссорились из-за неё, разбили, и она погибла.

Я пожелал видеть, где это случилось. Он показал мне место, и тогда я собрал кусочки снега, пропитанные водкой, как я это делал с замороженною конской кровью.

– Здорово, – проговорил Пикар, – а я и не догадался бы. В таком случае здесь достаточно водки, чтобы мы могли покутить – ведь в ящике было несколько бутылок!

Кусок сухаря и снег, пропитанный водкой, очень подкрепили

меня. Тогда я рассказал Пикару всё, что со мной случилось со вчерашнего вечера. Пикар слушал, ему трудно было поверить в правдивость моего рассказа, но когда я подробно рассказал ему о страданиях армии, его полка и всей Императорской Гвардии, его горе было безгранично. Читатель этих записок удивится, почему Пикар не знал всего этого. Я сейчас расскажу, как так получилось.

ГЛАВА VIII

Я ПУТЕШЕСТВУЮ С ПИКАРОМ. – КАЗАКИ. – ПИКАР РАНЕН. – КОНВОЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПЛЕННЫХ. – ПРИВАЛ В ЛЕСУ. – ПОЛЬСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО. – ПРИСТУП БЕЗУМИЯ. – МЫ СНОВА С АРМИЕЙ. – ИМПЕРАТОР И «СВЯЩЕННЫЙ БАТАЛЬОН». – ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ.

После сражения при Малоярославце Пикар уже не шёл со своим полком, его назначили эскортировать обоз, являвшийся частью Императорского обоза. Этот отряд постоянно опережал армию на два-три дня, так что ему не пришлось испытать столько бедствий, сколько испытывали другие. Их было всего четыреста человек, и у них всегда была возможность найти продовольствие. У них имелись также повозки и лошади. В Смоленске они запаслись сухарями и мукой на несколько дней. В Красном им посчастливилось уйти за 24 часа до русских. В Орше они опять запаслись мукой. В каждой деревне они всегда могли найти себе приличное жилье или, хотя бы, почтовый пункт. А нас было более ста пятидесяти тысяч, из которых в живых не осталось и половины, жильём нам служили леса и болота, а пищей – конина и вода, да и то не всегда. Словом, мой товарищ начал терпеть нужду лишь с того момента, как он встретился со мной.

Пикар сообщил мне, что человек, лежавший у нашего костра, был ранен вчера польскими уланами в стычке, происходившей во второй половине дня. Вот что он мне рассказал:

«Более шестисот казаков и другой кавалерии напали на наш обоз. Находясь под прикрытием наших повозок, образовавших каре вокруг нас на дороге, очень широкой в этом месте, мы дали им подойти так близко, так что первый залп уложил сразу одиннадцать человек. Столько же, если не больше, были ранены и умчались на своих конях. Затем подоспели польские уланы из корпуса генерала Домбровского[50] и завершили разгром. Человек у костра был взят ими в плен, как и несколько других, но они почему-то бросили его».

– После атаки, о которой я говорил, – продолжал Пикар, – произошла некоторая сумятица. Те, что вели повозки по узкой дороге перед лесом, старались пройти первыми, чтобы поскорее очутиться в лесу, под защитой деревьев. Часть обоза, надеясь найти лучший путь, пошла по краю оврага, но не заметила глубокую рытвину, присыпанную снегом, поэтому первый зарядный ящик свалился в неё вместе с двумя конями.

Остальные повозки избежали этой участи, объехав слева, но не знаю, прибыли ли они благополучно на место назначения, или нет. Меня с двумя егерями, оставили охранять этот ящик, пообещав вскоре прислать людей и лошадей, чтобы вытащить его или забрать его содержимое. Но час спустя, когда начало темнеть, мимо проходили девять отставших солдат из разных корпусов. Увидев опрокинутый ящик, и заметив, что охраняют его только трое, сломали его под предлогом поиска пищи, и не желали слушать никаких наших возражений и уговоров.

Видя, что все наши усилия напрасны, мы последовали их примеру, забрали и спрятали всё, что смогли найти. Но было уже поздно, всё лучшее пропало, а лошади изрезаны на куски. Мне достался этот белый плащ, я думаю, он мне пригодится. Одно непонятно, куда девались те два егеря, которые были со мной.

Я объяснил Пикару, что солдаты, разграбившие ящик, принадлежали к Великой Армии, и что если б он задал им пару вопросов, они рассказали бы ему ещё больше чем я.

– По правде сказать, Пикар, они правильно поступили, потому что русские скоро будут здесь.

– Вы правы, – отвечал Пикар, – вот почему нам надо привести в порядок наше оружие.

– Прежде всего, я должен отыскать своё ружье, – сказал я, – я никогда не расставался с ним. Вот уже шесть лет, что я ношу его, и так с ним сроднился, что даже ночью среди целой массы ружей узнаю его на ощупь, или даже по звуку, если оно упадёт.

Поскольку в эту ночь снегопада не было, мне удалось отыскать своё ружье. Пикар шёл за мной и светил смоляной лучиной.

После осмотра обуви – дела очень важного – мы зажарили кусок конины, которой Пикар сделал солидный запас. Поев, и запив кусочками замерзшего снега с водкой, мы положили в ранцы по куску мяса и, стоя у костра, молча грели руки, размышляя, что делать дальше.

– Ну, – спросил он, – куда мы теперь направимся?

– Это адская музыка в моих ушах до сих пор, – сказал я.

– Возможно, мы ошибаемся. Может быть, это заря или сигнал наших конных гренадер! Вы же знаете это:

«Fillettes, auprès des amoureux
Tenez bien votre serieux,» etc.

«Девушки, рядом с любимыми,
Будьте серьёзны,» и т. д.

(перевод мой. – В.П.)

Я прервал Пикара, заметив, что вот уже две недели как зари не существует, у нас нет больше кавалерии, а из того, что осталось, сформировали один эскадрон, так называемый, «Священный Эскадрон». Им командовал самый старый маршал Франции: генералы состояли в нём вместо капитанов и полковников, а другие офицеры в качестве солдат; такой же был и батальон, называемый, «Священным Батальоном». Словом, из сорока тысяч кавалерии у нас осталось не более тысячи.

Не дав ему времени на ответ, я добавил, что слышанная нами музыка, несомненно, сигнал сбора русской кавалерии, и что она заставила его вылезти из багажного ящика.

– Oh, mon pays, не это заставило меня вылезти, а ваше желание поджечь этот ящик.

Едва успев произнести эти слова, Пикар вдруг схватил меня за руку и проговорил:

– Молчите! Ложитесь!

Я моментально лёг. Он сделал так же и прикрыл огонь кирасами. Я посмотрел вверх и увидел русскую кавалерию, тихо проезжавшую над нами.

Так продолжалось с четверть часа. Наконец, когда она прошла, Пикар сказал мне: «Пойдём!» Взявшись за руки, мы оба направились в ту сторону, откуда появилась кавалерия.

Через некоторое время Пикар остановился и тихо сказал:

– Надо передохнуть, мы в безопасности, по крайней мере, пока. И повезло же нам! Если б этот раненый медведь – он имел в виду казака – заметил своих, он заревел бы как бык, привлёк их, и тогда Бог знает, что стало бы с нами. Кстати, надо вернуться: я забыл нечто важное – котёл, лежащий по ту сторону ящика – он для нас нужнее всего того, что было в ящике. Видя, что я не очень-то соглашаюсь с ним, он проговорил решительно: «Ну, идём, иначе мы умрём от голода».

Мы вернулись к своему бивуаку. Костер почти погас, а бедняга-казак в страшных мучениях катался по снегу, попав головой в самый костёр. Мы ничем не могли помочь ему, однако подложили под него овчинные чепраки, чтобы он, по крайней мере, мог умереть спокойно.

– Он ещё далёк от смерти, – заметил Пикар – Посмотрите на его глаза – они сияют как свечи!

Нам почти удалось усадить его, придерживая под руки, но только мы его оставили, он упал лицом в огонь. Мы вытащили его как раз вовремя, иначе он бы сгорел. Мы оставили его и

принялись искать котёл и, хотя он был повреждён, Пикар всё-таки привязал его мне за спину.

Затем мы пробовали взобраться на кручу, чтобы до рассвета добраться до лесу, где сможем найти убежище от холода и неприятеля. Два раза мы скатывались вниз. Наконец нам удалось проложить себе дорогу. Мы взобрались наверх как раз на том месте, откуда я свалился накануне, и где недавно прошла кавалерия. Мы остановились перевести дух, и решить, куда идти.

– Прямо, – решил Пикар, – идите за мной!

С этими словами он пошёл, а я за ним, но пройдя шагов двадцать, он вдруг исчез в яме, глубиной, примерно, шесть пье. Кое-как он встал, молча протянул мне своё ружье, и я помог ему вылезти. Но только он вылез, как принялся клясть и русского Бога, и Наполеона, называя его «салагой – новобранцем».

– Да, это дурацкий поступок салаги, новичка, так долго оставаться в Москве. Двух недель было бы совершенно достаточно, чтобы съесть и выпить всё, что там нашлось, но застрять на 34 дня и дождаться зимы! Я называю это глупостью и будь он здесь, – прибавил он, – я сказал бы ему прямо в лицо, что так нельзя обращаться с армией! Господи, Боже, я многое видел за шестнадцать лет! В Египте, в песках Сирии мы страдали, это правда, но то были пустяки по сравнению с этими снежными пустынями!

И он начал дуть себе на руки, пытаясь согреть их.

– Полно, бедный мой Пикар, теперь не время рассуждать, надо действовать. Возьмём левее, может, найдём дорогу получше!

Пикар вынул шомпол из своего ружья и пошёл, прощупывая снег. Но снег был глубок. В конце концов, мы прошли недалеко от того места, где он упал. Мы продолжали осторожно идти вперёд. На полпути до леса мы были остановлены оврагом вроде того, где мы провели ночь. Мы спустились в него и с великим трудом вскарабкались на ту сторону. Там пришлось опять передохнуть, до такой степени мы устали.

Справа от нас огромной скоростью неслись чёрные тучи. Эти тучи вместе с северным ветром предвещали нам свирепую метель, и, судя по всему, день предстоял ужасный. Буря ревела в лесу меж сосен и берёз, и ветром нас отбрасывало назад. Порой мы падали в скрытые под снегом ямы. Наконец, через час мы прибыли в намеченное место, и тотчас снег повалил густыми хлопьями.

Буря свирепствовала с такой силой, что вокруг нас ежеминутно валились деревья, их ломало или выворачивало с корнем, так что пришлось нам выйти из леса. Мы шли по опушке, держа ветер с левой стороны, но наткнулись на большое озеро,

которое мы бы легко перешли, если бы оно достаточно замёрзло и лежало на нашем пути. Но нам следовало идти в другую сторону. Наконец, не имея возможности двигаться дальше из-за снега, слепившего нам глаза, мы решили укрыться под двумя берёзами и дождаться прекращения бури.

Мы уже довольно долго топтались на месте, чтобы не отморозить себе ноги, и тут я заметил, что ветер немного стих. Я обратил на это внимание Пикара и предложил идти дальше. Мы нашли хороший путь, чтобы обойти озеро, как вдруг Пикар остановился и пристально посмотрел вперёд. Затем он схватил меня за руку и прошептал:

– Тише!

Потом оттащив меня за куст, он добавил тихо:

– Разве вы не видите?

– Ничего, а что это?

– Дым. Бивуак.

В самом деле, присмотревшись, я увидал то же самое. У меня промелькнула в голове неожиданная мысль, и я сказал Пикару:

– А что, если это бивуак той русской кавалерии, что мы видели утром?

– Скорее всего, да, – отвечал он, – сообразно с этим нам и надо действовать. Утром до нашего отправления мы сделали большую ошибку, не зарядив ружья, когда были возле огня. Теперь же, когда наши руки окоченели, а дула наших ружей забиты снегом, это невозможно сделать.

Шёл небольшой снег и небо прояснилось. Вдруг, я увидел на берегу озера за кустом лошадь, грызшую берёзовую кору. Я указал на неё Пикару. Он подумал, что вероятно здесь ночевала русская кавалерия, а так как на этой лошади не было сбруи, то очевидно она ранена и её здесь оставили.

Едва он это сказал, как лошадь подняла голову, заржала и спокойно направилась прямо на нас. Остановившись возле Пикара, она принялась обнюхивать его, как старого знакомого. Мы не решались ни двинуться, ни заговорить. А чёртова лошадь всё стояла, прикасаясь головой к мохнатой шапке Пикара, который затаил дыхание, опасаясь, что сейчас появятся её хозяева. Но заметив, что она ранена в грудь, мы окончательно убедились, что эта лошадь брошена, и бивуак тоже. Через минуту мы вышли на полукруглую площадку с несколькими кострами, где валялось семь лошадей, убитых и частью съеденных. Это позволило нам предположить, что здесь ночевало более двухсот человек.

– Это они! – проговорил Пикар, сунув руку в золу, чтобы

согреть её, – в этом не может быть сомнения; вот рыжая лошадь, которую я узнаю. Она была в стычке и служила мне мишенью. Я даже, кажется, не ошибусь, если скажу вам, что отправил её хозяина на тот свет.

Осмотревшись, мы занялись разжиганием костра, расположенного перед укрытием, которое, похоже, занимал командир отряда. Снег прекратился, и сильный ветер сменился полным затишьем. Мы решили сварить суп. У нас был свой запас конины, но мы сочли более правильным пока оставить его, так как пищи и без того имелось предостаточно. С помощью моего топорика Пикар отрезал один кусок свежего мяса для супа, а другой про запас, чтобы захватить с собой. Мы пробовали прорубить лёд, чтобы достать воды, но не имели для этого, ни сил, ни терпения. Мы отогрелись, и возможность поесть супа привела меня в радостное настроение. Когда человек попал в беду, как мало нужно, чтобы сделать его счастливым! Наш котёл в том состоянии, в каком он находился, не мог нам служить, но Пикар, энергичный и уверенный в себе, решил его починить. Он срубил сосну толщиною в руку, на расстоянии около полутора пье от земли. Эта часть оставшаяся часть сыграла роль, своего рода, наковальни. Другой отрезок ствола такой же длины стал молотом. Пикар обернул его тряпкой, чтобы не шуметь и занялся ремеслом котельника. Он пел, отбивая такт своим молотом, ту самую песенку, которую всегда пел во время ночных переходов:

«C’est ma mie l’aveugle,
C’est ma mie l’aveugle,
C’est ma fantaisie;
J’en suis amoureux.»

«Моя любовь слепа,
Моя любовь слепа,
Мне только кажется,
Что я влюблён».

(перевод мой. – В.П.)

Услышав этот басистый, мощный голос, я не мог удержаться от замечания:

– Mon vieux camarade, вы забыли – сейчас не время для пения.

Пикар с улыбкой посмотрел на меня и, не отвечая, продолжал:

«Elle a le nez morveux
Et les yeux chassieux.
C'est ma mie aveugle,
C'est ma fantaisie
J'en suis amoureux!»

«У неё сопливый нос,
И рассеянный взгляд.
Моя любовь слепа,
Мне только кажется,
Что я влюблён!»

(перевод мой. – В.П.)

Наконец заметив, что я нервничаю из-за его пения, он замолк и показал мне котёл, уже принявший другую форму и годный к употреблению.

– Помните, – спросил он, – день сражения при Эйлау, когда мы стояли возле церкви?

– Разумеется, – отозвался я, – погода была точно такая же, как сегодня, тем более что бешеное русское ядро сорвало тогда с моего ранца наш ротный котёл. Вы что, забыли, Пикар?

– Клянусь Богом, нет! Вот почему я вас и спрашиваю – разве нельзя было тогда с помощью терпения и старания починить этот котёл?

– Конечно, нет, как и те две головы, что оторвало тогда это ядро – головы Грегуара и Лемуана.

– Чёрт подери, как это вы до сих пор помните их имена?

– И никогда не забуду: Грегуар был велитом, как и я, и моим старым другом. В тот день в котле хранились бобы и сухари.

– Да, – отвечал Пикар, – они разлетелись и осыпали нас. Господи, что за денёк был!

Пока мы так беседовали, в нашем котле растаял снег. Мяса мы туда положили много, чтобы не только сейчас поесть, но и чтобы сделать запас в дорогу. Из любопытства я заглянул в свою холщовую сумку, найденную накануне. В ней лежали три хлопчатобумажных платка, две бритвы и несколько писем на

французском языке, отправленных из Штутгарта, на имя г-на Жака, баденского офицера из драгунского полка. Письма были от его сестры и полны нежности. Я хранил их, но после того как я попал в плен, они пропали.

Сидя перед огнём у входа в крытое убежище и повернувшись спиной к северу, Пикар открыл свой ранец. Он вытащил оттуда платок, в одном уголке которого была завязана соль, а в другом немного овсянки. Давно уже я не видел такой роскоши, мой рот наполнился слюной при одной мысли, что съем суп, подсоленный настоящей солью, а не порохом.

От ужасной усталости и тепла костра меня разморило. Я сказал Пикару, что сейчас засну.

– Ну, так что ж, – отвечал Пикар, – отдыхайте, а я пока присмотрю за супом, вычищу и заряжу наше оружие. Сколько у вас патронов?

– Три пакета по пятнадцать штук.

– Отлично, а у меня – четыре. Это составит всего сто пять штук. Более чем достаточно, если повстречается человек двадцать пять казаков. Ну, спите!

Я не заставил себя долго упрашивать, завернулся в свою медвежью шкуру и, вытянув ноги к огню, заснул. Я уже крепко спал, вдруг Пикар разбудил меня.

– Mon pays, вот уже два часа, как вы спите сном праведника. Я поужинал. Теперь ваша очередь обедать, а мне спать. Наши ружья вычищены и заряжены. Покараульте теперь и вы, а когда я отдохну, мы отправимся.

Он закутался в свой белый плащ и улёгся, а я, зажав котёл между колен, с большим аппетитом принялся за суп. Кажется, за всю свою жизнь я никогда не ел, да и, возможно, уже и не поем с таким наслаждением.

После трапезы я приступил к обязанностям часового. Не прошло и пяти минут, как раненая лошадь, найденная нами по прибытии, заржала и галопом понеслась на середину озера. Там она остановилась и заржала снова. Ей ответили несколько других лошадей, и она помчалась в ту сторону, откуда ей отвечали. Я спрятался среди маленьких елей и увидел, что лошадь присоединилась к отряду кавалерии, переходившему через озеро. Он состоял из двадцати трёх человек. Я окликнул Пикара, заснувшего так крепко, что он меня совершенно не слышал, и мне пришлось дёргать его за ноги. В конце концов, он открыл глаза.

– Ну, что такое? Что случилось?

– Быстрей, Пикар! Вставайте! На озере русская кавалерия. Нужно уходить.

– Оставьте меня в покое, я это заслужил.

Очень жаль, mon vieux, но вы сами велели мне предупредить вас, очень вероятно, что могут прийти и другие.

– И то, правда! Вот, проклятое ремесло! Где они?

– Немного правее и слишком далеко для выстрела.

Немного позже появилось ещё пять человек, прошедших мимо нас на половинном расстоянии ружейного выстрела. В то же время мы увидали, как передние остановились, спешились и, держа лошадей под уздцы, стали вокруг того места, где они ранее, вероятно, сделали прорубь, чтобы напоить лошадей, видно было, как они стучали по льду древками пик, чтобы пробить новообразовавшийся лёд.

Мы решились сняться с лагеря как можно скорее, выйти на дорогу и присоединиться к армии, если получится. Было часов 11, таким образом, до наступления темноты у нас было около 4-х часов. Я не думал, что армия далеко, так как русские караулили нас у перехода через Березину, где должны были собраться остатки всей нашей армии.

Мы торопились. Пикар сунул в свой ранец большой запас мяса, я набил битком свою холщовую сумку. Пикар намеревался выбраться на дорогу тем самым путём, по которому мы пришли, вдоль опушки леса. Если русские нас заметят, мы сможем спрятаться в лесу, а если нет, мы пойдём по уже знакомой дороге.

И вот мы пустились в путь. Пикар нёс более пятнадцати фунтов сырого мяса, а я нёс котёл с варёным мясом. Пикар сказал мне, что всегда любил носить провизию на марше, а не что-либо другое, потому что спустя несколько дней оказывался менее нагруженным, чем остальные. В подтверждение сказанного он хотел процитировать мне Эзопа, как вдруг с другого берега озера раздалось несколько ружейных выстрелов. «Назад! В лес!»– проговорил Пикар, но шум прекратился и мы продолжали путь.

Буря, утихшая утром, грозила разыграться снова. Огромные тучи скучились над лесом, и в нем стало так темно, что мы опасались в него войти, чтобы спрятаться. Пока мы решали, что делать, снова послышались ружейные выстрелы, но уже гораздо ближе. Потом мы увидели два отряда казаков – они старались окружить семерых наших пехотинцев, спускавшихся с пригорка, которые, по-видимому, вышли из маленькой деревушки, лежавшей на противоположной стороне озера. Мы видели, как они стреляли по неприятелю, а потом начали отступать в сторону озера, чтобы добраться до леса, где мы находились, и ускользнуть.

Всего казаков было около тридцати. Половина из них спустилась к берегу озера, чтобы отрезать солдатам отступление.

Наше оружие было заряжено, и тридцать патронов лежали в сумке, готовые хорошенько угостить их, если казаки направятся в нашу сторону и, может быть, даже, спасти наших товарищей, оказавшихся в очень сложной ситуации. Пикар, не спускавший с них глаз, сказал мне:

– Mon pays, заряжайте ружья, я перебью их как уток. Первый залп сделаем вместе.

Тем временем наши солдаты продолжали отступать. Пикар узнал в них тех самых, что накануне разграбили зарядный ящик, который он стерёг, но теперь их осталось только семеро. До отряда всадников оставались не более сорока шагов, когда Пикар, хлопнув меня по плечу, воскликнул:

– Слушай мою команду! Пли!

Казаки застыли на месте от неожиданности, один из них упал. Увидев это, они тут же рассыпались в разные стороны. Только двое остались помогать раненому, сидевшему на льду, опершись на левую руку. Пикар, не теряя времени, послал вторую пулю – она ранила лошадь. Эти двое тотчас пустились бежать, бросив своего раненого товарища и прячась за лошадьми, которых вели под уздцы. Слева громко закричали, и мы увидели, что наши солдаты окружены. Те казаки, что ранее оставили своего раненого товарища, вернулись за ним, а так как он не мог идти, они поволокли его по льду, держа за ноги.

Мы заметили казака, поставленного наблюдать за нами. Он то и дело посматривал на то место, где нас уже не было после перебежки, сделанной нами после первого залпа. Пикар не удержался и выстрелил – казак, поражённый в голову, зашатался, наклонился вперёд и упал с лошади. Он был мёртв.[51]

При звуке выстрела те, что окружали наших несчастных солдат, удивлённо оглянулись. Наши пехотинцы дали залп по ним почти в упор и свалили сразу четверых казаков. И с той, и с другой стороны раздались яростные крики. Схватка стала всеобщей, разгорелась жаркая битва. Мы были уже готовы всеми силами поддержать наших товарищей, как вдруг внезапно поднялась сильная буря, до того уже предупреждавшая нас о себе. Снег, не переставший валить с самого начала стычки, стал такой густой, что полностью ослепил нас. Нас окутала вьюга, и пришлось держаться друг за друга, чтобы устоять против ветра. Внезапно всё прекратилось, и в шести шагах мы увидели неприятеля, который, тоже заметив нас, испускает дикий рёв. Наши руки закоченели, мы не могли стрелять. Не поворачиваясь к ним спиной, мы обнажили штыки, и ушли в лес, а они удалились, пустив лошадей в галоп.

У кромки леса мы увидели других троих пехотинцев, которых

преследовали пятеро казаков, подскакавших с противоположной стороны. Мы дважды выстрелили в преследователей, но неудачно, приготовились стрелять снова, но вдруг лёд треснул и несчастные провалились в озеро вместе с двумя ближайшими к ним казаками. Бедняги попали на то самое место, где поутру русские кололи лёд, чтобы напоить коней, новый лёд оказался недостаточно крепок и не выдержал. Третий казак, видя, что двое скакавших перед ним товарищей исчезли, хотел остановить лошадь. Но она взвилась на дыбы, поскользнулась, упала на всадника и скрылась в проруби вместе со своим хозяином.

Нас объял ужас, а те казаки, что преследовали нас так и замерли на месте, не пытаясь даже помочь своим товарищам. С того места, где мы находились, были слышны кошмарные крики, доносившиеся из проруби. Несколько раз появлялись головы коней, но бурлящая и выплескивавшаяся на лёд вода, поглотила их.

Появилось ещё десять всадников, с командиром. Несколько человек, подъехав к роковому месту, погружали туда свои пики и вытаскивали их, но до дна, как будто, не доставали. Они посмотрели на нас и ускакали. Воцарилась полная тишина.

Мы опять одни в этом пустынном месте и, опираясь на ружья, смотрели на озеро, где лежали тела убитых. После недолгого молчания, Пикар сказал:

– Мне очень хочется покурить. Хорошо бы поискать табака у них. Я буду очень расстроен, если мне не посчастливится.

Я заметил, что слишком рискованно так поступать, ведь мы не знаем, где те всадники, которые сражались с первыми четырьмя нашими пехотинцами, и сразу же после моих слов появилась огромная толпа из казаков и крестьян, нёсших длинные шесты, они направлялись к проруби. За ними ехала повозка, запряжённая парой лошадей.

– Ну, прощай табак! – сказал Пикар.

Мы решили отойти подальше, и нашли ещё один брошенный бивуак, который, вероятно, тоже был разбит накануне. Мы спрятались и наблюдали за казаками. Они обобрали наших солдат, а потом крестьяне раздели их догола. Все это время я с большим трудом удерживал Пикара, чтобы он не уложил нескольких из этих грабителей.

Другая половина казачьего отряда, в сопровождении крестьян, подошла к проруби и принялась вытаскивать оттуда погибших. Увидев их занятыми этим делом, нам стало ясно, что оставаться тут больше незачем. Мороз немного ослаб, было около полудня. Двое казаков, объезжавших опушку, пошли за нами. Увидав их, Пикар рассердился.

– Если они нас заметили, как бы мы не старались, они всё равно от нас не отстанут. Скорее в лес – если их только двое, то мы с ними живо разделаемся!

Вдруг он остановился и разразился ругательствами:

– Чёрт их подери! Я рассчитывал, что разживусь у них табаком. Трусы! Они так боятся, что не смеют открыто атаковать нас!

Мы продолжали идти, держась по возможности поближе к лесу, но деревья, поваленные бурей, то тут, то там, преграждали нам путь. Их приходилось обходить. Мы опять оглянулись назад – двое казаков следовали за нами, шагах в тридцати от нас. Первый, без сомнения, увидел нас, и пришпорил коня, но остановился, поджидая своего товарища. Мы вошли в лес, чтобы незамеченными наблюдать за ними, и пошли как можно быстрее, то заходя в лес, то выходя из него. Мы хотели увести их как можно дальше от остальных.

Уже с полчаса мы производили эти маневры, как вдруг упёрлись в снежный вал, тянущийся до края оврага. Мы направились в лес, чтобы спрятаться. Казаки были уже совсем близко, но Пикар, знаток искусства войны, шепнул мне: «Мне хочется заманить их по ту сторону снежного вала, остальные не успеют прийти им на помощь».

Когда казаки убедились, что проехать нельзя, они спустились в овраг, чтобы выехать с другой стороны вала. Мы же тем временем перешли вал. Пока они были там, мы воспользовались случаем и вышли из леса, а поскольку нам казалось, что на какое-то время мы избавились от них, я остановился перевести дух – ноги мои подкашивались от усталости. Тут, обернувшись, Пикар увидел наших друзей собирающихся напасть на нас врасплох, хотя мы полагали, что они обогнали нас. Мы тотчас вошли в лес, немного покружили, вернулись, и увидели, что они медленно следуют друг за другом. Мы снова вошли в лес и побежали, чтобы сбить их с толку, потом опять вернулись и спрятались за кучкой маленьких, занесённых снегом сосен.

До первого всадника было шагов сорок. Пикар прошептал мне: «Вам, сержант, принадлежит честь первого выстрела, но дайте ему подойти поближе».

В эту самую минуту казак сделал пикой знак товарищу, чтобы тот двинулся вперёд. Затем повернул коня направо, прямо к месту нашей засады. Он был в четырёх шагах – я выстрелил и попал ему в грудь. Казак вскрикнул, и захотел было удрать, но тут на него бросился Пикар, схватил одной рукой уздечку, а другой проткнул казака штыком, и крикнул мне: «Ко мне, mon pays, берегитесь второго!» Едва он успел это проговорить, как

подлетел другой с пистолетом и выстрелил в голову Пикару, который тут же, не выпуская уздечки, упал под лошадь. Я бросился вперёд, но увидев меня, казак бросил пистолет, помчался назад, на равнину, и оказался шагах в ста от нас. Я не мог выстрелить ещё раз, потому что моё ружье не было заряжено, а замерзшими руками быстро зарядить его невозможно.

Пикар уже стоял на ногах, а казак, которого я ранил, упал с коня, как мёртвый. Не теряя времени, Пикар отдал мне уздечку, а сам пробежал шагов двадцать вперёд, прицелился во второго и выстрелил ему в голову, но тот уклонился, пригнувшись к спине лошади, и ускакал. Пикар перезарядил ружье и сказал мне: «Победа за нами, но не надо медлить – воспользуемся правом победителя и посмотрим, не найдётся ли у этого человека чего-нибудь для нас подходящего, а потом уйдём, захватив лошадь!»

Я спросил Пикара, не ранен ли он. Он отвечал, что это пустяки, об этом поговорим после. Из-за пояса казака он вытащил два пистолета – один из них оказался заряженным, и сказал:

– Думаю, он притворяется мёртвым, я видел – он жив и временами открывает глаза.

Я привязал лошадь к дереву. С её всадника я снял саблю, а ещё нашёл у него красивую серебряную шкатулку, которая, насколько я знаю, принадлежала хирургу нашей армии. Я повесил её себе на шею, а саблю забросил в кусты. Казак носил два французских мундира под шинелью: кирасирский и красных улан Гвардии с орденом Почётного легиона, который Пикар немедленно снял. Кроме того, на нем было несколько прекрасных жилетов, сложенных вчетверо, в виде толстой пластины, которую пуля не смогла бы пробить. В его карманах мы нашли более трёхсот франков пятифранковыми монетами, двое серебряных часов, пять орденских крестов – всё это было снято с убитых и умирающих, или украдено из обозных повозок. Я уверен, что будь у нас больше времени, мы нашли бы ещё много всего. Пикар взял пику и незаряженный пистолет и спрятал их в кустах, затем мы собрались уходить. Пикар шёл впереди, ведя лошадь под уздцы, а мне, идущему за ним, захотелось узнать, что находится в чемодане, висевшем на крупе лошади и, насколько я понимаю, принадлежавшем офицеру – кирасиру нашей армии.

Я просунул руку внутрь и нащупал что-то очень похожее на бутылку. Я сообщил об этом Пикару, и тот немедленно скомандовал: «Стой!» В одну секунду чемодан был вскрыт, и я вытащил бутылку, содержавшую нечто похожее по цвету на можжевёловую водку. Пикар сделал глоток, даже не потрудившись понюхать, затем передал мне.

– Ваша очередь, сержант!

Невозможно описать то приятное ощущение, которое я испытал, отведав водки. Единодушно мы признали, что эта находка лучше всех остальных, и что ей надо разумно распорядиться. У меня в сумке лежала маленькая китайская фарфоровая чашка, которую я вёз из Москвы – вот мы и решили, что это будет наша мера – всякий раз, когда нам захочется выпить.[52]

Мы углубились в лес, и спустя четверть часа тяжёлого пути из-за множества поваленных деревьев, мы, наконец, вышли на дорогу, шириною в 5–6 пье, ведущую в нужном нам направлении, в сторону большой дороги, где должна была пройти армия.

Успокоившись немного, я поднял голову и, взглянув на Пикара, заметил, что у него все лицо в крови. Кровь обледенела на его усах и бороде. Я сказал ему, что он ранен в голову. Он отвечал, что заметил это в ту самую минуту, когда его мохнатая шапка зацепилась за ветку, и по лицу потекла кровь, впрочем, ничего серьёзного. Он объяснил, что упал вовсе не от пистолетного выстрела, а по иной причине: держа лошадь под уздцы, в то время как подходил другой казак, он хотел выстрелить, но поскользнулся и, не выпуская из рук ни уздечки, ни ружья, очутился на спине, под брюхом у лошади. «Да и не время теперь обсуждать такие пустяки, – добавил Пикар, – вечером посмотрим».

Чтобы двигаться быстрее, я предложил Пикару сесть на лошадь вдвоём «Попробуем!» – согласился он. Тотчас же мы сняли с неё деревянное седло и, оставив только попону, уселись, Пикар впереди, а я позади. Выпив ещё немного водки, мы отправились, держа ружья поперёк, на весу. Ехали мы больше рысью, иногда пускались и в галоп. Временами на пути нам попадались поваленные деревья. Это привело Пикара к мысли срубить несколько деревьев, ещё не совсем упавших, чтобы таким образом соорудить баррикаду против кавалерии на тот случай, если бы она преследовала нас. Он слез с коня и, взяв мой топор, в несколько минут подсек несколько сосен и повалил их поперёк дороги в достаточном количестве, чтобы задать работы для двадцати пяти человек на целый час. Мы продолжали двигаться рысью ещё четверть часа, как Пикар вдруг остановился и сказал:

– Вот, черт! У этой татарской лошади такая тряская рысь!

Я отвечал, что лошадь мстит нам за своего убитого хозяина.

– О, сержант, – ответил Пикар, – водка развеселила вас, я вижу.

Пикар подоткнул под себя полы своего белого плаща, чтобы мягче сидеть, и ещё с четверть часа мы ехали уже шагом. Временам лошадь погружалась в снег по самое брюхо. Наконец,

мы увидали дорогу, пересекавшую ту, по которой мы ехали – скорее всего, это была большая дорога. Но выходить на неё надо было с осторожностью. Мы спешились, взяли лошадь под уздцы, зашли в лес, и из укрытия внимательно осмотрели новую дорогу. Вскоре мы убедились, что это и в самом деле главная дорога, ведущая к Березине. Множество усеивавших её трупов, наполовину занесённых снегом, и пятна свежей крови привели нас к выводу, что совсем недавно тут прошла колонна французских пленных под русским конвоем.

Мы, без сомнения, находились позади русского авангарда, и, конечно, скоро за нами пройдут другие русские. Как тут быть? Надо было держаться дороги. Это единственное, что нам оставалось делать.

– Мне пришла в голову превосходная мысль, – сказал Пикар. – Вы будете арьергардом, а я авангардом. Я буду смотреть вперёд, не покажется ли кто-нибудь, а вы, друг мой, сядьте головой к хвосту и наблюдайте в свою очередь.

Но привести в исполнение идею Пикара оказалось нелегко, то есть, сесть спиной к спине, напоминая, как он выразился, двуглавого орла с парой глаз впереди и парой сзади. Мы выпили по стаканчику можжевеловки, спрятали остаток на случай крайней необходимости, и пустили лошадь шагом по тихому и печальному лесу.

Северный ветер усилился, и «арьергард» так промёрз, что еле держался, но к счастью, погода была хорошая, предметы можно было увидеть издалека, а дорога была совершенно прямая, и мы не опасались быть застигнутыми врасплох на поворотах. Мы ехали уже около получаса, как вдруг встретили на опушке леса семерых крестьян, как будто дожидавшихся нас. Одеты они были в овчинные тулупы, на ногах лапти. Они подошли к нам, поздоровались по-польски и, казалось, обрадовались, что встретили французов. Затем они объяснили нам, что вынуждены идти в Минск, где находится русская армия, поскольку их включили в состав ополчения. Таких вот крестьян силой заставляли идти против нас – повсюду, во всех деревнях казаки гнали их ударами кнута.

Мы продолжали путь, а когда крестьяне скрылись из виду, я спросил Пикара, понял ли он, о чем говорили крестьяне. Минск – одна из наших самых больших военных баз в Литве – там у нас были запасы продовольствия, и там должна была воссоединиться большая часть армии. Он отвечал, что все прекрасно понял и, что если это действительно правда, значит, «Папаша – тесть»[53] сыграл с нами плохую штуку. Я не понял его намёка, тогда он повторил мне, что если это так, значит, австрийцы предали нас.

[54] Он собирался объяснить подробнее, но вдруг остановил лошадь и проговорил: «Смотрите-ка, впереди, похоже, колонна?» Я различил что-то чёрное, но вдруг оно скрылось. Через минуту голова колонны опять показалась, точно вынырнула из оврага.

Мы сразу поняли, что это русские. Тотчас повернули вправо и вошли в лес, но не прошли и четырёх шагов, как наша лошадь завязла по грудь в снегу и сбросила меня. Падая, я увлёк за собой и Пикара. Глубина снега в том месте была более шести пье, и нам стоило больших трудов выбраться из него. Тем временем, подлая лошадь удрала, но проложила нам путь в лес, которым мы и воспользовались. Не прошли мы и двадцати шагов, как лес настолько сгустился, что мы не могли идти дальше. Выбора не было – пришлось возвращаться. Лошадь мы нашли гложущей кору с дерева, к которому её и привязали. Мы отошли от неё как можно дальше и, отыскав куст достаточно густой, чтобы в нём спрятаться, приготовились защищаться. Между тем Пикар спросил меня, цела ли наша бутылка, не потеряна ли? К счастью, с ней ничего плохого не случилось, и мы решили выпить по чашечке. Пока я откупоривал бутылку, он занялся осмотром и чисткой наших ружей.

Прождав минут пять-шесть, мы увидали голову колонны, возглавляемую десятью или двенадцатью татарами или калмыками, вооружёнными, кто пикой, кто луком и стрелами, а по обеим сторонам дороги шли крестьяне, вооружённые чем попало. Посредине колонны еле плелись более двухсот солдат и офицеров нашей армии, жалких и едва живых. Многие были ранены: у кого рука на перевязи, те, у кого отморожены ноги, шли, опираясь на толстые палки. Несколько человек упало и, несмотря на удары пиками, лежали не двигаясь. Я не могу описать ту боль, которую мы испытали, глядя на такое жестокое обращение с нашими товарищами! Пикар молчал, но я боялся, что он выскочит из леса и бросится на эскорт. В эту минуту подъехал офицер и, обратившись к пленным на французском языке, сказал:

– Почему бы вам не идти быстрее?

– Мы не можем, – отвечал солдат, лежавший на снегу, – я согласен лучше умереть, чем тащиться дальше!

Офицер возразил, что надо потерпеть, скоро подъедут повозки и самых тяжёлых больных и раненых повезут в них.

– Вам будет лучше, чем с Наполеоном, потому что он уже в плену со всей своей Гвардией и остатками армии, так как мосты через Березину разрушены.

– Наполеон в плену со всей своей Гвардией! – воскликнул старый солдат. – Да простит вас Господь! Видно, сударь, что вы их

не знаете. Они сдадутся только мёртвыми. Они дали клятву! Их нельзя взять в плен!

– А вот и повозки, – сказал офицер.

Мы увидели два армейских фургона и походную кузницу, нагруженную ранеными и больными. Пятерых раненых сбросили, и крестьяне тотчас же поспешили раздеть их догола. Их заменили пятерыми другими, трое из которых сами уже не могли идти. Офицер приказал крестьянам вернуть одежду пленным, наиболее в ней нуждавшимся, и так как они не спешили исполнить его приказ, то он стегнул каждого из них нагайкой. Затем он обратился к нескольким солдатам, благодарившим его:

– Я тоже француз, вот уже двадцать лет, как я в России. Мой отец умер, но мать ещё жива. Я надеюсь, что обстоятельства позволят нам вскоре вернуться во Францию и в свои дома. Я прекрасно понимаю, что не сила оружия сломила вас, а этот невыносимый русский климат.

– А также недостаток продовольствия, – вставил один раненый, – если б не это, мы были бы теперь в Петербурге!

– Очень может быть, – ответил офицер.

Колонна медленно двинулась в путь.

Когда они скрылись, мы вернулись к своей лошади: она сунула голову в снег и пыталась найти траву. Потом мы случайно нашли брошенный костёр. Мы разожгли его и согрели свои руки и ноги. Ежеминутно мы по очереди ходили смотреть, не видать ли чего, но вдруг мы услыхали стоны, и к нам подошёл почти полностью раздетый человек. На нем была полуобгоревшая шинель, на голове рваная фуражка. Ноги его были обёрнуты в тряпки и обвязаны верёвками поверх рваных серых штанов. Нос отморожен, уши покрыты струпьями. На правой руке у него оставался только большой палец, все остальные отвалились. Это был один из пятерых несчастных, брошенных русскими. Он что-то бормотал, но мы не смогли его понять. Увидав наш костёр, он жадно кинулся к нему, точно хотел проглотить его. Не говоря ни слова, он опустился на колени перед огнём. С трудом мы заставили его проглотить немного можжевеловки, но половина пролилась – его зубы так стучали, что он не мог пить. Внезапно стоны прекратились, зубы перестали стучать, казалось, он в глубоком обмороке.

Пикар попытался приподнять его, но это уже был труп. Вся сцена длилась не больше десяти минут.

Всё виденное и слышанное страшно потрясло моего старого товарища. Он взял ружье и молча направился к дороге, как будто ничего не случилось. Я поспешил за ним, взяв лошадь под уздцы и, догнав его, велел сесть на лошадь. Он послушался, я тоже

уселся, и мы пустились в путь, надеясь выбраться из леса до наступления темноты. Около часа мы ехали, не встречая на пути ничего, кроме трупов. Наконец мы прибыли в такое место, где, казалось, лес закончился. Но это оказалась лишь большая, полукруглой формы поляна. Посредине возвышался дом, довольно большой, окружённый домами поменьше – это был почтовый пункт. К несчастью, мы заметили, привязанных к деревьям лошадей. Какие-то всадники вышли из дома, построились на дороге, а затем ускакали. Их было восемь человек. Одетые в длинные плащи и в высоких касках с конскими хвостами, они походили на тех кирасир, с которыми мы дрались под Красным в ночь 15-го на 16-е ноября. К счастью для нас они направились в сторону, противоположную той, куда мы держали путь.

Мы вернулись в лес, но не смогли пройти и двадцати шагов. Здесь, похоже, никогда не ступала нога человека – так густо росли деревья, так много кустов и рухнувших от ветхости деревьев, занесённых снегом. Пришлось нам выйти и идти по опушке, постоянно рискуя, что нас могут заметить. Наш бедный конь то и дело увязал в снегу по самое брюхо. Уже почти совсем стемнело, а мы не прошли и половины намеченного пути. Мы свернули на дорогу, ведущую в лес, чтобы немного отдохнуть. Спешившись, первым делом мы пропустили по стаканчику водки. Мы уже пятый раз прикладывались к бутылке, и теперь уже было заметно, что количество водки в ней существенно уменьшилось.

Поскольку там, где мы шли, было много поваленных деревьев, мы решили пройти как можно дальше и расположиться возле груды упавших деревьев, которые могли послужить нам защитой. Пикар сбросил свой ранец, а я – котёл, и он сказал мне: «Теперь главное – огонь! Скорее дайте мне какую-нибудь тряпку!»

Моя старая рубашка оказалась именно тем, что надо. Я подал клочок Пикару, он скрутил из него фитиль, открыл полку своего ружья, насыпал туда немного пороху и, приложив фитиль, спустил курок. Фитиль вспыхнул, прогремел громкий выстрел. Эхо подхватило его, и я испугался, что мы обнаружили себя.

После сцены с пленными и рассказов офицера о судьбе Императора и армии, бедный Пикар изменился. Это повлияло на его характер, и временами он жаловался на сильную головную боль, говоря, что это вовсе не последствия пистолетной раны, а что-то другое, чего он не может объяснить. Вот и теперь он позабыл, что ружье было заряжено. После выстрела он молчал некоторое время, потом громко обругал себя «салагой» и «старым дураком». Где-то залаяли собаки, и Пикар заметил, что совершенно не удивится, если сейчас на нас начнут охоту. Я

попытался успокоить его, заметив, что в такой поздний час нам нечего бояться.

Через несколько минут у нас разгорелся прекрасный костёр, поскольку дерево оказалось сухим. Кроме того, мы сделали одно открытие, обрадовавшее нас – нашли кучу соломы, вероятно спрятанной крестьянами. Судьба, казалось, снова улыбалась нам, и Пикар сказал:

– Бодритесь, mon pays, вот мы и спасены, по крайней мере, на нынешнюю ночь! Что будет завтра – Бог ведает, а если нам посчастливится найти Императора, будет совсем хорошо!

Пикар, как и все старые солдаты, боготворил Императора и полагал, что если они с ним, у них все получится, и для них нет ничего невозможного. Мы устроили лошади хорошую подстилку из соломы, покормили её, но держали взнузданной и не снимали с неё чемодана, чтобы быть готовыми пуститься в путь в любой момент. Вытаскивая из котла кусок варёного мяса для разогрева, Пикар сказал мне:

– Знаете, я много думал о том, что сказал русский офицер.

– О чём вы? – спросил я.

– Да о том, будто Император в плену вместе со всей Гвардией! Ведь я отлично знаю, чёрт возьми, что этого нет и быть не может. А всё же, это у меня не выходит из головы! Просто не могу отогнать от себя этой мысли. Я успокоюсь только тогда, когда попаду в полк! А сейчас давайте есть, отдыхать, а потом, – сказал он с пикардийским акцентом, – «пропустим каплю»!

Погода улучшилась, стало немного теплее. Мы съели без особенного аппетита, кусок варёной конины. Пикар разговаривал сам с собой и ворчал:

– У меня сорок наполеондоров в поясе, да ещё семь русских золотых, не считая пятифранковых монет. И я все их готов отдать, лишь бы опять вернуться в полк.

– Кстати, – добавил он, – монеты у меня не в поясе, а зашиты в белом жилете, надетом на мне. Если со мной произойдёт беда, они ваши!

В таком случае, – сказал я, – я тоже хочу сделать завещание. У меня восемьсот франков – золотом и ассигнациями. Можете располагать ими, если Богу будет угодно, чтобы я погиб до возвращения в полк!

И тут я машинально сунул руку в маленькую холщовую сумку и вытащил из неё что-то твёрдое, похожее на кусок верёвки и длиною пальца в два. Рассмотрев хорошенько, я убедился, что это курительный табак. Какое счастье для моего бедного Пикара! Когда я ему подал свою находку, он уронил в снег своё мясо и немедленно принялся жевать табак, как он сказал, пока не найдёт

свою трубку. А так как на поиски нужно было больше времени, он удовольствовался жвачкой, а я скрутил себе папироску по-испански, из клочка бумаги.

Вот уже около двух часов, как мы находились на нашем бивуаке, а ещё и семи часов не было. И так, ещё часов одиннадцать-двенадцать нам нужно было выждать, прежде чем идти дальше. Пикар отлучился на минуту, и в тот момент, когда я менее всего этого ожидал, я услыхал шум в зарослях, с противоположной стороны. Я взял ружье и приготовился обороняться. Вдруг появился Пикар и, увидев меня в этой позе, сказал:

– Отлично, mon pays, превосходно.

При этом он с каким-то таинственным видом сделал мне знак, чтобы я молчал. Потом он прошептал, что только что на дороге видел двух женщин, одна несла свёрток, другая – ведро. Они остановились на некоторое время отдохнуть и поболтать.

– Мы проследим за ними, и, может быть, доберёмся до какой-нибудь деревни или сарая, где сможем укрыться от непогоды и неприятеля, – слышите, как лают эти чёртовы псы!

– Но, – возразил я, – там, наверняка, русские!

Он ответил, что надо рискнуть. И вот мы опять пошли наугад, в потёмках, среди леса, неизвестно куда, только по следам четырёх ног, отпечатавшихся на снегу. Вдруг следы исчезли. Поискав немного, мы опять нашли их и заметили, что они поворачивают направо. Это огорчило нас, ведь так мы отклонялись от пути на большую дорогу. Частенько следы пропадали, и тогда Пикар опускался на колени и искал их ощупью.

Пикар вёл лошадь под уздцы, а я держался за её хвост. Пройдя дальше, мы увидели две дороги, и обе были покрыты следами прошедших здесь людей. Мы остановились, не зная, какую из них выбрать. В конце концов, мы предоставили лошади идти вперёд, надеясь, что она направит нас. Наконец, Господь сжалился над нами, послышался лай собаки и мы увидели дом довольно обширных размеров. Представьте себе крышу какого-нибудь нашего амбара, поставленную на землю, и вы получите представление об этом доме. Три раза мы обошли его кругом, прежде чем отыскали дверь, скрытую под соломенным навесом, спускавшимся до самой земли. Пикар, забравшись под навес, нашёл ещё одну дверь и негромко постучал. Никто не отозвался. Второй раз – опять молчание. Тогда, думая, что там никого нет, он уже собрался выбить дверь прикладом. Вдруг послышался слабый голос, дверь отворилась и на пороге появилась старуха с горящей лучиной в руке. Увидев Пикара, она от страха уронила

её и убежала. Мой товарищ поднял лучину и шагнул шагов вперёд. Привязав лошадь, я пошёл за Пикаром, окутанным облаком дыма. В своём белом плаще он выглядел как кающийся грешник. Пикар нарушил тишину самыми любезными приветствиями на польском языке. Я повторил их. Наше приветствие услышали. К нам вышел старик и, увидев Пикара, воскликнул:

– А, французы, очень хорошо!

Он сказал это по-польски, потом повторил по-немецки. Мы рассказали им, что мы французы из Гвардии Наполеона. При имени Наполеона поляк низко поклонился нам. При слове «французы», повторенном также и старухой, из какого-то чулана вышли две молодые женщины и, улыбаясь, подошли к нам. Пикар узнал в них тех самых женщин, которых мы видели в лесу.

Не прошло и пяти минут нашего пребывания у этих добрых людей, а я уже задыхался от тепла хорошо протопленной комнаты, я так отвык от него. Я шагнул к двери и упал без сознания.

Пикар вскочил, чтобы мне помочь мне, но старуха с одной из дочек уже подняли меня и усадили на табуретку. Они сняли с меня котёл, медвежью шкуру, и уложили на устланную овчинами лавку. Женщины, по-видимому, жалели нас, видя, какие мы несчастные, в особенности я, такой молодой и пострадавший гораздо больше моего товарища. Страшная нужда привела меня в такое плачевное состояние, что на меня страшно было смотреть. Старик, тем временем, занялся нашей лошадью – вообще, они делали все, чтобы услужить нам. Пикар вспомнил о бутылке с можжевеловкой и заставил меня проглотить несколько капель, не прошло минуты, как я почувствовал себя значительно лучше.

Старуха стащила с меня сапоги, которых я не снимал с самого Смоленска, то есть, с десятого ноября, а теперь было двадцать третье. Одна из девушек принесла большое корыто с тёплой водой, поставила его передо мной, сама встала на колени и потихоньку, осторожно обмыла мне ноги, одну за другой, обратив моё внимание на то, что у меня на правой ноге рана. Это было место обморожения в 1807 году, в сражении при Эйлау, до сих пор эта рана не давала себя чувствовать, но теперь опять открылась и причиняла мне жестокие страдания.[55]

Другая девушка, по-видимому, постарше, оказала ту же услугу Пикару. Тот отнёсся к этому спокойно, хотя выглядел несколько смущённым. Я сказал ему, что сам Господь подсказал ему следовать за этими девушками.

– Правда, – согласился он, – но когда они проходили по лесу, я и представить себе не мог, что нас так примут. Я ещё не говорил

вам, что голова у меня адски болит, непрерывно. Уверен, что пуля этой собаки-казака наделала больше беды, чем я думал. Посмотрим.

Он развязал шнурки, подвязанные у него под подбородком и придерживавшие два куска овчины, которые защищали его уши от мороза. Как только он снял их, сразу же потекла кровь.

– Видите! – сказал он. – Впрочем, это пустяки. Простая царапина. Пуля только оцарапала голову.

Старый поляк поспешил снять с него амуницию, с которой он отвык расставаться, а также меховую шапку, в которой всегда спал. Та же девушка, что вымыла ему ноги, обмыла ему и голову. Все кругом суетились и всячески ухаживали за ним. Бедный Пикар очень растрогался от оказываемых ему услуг, он плакал, крупные слезы текли по его щекам. Понадобились ножницы, чтобы его подстричь. Я вспомнил про шкатулку хирурга, взятую мною у казака, и мы нашли в ней полный набор – двое ножниц, несколько хирургических инструментов, вату и бинты. Обрезав ему волосы, старуха высосала ему рану, оказавшуюся значительно серьёзнее, чем он думал. Затем Голову Пикара забинтовали. Мы нашли пулю застрявшей в тряпках, заполнявших дно его шапки. В левом крыле Императорского орла зияла дыра. Осматривая содержимое шапки, Пикар радостно вскрикнул – он нашёл свою трубку и тут же закурил.

Нам вымыли ноги, вытерли овчинами, а потом расстелили их, как коврики. Мою рану на ноге смазали какой-то мазью, от которой, как меня уверяли, она очень скоро заживёт. Мне показали, как ей пользоваться и завернули немного этой мази в тряпочку, я спрятал её в докторский набор. Мы почувствовали себя значительно лучше и благодарили за оказанные нам услуги. Поляк объяснил нам, что он очень расстроен, что не может сделать для нас большего, что всякий человек обязан принимать странников и обмывать ноги даже врагам, а ведь есть ещё и друзья. Внезапно старуха вскрикнула и бросилась бежать: оказывается, большая собака утащила мохнатую шапку Пикара. Её хотели наказать, но мы попросили, чтобы её помиловали. Я предложил Пикару осмотреть чемодан, прикреплённый к седлу лошади. Он внёс его в комнату и положил у печи. Первое, что мы нашли – это девять шёлковых платков. «В общем, так, – проговорил Пикар – отдадим по два платка нашим принцессам. Один – старухе, остальные оставим себе!» Эта первая раздача подарков состоялась тотчас, к великой радости одаренных. Далее мы нашли три пары офицерских эполет, трое серебряных часов, семь орденских крестов, две серебряных ложки, двадцать четыре позолоченные гусарские пуговицы, две коробки с бритвами, шесть

сторублёвок и испачканные кровью штаны. Я надеялся найти рубашку, но, к сожалению, её не было. А в ней я очень нуждался, ведь, согревшись, паразиты ожили и снова атаковали меня.

Девушки, вытаращив глаза, уставились на подарки – им не верилось, что это для них. Больше всего понравились им позолоченные пуговицы, которые мы и отдали им, а также золотые кольца, которые я сам надел им на пальцы. Та, что мыла мне ноги, заметила, что я отдал ей самое красивое. Очень вероятно, что казаки отрубали пальцы у трупов и снимали с них кольца.

Старику мы подарили большие английские часы и две бритвы, а также все русские мелкие деньги, на сумму около тридцати франков. Мы заметили, что он не спускает глаз с большого командорского креста с портретом Императора. Мы отдали ему этот крест. Его радости не было предела – несколько раз он подносил этот крест к губам и к сердцу. Наконец он повесил его себе на шею на ремешке и постарался объяснить нам, что только смерть сможет разлучить их.

Мы попросили хлеба. Нам принесли хлеб, сказав, что не решались предложить его раньше, настолько он плох. Действительно, мы не могли его есть. Он был из чёрного теста, полон ржаных и ячменных зёрен и рубленой соломы, царапавшей горло. Нам объяснили, что это русский хлеб: в трёх лье отсюда французы разбили русских сегодня утром и завладели большим обозом, а евреи, сообщившие это известие и бежавшие из деревень, лежавших по дороге в Минск, продали им этот несъедобный хлеб. Словом, хотя я уже с месяц не ел хлеба, но просто не смог есть этот хлеб. К тому же губы мои потрескались от мороза и кровоточили.

Заметив, что мы не в силах есть этот хлеб, они принесли нам кусок баранины, картофель, лук и солёные огурцы. Словом, отдали нам всё, что у них было, уверяя, что постараются изо всех сил достать для нас что-нибудь лучшее. А пока мы положили баранину в котёл, чтобы сварить суп. Старик рассказал нам, что в полулье отсюда есть деревня, куда бежали евреи со своими запасами, и он надеется, что у них для нас что-нибудь найдётся. Мы предложили ему денег. Поляк ответил, что вполне достаточно того, что мы уже дали ему и его дочерям, а одна из дочерей уже отправилась за покупками вместе с матерью и большой собакой.

Прямо на полу нам устроили постели из соломы и овчин. Пикар немедленно заснул, вскоре и я последовал его примеру. Мы проснулись от собачьего лая.

– Хорошо, – проговорил старый поляк, – вот и жена с дочерью вернулись.

Они принесли нам молока, немного картофеля и маленькую лепёшку из ржаной муки – всё это стоило очень дорого, что же касается водки – Nima![56]

Весь небольшой запас водки забрали русские. Мы поблагодарили этих добрых людей, преодолевших почти два лье по колено в снегу, глухой ночью, в лютый мороз, подвергаясь опасности быть растерзанными волками или медведями, которых очень много в литовских лесах. Мы сварили суп и с жадностью его уничтожили. Поев, я почувствовал себя гораздо лучше. Потом я задумался, подперев голову руками. Пикар полюбопытствовал, о чём я думаю.

– О том, – отвечал я, – что не будь вас со мною, старый товарищ, и не будь я связан честью и присягой, я охотно остался бы здесь, в лесу, с этими добрыми людьми.

– Пустяки, – отвечал он, – а мне приснился счастливый сон. Снилось мне, будто я в казарме, в Курбевуа, закусываю колбасой, купленной у «Матушки Кусочков», и пью сюренское вино.[57]

Пока Пикар говорил, я заметил, что он очень красен и часто подносит руку ко лбу. Я спросил его, не болит ли у него голова. Он отвечал, что болит, вероятно, от жары или оттого, что слишком заспался. Но мне показалось, что у него лихорадка. Его экскурсия в казармы Курбевуа подтверждала мои опасения.

– Хочу продолжить свой сон и опять повидаться с «Матушкой Кусочков», – сказал он. – Спокойной ночи!

Не прошло и двух минут, как он заснул.

Я тоже хотел поспать, но сон мой постоянно прерывался от сильных болей в ногах, утомлённых напряжённой ходьбой. Вдруг залаяла собака. Старик, сидевший на лавке у печки, встал и схватил пику, привязанную к сосновому столбу – опоре – единственное оружие в доме. Он направился к двери, за ним – его жена и я, – стараясь не разбудить Пикара, и захватив ружье со штыком. Мы услыхали, как кто-то пытается открыть дверь. Старик спросил, кто там. В ответ раздался гнусавый голос: «Это я, Самуил!» Тогда женщина сообщила мужу, что это еврей из той деревни, где она была сегодня. Увидев, что это сын Израиля, я вернулся на своё место, поспешив, однако, убрать разложенные вокруг все наши вещи, так как не доверял новому гостю. Я спокойно проспал два часа, пока Пикар не разбудил меня ужинать бараньим супом. Он всё ещё жаловался на сильную головную боль, рассказывал мне, что ему всё время снился Париж и Курбевуа и, уже позабыв о своём первом сне, рассказал, что танцевал у заставы Руль[58] и пил вино с гренадерами, погибшими позднее в битве при Эйлау.

Мы уселись ужинать, и еврей сразу же подал нам бутылку

водки, Пикар немедленно взял её, попробовал, и объявил, что это пойло ни к чёрту не годится. Действительно, это была скверная картофельная водка.

Мне пришло в голову, что еврей может пригодиться нам в роли проводника, у нас было чем его заинтересовать. Тотчас же я сообщил об этом Пикару, он одобрил такую идею, и уже собирался обратиться к еврею, как вдруг наша лошадь, отдыхавшая на соломе, испуганно вскочила, пытаясь оборвать привязь, а собака залилась лаем. В ту же минуту мы услыхали вой нескольких волков вокруг избы и у самой двери. Пикар схватил ружье, но наш хозяин объяснил ему, что выстрелы могут привлечь русских. Тогда Пикар взял в одну руку саблю, в другую пылающую сосновую лучину, отворил дверь и побежал на волков, которые тотчас разбежались. Минуту спустя он вернулся, сказав, что пробежка на свежем воздухе оказала ему большую услугу, и что его головная боль почти совсем прошла. Волки ещё раз возвращались, но мы уже больше не выходили отгонять их.

Как я и ожидал, еврей поинтересовался, есть ли у нас что-нибудь на продажу или для обмена. Я напомнил Пикару, что теперь самое время предложить ему проводить нас до Борисова или до первого французского поста. Я спросил еврея, далеко ли отсюда Березина. Он отвечал, что по большой дороге девять лье. Мы объяснили ему, что хотим добраться туда кратчайшим путём, и предложили ему проводить нас на следующих условиях – он получит за это три пары эполет и сторублёвую ассигнацию, все это стоит примерно пятьсот франков. Но я подчеркнул, что эполеты останутся у нашего хозяина и он передаст их ему после возвращения, а что касается сторублёвки, то я отдам её в месте нашего назначения, то есть на первой заставе французской армии. Выдача эполет должна состояться по предъявлении им шёлкового платка, который я тут же показал всем присутствующим. Платок предназначался младшей девушке, той, что вымыла мне ноги, а еврей согласился заплатить нашим хозяевам двадцать пять рублей. Еврей принял все условия, заметив, однако, что очень рискует, ведя нас не по большой дороге.

Наш хозяин посетовал, что будь он моложе лет на десять – он бы сам проводил нас, притом даром, и защищал бы нас от любых русских, встретившихся на пути. С этими словами, он покрутил в руках свою пику. Зато он дал столько инструкций еврею, касающихся дороги, что тот решился проводить нас, проверив, однако все вещи, касающиеся этого договора.

В путь мы пустились 24-го ноября, часов в девять утра. Вся польская семья долго стояла на пригорке, провожая нас и махая

руками.

Наш проводник шёл впереди, ведя под уздцы нашу лошадь. Пикар разговаривал сам с собой, иногда останавливался и упражнялся с ружьём. Вдруг я перестал слышать его шаги. Я оглянулся, и увидел, как он внезапно застыл на месте, а потом пошёл, чеканя шаг, как на параде. Внезапно он рявкнул:

– Да здравствует Император!

Я подбежал к нему, схватил его за руку и спросил:

– Пикар, что с вами?

Я боялся, что он сошёл с ума.

– Что такое? – отвечал он мне, точно очнувшись от сна. – Разве мы не на Императорском смотру?

Я был поражён, услыхав эти слова, и отвечал ему, что парад не сегодня, а завтра, а потом, взяв его за руку, заставил ускорить шаг, чтобы догнать еврея. Крупные слезы катились по щекам Пикара.

– Полно, – сказал я, – старый солдат и плачет?

– Дайте мне поплакать, – отвечал он, – мне легче будет. Мне грустно, и если завтра я не попаду в полк, со мной все кончено!

– Веселее, мы будем там сегодня же, или, самое позднее, завтра утром. Что же вы раскисаете как женщина!

– Правда, – согласился он, – и я не понимаю, как это со мной произошло. Спал я, или мне почудилось,… но теперь всё прошло.

– И, слава Богу, mon vieux. Это пустяки. То же самое раньше случалось и со мной. Но моё сердце снова наполнилось надеждой с тех пор, как я встретил вас.

Разговаривая, я замечал, что наш проводник временами останавливается и прислушивается.

Внезапно Пикар упал на снег, скомандовав нам резким голосом:

– Тихо!

– Ну, – подумал я, – кончено, мой старый товарищ совсем рехнулся! Что же со мной теперь будет!

Некоторое время я ошеломлённо смотрел на него. Затем он вскочил и крикнул снова:

– Vive l'Empereur! Слушайте! Пушки! Мы спасены!

– Неужели? – спросил я.

– Да, – продолжал он. – Прислушайтесь!

Действительно, где-то вдали гремели пушки.

– Ах! Отлегло от сердца, – сказал он, – Император не в плену, как уверял вчера проклятый эмигрант. Эта мысль так взбудоражила меня, что я готов был умереть от бешенства и огорчения. Но теперь мы пойдём в ту сторону – и будем в безопасности.

Еврей также уверял, что пушки гремят со стороны Березины. Словом, мой старый товарищ был в таком восторге, что запел:

«Air du Curé de Pomponne.

Les Autrichiens disaient tout bas;
Les Français vont vite en besogne
Prenez, tandis qu'ils n'y sont pas,
L'Alsace et la Bourgogne.
Ah! tu t'en souviendras, la-ri-ra,
Du depart de Boulogne» (bis)»[59]

«Песенка священника из Помпонна.

Австрийцы шепчут:
Скоро придут французы,
Захватим, пока их нет,
Эльзас и Бургундию.
О! Помнишь ли ты, ла-ри-ра,
Отъезд из Булони» (два раза)»

(перевод мой. – В.П.)

Через полчаса идти стало тяжелее. Наш проводник полагал, что он сбился с дороги. Пушки палили непрерывно, было около полудня. Внезапно звуки пушечных выстрелов прекратились. Поднялся ветер, повалил снег, да такой густой, что залеплял глаза, и несчастный сын Израиля отказался вести лошадь. Мы посоветовали ему сесть на неё верхом, что он и сделал. Я начал уставать и беспокоиться, но молчал, Пикар ругался вовсю, проклиная и пушки, которых больше не слышно, и ветер, заглушавший, по его мнению, их грохот. Тем временем, мы попали в такое место, где совершенно невозможно стало пройти, так близко друг к другу росли деревья. Ежеминутно мы спотыкались, падали или утопали в снегу. Наконец, к великому нашему огорчению, промучившись довольно долго, мы очутились опять на том же месте, откуда ушли час тому назад.

Мы остановились, выпили по глотку плохой водки, купленной у еврея, и стали совещаться. Было решено выбираться на большую дорогу. Я спросил у нашего проводника, может ли он, в том случае, если мы не сумеем выйти на большую дорогу, отвести нас обратно туда, где мы ночевали. Он отвечал утвердительно, прибавив, что для этого надо чем-нибудь

наметить дорогу. Пикар взялся срубать через определённое расстояние молодые деревца, берёзки или сосны, попадавшиеся по пути. Мы прошли около полулье по этой новой дороге, как вдруг набрели на какую-то избу. И очень кстати, силы наши совершенно иссякли. Мы решили сделать привал на полчаса, поесть и накормить лошадь. К счастью, в доме имелись сухие дрова и пара грубо сколоченных деревянных лавок, покрытых тремя овчинными тулупами, – их мы решили захватить с собой на тот случай, если опять придётся заночевать в лесу.

Мы согрелись и подкрепились куском конины. Наш проводник отказался присоединиться, но зато вытащил из-под своего плаща скверную лепёшку, выпеченную из смеси ячменной муки с соломой и умолял нас разделить её с ним. Он клялся нам Авраамом, что у него ничего больше нет, только она, да горсть орехов. Всё это мы поделили на четыре части – ему дали две, а себе по одной. Потом выпили по рюмочке скверной водки. Я предложил и еврею, но он отказался пить из моей чашки. Он сложил руку в горсть, и мы туда налили ему водки, которую он и выпил.

Еврей заметил, что до следующего жилья не менее часа ходьбы. Опасаясь идти в темноте, мы решили выступить немедленно. Идти было невероятно трудно, дорога сильно сузилась, однако Самуил, наш проводник, действительно обладавший выдержкой, успокоил нас, уверяя, что скоро дорога расширится.

Вдобавок всем нашим бедам опять повалил снег с такой силой, что совершенно засыпал дорогу. Наш проводник заплакал, со словами, что снова не знает, где мы находимся. Мы хотели было вернуться, но стало хуже – снег летел прямо в лицо, и нам ничего не оставалось делать, как спрятаться в маленьком сосняке и ждать, когда Богу будет угодно прекратить эту бурю. Так прошло ещё примерно полчаса. Мы уже начинали замерзать. Пикар то ругался, то, наоборот, начинал напевать свою песенку:

«Ah! tu t’en souviendras, la-ri-ra,
Du depart de Boulogne!»

«О! А помнишь ли ты, ла-ри-ра,
Отъезд из Булони!»

(перевод мой. – В.П.)

Еврей непрерывно повторял: «О, Боже! О, Боже!» Я же молчал,

меня мучили мрачные мысли. Не будь на мне медвежьей шкуры и раввинской шапки под кивером, мне кажется, я бы непременно замёрз.

Буря прекратилась, и мы попытались идти дальше, но после метели наступило полное затишье – мы потеряли возможность определить – где север, а где юг. Словом, окончательно заблудились. Мы продолжали наобум идти вперёд, однако, я заметил, что мы только кружим и возвращаемся на то же самое место.

Пикар продолжал ругаться, и на этот раз досталось еврею. Между тем, прошагав ещё некоторое время, мы очутились на каком-то поле, шагов четыреста в окружности. Здесь у нас воскресла надежда отыскать дорогу. Тем не менее, обойдя его несколько раз, дорогу мы всё– таки не нашли. Мы остановились и смотрели друг на друга – каждый ожидал услышать от товарища хоть какой-нибудь совет. Вдруг, Пикар, прислонив своё ружье к дереву и озираясь кругом, словно пытаясь что-то найти, обнажил саблю. Заметив это движение, несчастный еврей, вообразив, что ему пришёл конец, завопил и, бросив уздечку, кинулся бежать.

Но он не смог уйти, он упал на колени и молил Бога о спасении, обращаясь к Пикару, который вовсе и не думал причинить ему вред: он обнажил саблю лишь для того, чтобы срубить молодую берёзку и по ней определить, в какую сторону нам следует идти. Пикар срубил дерево, внимательно осмотрел оставшуюся в земле часть и спокойно сказал: «Вот куда надо идти! Кора дерева с этой стороны – с северной – немного побурела и сгнила, а с южной стороны она белая и хорошо сохранилась. Итак, идём на юг!»

Нельзя было терять ни минуты – больше всего мы боялись, что нас застигнет ночь. Мы пошли вперёд, постоянно следя за выбранным направлением.

Еврей, ехавший впереди, вдруг вскрикнул, и мы увидали, что он лежит на земле. Он упал с лошади, попытавшись проехать между двумя близко растущими деревьями. Бедная cognia[60] застряла и не могла идти ни вперёд, ни назад. Мы помогли еврею встать, а потом освободили лошадь.

Я был разозлён этой напрасной потерей времени, и охотно бросил бы лошадь, если бы через полчаса мы не вышли на довольно широкую дорогу. Еврей сказал, что это та дорога, с которой мы сбились, поскольку он узнал её по ульям, висевшим на деревьях, – к сожалению, слишком высоко, чтобы до них добраться.[61]

Пикар, взглянув на часы, убедился, что уже около четырёх. Надо было поторапливаться. Перед нами расстилалось обширное,

покрытое льдом озеро: наш проводник знал его. Мы переправились через озеро без затруднений и, повернув налево, продолжали путь. Вдруг мы увидели впереди четверых, которые, заметив нас, тотчас остановились. Мы приготовились защищаться, но вскоре стало ясно, что незнакомцы боятся нас больше, чем мы их. Немного посовещавшись, они подошли к нам и поздоровались. То были евреи, знакомые нашего проводника. Они были из деревни, находившейся недалеко от большой дороги. Когда деревню заняли французские войска, евреям пришлось уйти, поскольку все их запасы закончились, а в деревне не осталось ни одного пригодного для жилья дома. Мы с удовольствием узнали, что находимся лишь в двух лье от французской армии, но нас уговаривали дальше сегодня не идти, чтобы не сбиться с пути. Нам посоветовали заночевать в первом же доме, до которого было уже совсем недалеко. Пожелав нам доброй ночи, евреи ушли. Мы продолжали путь, почти совсем стемнело, но тут, к счастью, мы достигли места ночёвки. Нашлось много соломы и дров. Тотчас же мы развели яркий огонь в глиняной печи, а так как для варки супа потребовалось бы слишком много времени, мы ограничились жареным мясом и ради безопасности решили караулить по очереди, по два часа, с заряженным ружьём.

Не могу точно сказать, сколько времени я спал, но меня разбудил храп лошади, испугавшейся воя осадивших избу волков. Пикар взял палку, привязал к концу его большую охапку соломы и несколько кусочков смолистого дерева, зажёг этот импровизированный факел, и кинулся на зверей, держа его в одной руке, а в другой саблю – и разогнал их всех. Он вернулся в избу, гордясь своей победой. Но едва он улёгся, как волки вернулись и с удвоенной яростью атаковали наш дом. Тогда, взяв большую пылающую головню, он кинул её на десяток шагов. А потом приказал еврею принести ещё дров для поддержания костра. После этого волки ушли, и мы уже не слышали их завываний.

Около четырёх утра Пикар разбудил меня, сделав мне приятный сюрприз. Не сказав мне ни слова, он сварил суп из муки и овсянки, и ещё поджарил лучший кусок конины. Мы съели все это с большим аппетитом. Пикар выделил долю и еврею, позаботились мы также и о нашей лошади. В избе нашлось несколько больших деревянных корыт, мы наполнили их снегом и растопили его. Чтобы очистить воду, мы положили в неё куски угля. Эту воду мы пили, готовили из неё суп, поили нашу лошадь, которая мучилась от жажды со вчерашнего дня. Поправив хорошенько нашу обувь, я взял уголёк и сделал на доске

крупными буквами следующую надпись: «Двое гренадеров Гвардии Императора Наполеона, заблудившиеся в этом лесу, провели здесь ночь с 24-го на 25-е ноября 1812 года. Накануне их приютила в своём доме гостеприимная польская семья». И подписался.

Едва мы прошли шагов пятьдесят, как наша лошадь упёрлась, отказываясь идти дальше. Проводник сообщил нам, что видит нечто на дороге – это были двое волков. Пикар выстрелил. Звери разбежались, а мы продолжали идти. Через полчаса мы были уже в безопасности.

Первое, что мы обнаружили – это бивуак: там собралось человек двенадцать немецких солдат, входивших в состав нашей армии. Мы остановились возле костра, чтобы узнать новости. Они смотрели на нас, не отвечая, потом стали совещаться между собой. Выглядели они просто ужасно. Тут же лежало трое покойников. Так как наш проводник добросовестно выполнил свою задачу, мы отдали ему всё обещанное и, попросив его ещё раз поблагодарить от нашего имени гостеприимных поляков, распрощались с ним, пожелав ему счастливого пути. Еврей быстро зашагал и исчез.

Мы собрались выйти на большую дорогу, до которой было лишь минут десять ходьбы, но внезапно нас окружили пятеро немецких солдат, требуя, чтобы мы отдали им лошадь, а взамен обещали поделиться с нами её мясом. Двое уже схватили её за уздечку, тогда раздражённый Пикар на ломаном немецком ответил им, что если они не отпустят уздечку, то он раскроит им головы. Немцы его не послушались. Пикар повторил свои слова, ответа не было. Тогда он так врезал тем двоим, что держали уздечку, что они рухнули в снег. Он передал мне поводья и сказал: «Ну-ка подходите, если желаете получить!» Но, никто из солдат не сдвинулся с места. Пикар вытащил из котла три куска мяса и отдал им. Те немцы, что до сих пор просто лежали, тотчас вскочили, чтобы получить свою долю. Я видел – они умирают от голода и, в качестве извинения за грубое поведение, я отдал им ещё один кусок варёного мяса, весивший около трёх фунтов. Немцы жадно накинулись на мясо, а мы продолжали путь. Пройдя немного дальше, мы набрели на два почти угасших костра, около которых сидели несколько человек, и лежало столько же мертвецов. Двое заговорили с нами, один из солдат крикнул:

– Товарищи, вы собираетесь убить эту лошадь? Я прошу только немного крови!

Мы не отвечали. Выйдя на дорогу, я громко сказал Пикару: «Теперь мы спасены!» Кто-то, стоявший рядом, завёрнутый в полуобгоревший плащ, проговорил, возвысив голос: «Пока ещё

нет!» И отошёл, пожимая плечами. Очевидно, он лучше нас знал, как обстоят дела.

Немного погодя, мы увидали отряд, человек в тридцать, состоявший из сапёров и понтонёров.

Я узнал в них тех самых, которых мы встретили в Орше, где они стояли гарнизоном.[62] Этот отряд, руководимый тремя офицерами и присоединившийся к армии всего четыре дня тому назад, ещё не пострадал от голода и лишений. Они бодро шли к Березине. Я обратился к офицеру с вопросом, где найти Императорскую Гвардию. Он отвечал, что она ещё позади, но скоро начнётся движение, и мы увидим голову колонны. Он посоветовал нам поберечь свою лошадь – есть приказ Императора забирать всех лошадей для нужд артиллерии и обоза с ранеными. И потому до появления колонны мы спрятали лошадь в лесу.

Не сумею описать всех бедствий, всех страданий, всех раздирающих душу сцен, какие я имел случай наблюдать и в каких участвовал сам. Все они оставили во мне страшные, неизгладимые воспоминания.

Настало 25-е ноября, было часов семь утра, и ещё не совсем рассвело. Я сидел, задумавшись, но тут вдали показалась колонна. Первые, кого мы увидели, были генералы. Некоторые ехали верхом, но большинство шли пешком, как и многие другие офицеры – это были сформированные 22-го ноября из остатков армии «Священный Эскадрон» и «Священный Батальон». Прошло всего три дня, а от них тоже почти ничего не осталось. Они плелись с трудом, почти у всех были отморожены ноги, обмотанные тряпьём или кусками овчины, все страдали от голода. Прошли остатки кавалерии Гвардии. Затем шёл Император, опираясь на палку. Он был закутан в длинный плащ, подбитый мехом, а на голове у него была бархатная, темно-красного цвета, шапка, отороченная мехом черно-бурой лисицы. Справа от него шёл Мюрат, слева – принц Евгений – вице-король Италии. Далее шли маршалы: Бертье, принц Невшательский – Ней, Мортье, Лефевр, другие маршалы и генералы, чьи корпуса практически перестали существовать.

Миновав нас, Император сел на коня, как и часть сопровождавшей его свиты, у большинства генералов уже не было лошадей. За Императорской группой следовали семь или восемь сотен офицеров и унтер-офицеров, двигавшихся в полном молчании, неся значки полков, к которым они принадлежали, которые столько раз участвовали в победоносных сражениях. Это все, что осталось от шестидесятитысячной армии.

Далее шла пешая Императорская Гвардия строем, поддерживая образцовый порядок. Впереди шли егеря. Бедный

Пикар, который в течение месяца не видел армии, молчал, глядя на них, но легко можно было догадаться, что происходит в его душе. Несколько раз он стучал прикладом ружья о землю и бил себя кулаками в грудь. Крупные слезы катились по его щекам и тонули в обледеневших усах.

Повернувшись ко мне, он промолвил:

– Не знаю, mon pays, правда ли это, или сон. Не могу сдержать слез, видя, что Император идёт пешком, опираясь на палку – он, этот великий человек, которым все мы так гордимся!

– А вы заметили, как он взглянул на нас? – продолжал Пикар.

Действительно, проходя мимо, Император повернул голову в нашу сторону. Он взглянул на нас так, как всегда глядел на солдат своей Гвардии, когда встречал их, будучи один. А тут в эту злополучную минуту, он, вероятно, желал своим взглядом внушить нам мужество и уверенность. Пикар уверял, будто Император узнал его – весьма возможно. Мой старый товарищ, из опасения показаться смешным, снял свой белый плащ и нёс его, перебросив через левую руку. Хотя голова его всё ещё болела, но он всё-таки надел свою мохнатую шапку, не желая показываться на людях в овчинной шапке, подаренной ему крестьянином-поляком. Бедный Пикар забыл о своих несчастьях и думал только об Императоре и товарищах, которых ему страстно хотелось увидеть.

Наконец показались старые гренадеры. Это был 1-й полк, а Пикар принадлежал ко 2-му. Скоро мы увидели и его, потому что колонна первого была не очень длинна, в нём не хватало, по крайней мере, половины солдат и офицеров. Увидев свой батальон, Пикар выступил вперёд, чтобы занять в нем своё место. Кто-то воскликнул:

– Смотрите, это же Пикар!

– Да, отвечал Пикар, – это я, и теперь не покину вас до самой смерти!

Рота немедленно окружила его (ради лошади, разумеется). Я ещё некоторое время шёл за Пикаром, чтобы получить свой кусок конины, если убьют лошадь, но тут раздался крик:

– Лошадь принадлежит роте, как и её солдат!

– Это, правда, – возразил Пикар, – что я принадлежу роте, но сержант, который убил её хозяина – первый по праву.

– Отлично, в таком случае, – сказал один сержант, знавший меня, – он тоже получит свою долю.

Этот сержант исполнял должность погибшего накануне сержанта-майора.

Колонна остановилась, офицер спросил Пикара, откуда он взялся и как он очутился впереди, ведь все те, кто сопровождали

обоз, вернулись ещё три дня тому назад. Привал продолжался довольно долго, и Пикар рассказал обо всех своих приключениях, поминутно прерывая свою речь, чтобы осведомиться о многих товарищах, которых не находил в рядах – все они погибли. Он не решался спросить об одном из своих лучших друзей, в то же время и земляке. Наконец он всё-таки спросил:

– А где же Ружо?

– В Красном, – отвечал барабанщик.

– А, понимаю!

– Да, – подтвердил барабанщик, – он умер, гранатой ему оторвало обе ноги. Расставаясь с нами, он назначил вас своим душеприказчиком: он поручил мне передать вам свой крест, часы, кожаный мешочек с деньгами и другие вещи. Он велел всё это передать своей матери, а если вам не удастся вернуться во Францию, он просил вас поручить кому-нибудь другому исполнить его просьбу.

И тут же, перед всей ротой, барабанщик, которого звали Патрик, вытащил из ранца все названные вещи, сказав Пикару:

– Вручаю их вам в том виде, в каком получил из его рук. Ружо сам вынул их из своего ранца, который мы снова подложили ему под голову. Минуту спустя он скончался.

– Если мне повезёт, и я вернусь на родину, – ответил Пикар, – я исполню последнюю волю моего товарища.

Колонна пошла дальше, я попрощался с Пикаром, обещав встретиться с ним вечером на бивуаке.

Я стоял у дороги и ждал появления своего полка – мне сказали, что он в арьергарде.

За гренадерами шло более тридцати тысяч войска, почти все с отмороженными руками и ногами, большинство без оружия, так как они всё равно не могли бы им пользоваться. Многие опирались на палки. Генералы и полковники, офицеры и солдаты, кавалеристы и пехотинцы всех национальностей – все шли вперемешку, закутанные в плащи, обгорелые и дырявые шубы, в куски разных тканей, в овчины, словом – во что попало, лишь бы хоть как-нибудь защититься от холода. Молча, без стонов и жалоб, стараясь быть готовыми отразить внезапную атаку врага. Присутствие Императора воодушевляло нас и внушало уверенность – он всегда умел находить способ, чтобы спасти нас. Это был всё тот же великий гений, и как бы мы ни были несчастны, всюду с ним мы были уверены в победе.

Я почти час ждал, пока пройдёт вся колонна. Далее появилась длинная цепочка ещё более жалких оборванцев, машинально идущих за своим полком. Сюда они дошли, но им не суждено было перейти через Березину, от которой мы были так близко.

Минуту спустя я увидал остатки Молодой Гвардии, стрелков, фланкеров, и нескольких уцелевших после Красного вольтижёров. Хотя там были солдаты из разных полков, но, всё-таки, они шли строем. За ними следовала артиллерия и несколько фургонов. Основная часть артиллерии, под командованием генерала Негрэ, прошла раньше. Вскоре показалась колонна фузилеров – егерей. Их стало ещё меньше. Потом прошло несколько пушек, которые с трудом тащили измученные лошади. Минуту спустя, наконец, я увидел свой полк, идущий двумя колоннами по обочинам дороги, чтобы присоединиться к фузилерам – егерям. Адъютант – майор Рустан, первый увидел меня и закричал:

– Вы ли это, мой бедный Бургонь? Вас считали мёртвым и отставшим, а вы живы и впереди! Вот здорово! Не встречали ли вы ещё кого-нибудь из нашего полка?

Я отвечал, что последние трое суток я брёл по лесу, чтобы не попасть в плен к русским. Серрарис доложил полковнику о том, где я был после 22-го ноября, и тот крайне удивился, что я остался жив. Наконец подошла моя рота, я занял своё место в строю, а мои товарищи даже не заметили этого.[63]

Когда же, наконец, они заметили меня, они окружили меня, засыпали массой вопросов, на которые я не в силах был отвечать, так я растрогался, очутившись среди них, точно вернулся в свою родную семью! Они говорили мне, что не понимают, как я мог отстать от них, и что этого не случилось бы, если б они вовремя заметили, что я болен и не могу идти в том же темпе, что и они. Осмотрев роту, я увидал, что она стала ещё меньше. Капитан пропал. Он потерял все пальцы на ногах, и в данный момент никто не знал, где он, хотя его лошадь нашли. Двое моих друзей, видя, что я еле держусь на ногах, взяли меня под руки.[64]

Мы присоединились к фузилёрам – егерям. Я не помню, чтобы когда-нибудь в жизни мне так сильно хотелось спать, но делать нечего, надо было идти. Мои друзья убеждали меня подремать немного, пока они ведут меня под руки, и мы делали это по очереди, так как их тоже клонило ко сну. Несколько раз нам случалось останавливаться, причём все трое в тот момент спали. К счастью, в этот день было не очень холодно, иначе наш сон неминуемо перешёл бы в смерть.

В ночь с 25-го на 26-е ноября мы пришли в Борисов. Император остановился в усадьбе, расположенной справа от дороги, а Гвардия расположилась рядом. Наш командир, генерал Роге, поселился в приусадебной теплице. Я и мои друзья поселились за ней. Ночью резко ударил мороз. На следующий день, 26-го ноября, мы заняли позицию на берегу Березины. Император с утра переехал в Студянку, маленькую деревню на

холме у реки.

Прибыв на берег, мы увидали, что храбрые понтонёры заняты сооружением мостов для переправы. Всю ночь они проработали по плечи в воде, среди льдин, подбадриваемые своим командиром.[65] Они жертвовали своей жизнью для спасения армии. Один из моих приятелей уверял, что видел, как сам Император подносил им вино.

В два часа пополудни первый мост был готов. Его строительство шло очень трудно и мучительно – сваи постоянно увязали в глубоком слое ила. Первым переправился корпус маршала Удино, чтобы сдержать русских, если бы они атаковали нас при переправе. Ещё раньше, до готовности первого моста, через реку вплавь переправилась кавалерия 2-го корпуса – каждый всадник на крупе лошади вёз ещё пехотинца. Второй мост – для артиллерии и кавалерии, был окончен к четырём часам.[66]

Через некоторое время после нашего прибытия на берег Березины я улёгся, завернувшись в медвежью шкуру, меня знобило. Приступ лихорадки продолжался долго – в бреду мне казалось, что я дома, рядом отец, и я угощаюсь картофелем, лепёшкой по-фламандски и пью пиво. Не знаю, сколько времени я пробыл в таком состоянии, но помню, что кто-то из моих друзей принёс мне очень горячего бульона, который я жадно и с удовольствием выпил. Несмотря на холод, я сильно вспотел – несомненно, от бульона. Кроме медвежьей шкуры я был накрыт водонепроницаемой тканью, которую мои друзья содрали с одного из фургонов. Остаток ночи прошёл спокойно.

Утром 27-го ноября, мне стало лучше, но я сильно ослабел. В этот день Император перешёл через Березину с частью Гвардии и, приблизительно, с тысячей солдат корпуса маршала Нея. Наш полк пока оставался на этом берегу. Я услышал, что кто-то зовёт меня по имени, оглянулся и узнал Пеньо, Начальника Императорской почты. Найдя мой полк, он спрашивал обо мне. Ему сообщили, что я болен. Он пришёл не для того, чтобы оказать мне помощь – у него у самого ничего не было – а чтобы подбодрить меня. Я поблагодарил его за участие, прибавив, что мне, кажется, не суждено ни переправиться через Березину, ни увидеть Францию, но если ему больше повезёт, я прошу его рассказать моим родным, в каком печальном положении он меня видел. Пеньо предлагал мне денег, но я отказался. У меня было восемьсот франков, и всю эту сумму я охотно отдал бы за ту лепёшку, и за тот картофель, которым я угощался у себя дома, в своём сне.

Перед расставанием Пеньо показал мне дом, где жил Император, добавив, что раньше там размещался мучной склад.

Но, к несчастью, русские всё оттуда вынесли, так что ему нечего мне предложить. Затем, Пеньо пожал мне руку и зашагал по мосту.

Через некоторое время после его ухода я вспомнил, что он говорил что-то о муке в доме, где ночевал Император, и хотя я страшно ослаб, кое-как побрёл туда. Император совсем недавно покинул этот дом, а все двери в нем уже поснимали. Дом состоял из нескольких комнат, я осмотрел их. По всем признакам было ясно, что тут хранили муку. В одной из комнат между досками пола я заметил широкие щели – более пуса. Я уселся на пол и остриём сабли принялся выковыривать остатки просыпавшейся муки, перемешанной с землёй, и тщательно собирать её в платок. Через час я собрал, по крайней мере, фунта два, причём примерно, восьмая часть состояла из смеси земли, соломы и опилок. Не беда! Я был так счастлив! Направляясь в сторону нашего бивуака, я увидел костёр, вокруг которого грелось несколько солдат Гвардии. С ними сидел один из наших полковых музыкантов, к его ранцу была привязана оловянная миска. Я поманил его к себе, но поскольку тот не очень-то хотел покидать своё место, я показал ему свой узелок, давая понять, что тут что-то есть. Он с трудом встал, подошёл ко мне, и я тихо сказал ему, что если он одолжит мне свою миску, я напеку лепёшек и поделюсь с ним. Он немедленно согласился. Костров вокруг было много, мы выбрали самый дальний. Я замесил тесто и испёк четыре лепёшки. Две я отдал музыканту, а потом мы вернулись в полк. Там я поделился с теми товарищами, которые помогали мне идти, а поскольку лепёшки были ещё горячие, то все единодушно признали их очень вкусными. Запив нашу трапезу мутной водой Березины, мы продолжали сидеть и греться у костра в ожидании приказа переходить реку.

Один из солдат нашей роты, тоже сидевший у этого костра, надел свой парадный мундир! Я спросил его, зачем? Вместо ответа солдат расхохотался. Этот человек был болен, его смех был смехом смерти. В ту же ночь он умер.

Немного подальше сидел старый солдат с двумя нашивками, это означало, что он прослужил пятнадцать лет. Его жена была маркитанткой. Они потеряли все – повозки, лошадей, багаж и двоих детей, погибших в снегу. У бедной женщины оставалось только её отчаяние и умирающий муж. Несчастная, ещё не старая женщина, сидела на снегу, держа на коленях голову своего умирающего мужа. Она не плакала, её горе было слишком глубоко. Позади, прислонясь к её плечу, стояла девочка лет тринадцати, их единственный, оставшийся в живых ребёнок. Бедняжка громко рыдала, её слезы капали и превращались в

льдинки на холодном лице её отца. Она была одета в солдатский плащ, накинутый поверх рваного платья. Сверху на ней был ещё тулуп, чтобы спастись от холода.[67] Из их полка в живых не осталось никого, кто мог бы их поддержать и утешить. Мы сделали для них всё возможное при подобных обстоятельствах, но я так и не узнал, удалось ли им спастись. Впрочем, куда ни глянь, подобные сцены можно было наблюдать повсюду. Повозки и фургоны подвозили нам сухое дерево, чтобы поддержать огонь, мы не отказывались от этой возможности. Друзья принялись расспрашивать меня, как я провёл те три дня, пока отсутствовал. А потом они рассказали мне, что 23-го ноября, когда они шли по лесной дороге, им встретился 9-й корпус, марширующий строем по обочине, и кричавший: «Да здравствует Император?» Они пять месяцев не видели Императора. Этот армейский корпус, почти не пострадавший и никогда не терпевший недостатка в продовольствии, был поражён нашим жалким видом, а мы удивлялись, видя, как бодры его солдаты.

Они не могли поверить, что мы и есть армия, взявшая Москву, та самая армия, которую они видели такой блестящей, такой многочисленной, а теперь – жалкой и оборванной!

2-го корпуса маршала Удино, 9-го корпуса маршала Виктора, герцога Беллунского, и Польского, под командованием генерала Домбровского в Москве не было – они стояли в Литве на квартирах, но в последнее время сражались с русскими, отражали их атаки и брали богатую добычу. Однако при отступлении русские сожгли мост, – единственный, существовавший через Березину, и мы оказались заблокированными между двумя лесами и болотом. Здесь находились солдаты разных национальностей – французы и итальянцы, испанцы и португальцы, хорваты и немцы, поляки, румыны, неаполитанцы и даже, пруссаки. Я видел как мужчины-маркитанты, видя, в каком отчаянном положении оказались их жены и дети, плакали навзрыд. Отмечали, кстати, что мужчины оказались менее выносливы к страданиям, и нравственным, и физическим, чем их жены. Я видел женщин, с изумительной стойкостью переживавших все беды и лишения. Некоторые из них даже стыдили мужчин, не умевших мужественно и с достоинством переносить выпавшие на их долю жестокие испытания. Из таких женщин погибли очень немногие, разве что утонувшие в Березине, или раздавленные толпой.

С наступлением ночи воцарились покой и тишина. Каждый удалился на свой бивуак и, странное дело, никто больше не изъявлял желания перейти через реку – просто удивительно! Всю ночь с 27-го на 28-е ноября мост пустовал. У нас был хороший

костёр, и я спокойно заснул, но посреди ночи меня опять начало лихорадить, я бредил. Проснулся от звуков ружейной стрельбы около семи часов утра. Я встал, взял своё ружье и, никому не сказав ни слова, подошёл к мосту и спокойно перешёл по нему. Я не встретил ни души, кроме понтонёров, ночевавших на обоих берегах, чтобы в случае необходимости выполнить ремонтные работы.

Очутившись на той стороне, я увидал справа большой дощатый сарай. Там ночевал Император, и в тот день он все ещё находился там. Меня бил лихорадочный озноб, и я подошёл погреться у костра, вокруг которого сидели офицеры, занятые изучением карты, но меня приняли так недружелюбно, что пришлось уйти. Тут ко мне подошёл солдат из нашего полка и сообщил, что наш полк только что переправился и расположился в боевом порядке во второй линии, позади корпуса маршала Удино. Когда загремели пушки и вокруг меня посыпались ядра – вот тогда я решил присоединиться к полку. Рассудив, что лучше умереть от пули, чем от холода и голода, я направился в сторону леса. По дороге я встретил нашего капрала. Он шёл с большим трудом. Вместе, поддерживая друг друга, мы добрались до полка. Здесь был костёр, капрал весь трясся от лихорадки, я подвёл его к огню. Но едва мы устроились, как просвистело ядро, попало моему несчастному товарищу прямо в грудь и сразило его наповал. Я не смог сдержать слез: «Бедный Марселен! Тебе хорошо теперь!» В ту же минуту пронёсся слух, что ранен маршал Удино.

Увидев, что убит один из солдат, полковник подошёл к костру и, заметив, что я совсем болен, приказал мне вернуться обратно к мосту, подождать там всех отставших людей, собрать их и привести в полк. Когда я подошёл к мосту, там уже царила сумятица. Те, кто, не воспользовались ночью для переправы, теперь, услышав пушки, в панике кинулись к берегам Березины.

Ко мне подошёл ротный капрал, по прозвищу «Толстый Жан», парижанин, и со слезами спросил меня, не видел ли я его брата. Я ответил, что нет. Тогда он рассказал мне, что от самой битвы под Красным он не расставался со своим больным братом, но вот только сегодня, по роковой случайности они расстались. Думая, что брат впереди, он всюду искал его и спрашивал о нём у товарищей. Не найдя его в полку, он теперь намерен вернуться через мост назад – ему необходимо найти брата любой ценой, даже рискуя собственной жизнью. Желая отвлечь его от рокового решения, я убеждал его остаться со мной у начала моста, где мы, наверняка, встретим его брата, если он появится. Но бедняга сбросил с себя ружье и ранец со словами, что дарит его мне, так

как мой ранец утерян, а что касается ружья, то на той стороне в них нет недостатка. Он собрался уже идти, но я остановил его. Мост завален мёртвыми и умирающими, упавшие мешают другим переправляться, хватают их за ноги и вместе с ними падают в Березину, чтобы вынырнуть между льдин, затем исчезнуть совсем и очистить место другим. Но «Толстый Жан» не слышал меня. Глядя на эту ужасную картину, ему чудилось, что он видит на мосту своего брата, изо всех сил пытающегося пройти через толпу. Тогда, ослеплённый отчаянием, он бросился к грудам трупов людей и лошадей, загораживших вход на мост,[68] и полез дальше. Передние отталкивают его назад, но «Толстый Жан» силен и настойчив. Наконец, он пробрался к тому несчастному, которого принимал за своего брата, но, увы! это не он. Я наблюдал за всеми его движениями. Заметив свою ошибку, «Толстый Жан» с удвоенной энергией пытался достичь другого берега, но у самого края моста его сбили с ног и едва не сбросили в воду. Его топтали ногами, шагали по его животу и голове, но ничто не могло его остановить. Он собрался с силами и поднялся, ухватив за ногу одного кирасира, а тот в свою очередь, чтобы устоять, схватил за руку другого солдата. Но кирасир запутался в своём длинном плаще, споткнулся, и упал в Березину, увлекая за собой «Толстого Жана» и того солдата, за которого он ухватился. Они утонули, пополнив собой множество погибших на мосту и на обоих его концах.

Кирасир и солдат исчезли среди льдин, но «Толстому Жану» повезло – он ухватился за опору моста, возле которой лежала мёртвая лошадь. Стоя на коленях на спине лошади он долго просил и умолял о помощи, но его не слушали. Наконец сапёры бросили ему верёвку, он ловко поймал её и обвязал вокруг туловища. Наконец, при поддержке солдат, пробираясь по трупам и льдинам, «Толстый Жан» достиг другого берега. Больше я не встречал его, но на следующий день узнал, что «Толстый Жан» нашёл своего брата, но застал его уже при смерти, да и сам находился в тяжелейшем состоянии. Так погибли оба эти бедных брата, а также и третий, служивший во 2-м Уланском полку. Вернувшись в Париж, я встречался с их родителями, приходившим ко мне узнать что-нибудь о своих детях. Я оставил в них луч надежды, сказав, что они попали в плен, но сам был твердо уверен, что их уже нет в живых.

Тем временем гренадеры Гвардии в сопровождении офицера обходили бивуаки и просили сухих дров, чтобы развести костёр для Императора. Каждый поспешил отдать всё лучшее, что у него было, даже умирающие – и те приподнимались и говорили: «Вот, берите – все это для Императора!» Было часов десять, второй

мост, предназначенный для кавалерии и артиллерии, рухнул под тяжестью пушек, в ту минуту, когда на нём находилось много людей – большинство из них погибло. Паника усилилась, все бросились к первому мосту, войти на который теперь стало просто невозможно. Люди, лошади, повозки, маркитанты с жёнами и детьми – всё смешалось в беспорядочную массу, несмотря на крики маршала Лефевра, стоявшего у входа на мост, и пытавшегося установить порядок. Дольше он оставаться не мог. Его подхватил людской поток и, чтобы не быть раздавленным, Лефевру пришлось перейти реку. Мне удалось уже собрать пятерых из нашего полка, трое из них в этой сумятице лишились своих ружей, и я приказал им развести костёр. Я постоянно внимательно наблюдал за мостом, и увидел человека, закутанного в белый плащ. Подталкиваемый толпой, он споткнулся, упал на мёртвую лошадь, с большим трудом поднялся снова, но вскоре упал у самого нашего костра. Некоторое время он так и лежал, думая, что он умер, мы хотели убрать его в сторону и снять с него плащ, но он поднял голову и узнал меня. Это был оружейник нашего полка. Он грустно сказал мне:

– Ах, сержант, какое несчастье! Я всё потерял – лошадей, повозку – абсолютно все! У меня оставался ещё мул, приведённый мной из Испании, но и его пришлось бросить! Меня буквально на руках перенесли по мосту, но я чуть не погиб.

Я возразил ему, что он может считать себя счастливчиком и благодарить Бога, если ему удастся живым вернуться во Францию.

У нашего костра собралась такая толпа, что нам пришлось оставить его и развести ещё один в нескольких шагах от первого. Беспорядок всё возрастал, но стало ещё хуже, когда маршала Виктора атаковали русские – бомбы и ядра посыпались в толпу. К довершению беды, повалил снег с холодным ветром. Так продолжалось весь день и всю ночь. По Березине плыли трупы людей и лошадей, поскольку многие из застрявшие повозок, нагруженных ранеными, были сброшены в реку. Между 8 и 9-ю часами маршал Виктор начал отступление. Ему и его солдатам пришлось идти по горам трупов, устилавших мост. В ночь с 28-го на 29-е ноября каждый из несчастных беглецов имел возможность перейти на другой берег, но они настолько обессилели от холода, что остались у костров, намеренно сложенных из брошенных телег и повозок, чтобы заставить людей перейти через реку.

Я остался с 17-ю людьми полка и сержантом Росьером. Его вёл один из солдат полка. Росьер почти ослеп, его трясла лихорадка.[69] Из сострадания и желания помочь, я одолжил ему

свою медвежью шкуру. Всю ночь шёл сильный снег, и он полностью забился в медвежий мех. Потом снег растаял от тепла костра, и шкура подсохла. Утром, когда я взял её, она оказалась до того жёсткой, что носить её уже было нельзя. Её можно было бы просто выбросить, но, желая извлечь из неё пользу до конца, я прикрыл ею одного из умирающих. Ночь прошла ужасно. Императорская Гвардия потеряла очень многих. Наконец, настало утро 29-го ноября. Я отправился опять к мосту посмотреть, нет ли ещё кого-нибудь из нашего полка. Несчастные, не захотевшие ночью воспользоваться шансом на спасение, утром, когда рассвело, кинулись на мост, но было поздно – мост уже подготовили к сожжению. Многие бросались прямо в реку, надеясь, что им удастся переправиться, но никому из них это не удалось. Я сам видел людей, погруженных по плечи в воду, с побагровевшими лицами, и все они погибли. На мосту я увидал одного маркитанта, нёсшего ребёнка на голове. Его жена, рыдая, шла впереди. Смотреть на всё это было выше моих сил, более я не мог выдержать. В тот самый момент, когда повернулся, чтобы уйти, повозка, в которой лежал раненый офицер, свалилась с моста вместе с лошадью.[70] Наконец, мост подожгли. И вот тут-то, как говорили потом, разыгрались сцены, не поддающиеся описанию. Те эпизоды, о которых я рассказал, являются лишь малой частью общей страшной картины.

Я уже упоминал, что наш полк начал движение. Я приказал людям взять оружие и пересчитал – их было двадцать три человека, не считая оружейника. Каждый солдат присоединился к своей роте.

Около 9-ти часов утра мы двинулись вперёд. Мы пересекли лес, а болота перешли по мостам из сосновых брёвен, к счастью, не сожжённых русскими. Потом сделали привал, чтобы подождать отставших. Ярко светило солнце, я сел на ранец «Толстого Жана» и заснул, но офицер Фавен, заметив это, потянул меня за уши и волосы, другие толкали меня в спину, но я не просыпался. Некоторым из них удалось, они заставили меня встать. К счастью для меня, и очень здорово, что они так поступили, иначе я бы не проснулся. А тогда я был очень недоволен, что меня разбудили.

Вернулись многие из тех, о которых мы думали, что они погибли. Они обнимались и поздравляли друг друга, как будто Рейн перешли. Они чувствовали себя такими счастливыми, и им так было жаль оставшихся позади товарищей. Мне посоветовали немного пройти вперёд, чтобы я снова не заснул, и я воспользовался этим советом.

ГЛАВА IX

ОТ БЕРЕЗИНЫ ДО ВИЛЬНО. – ЕВРЕИ.

Я шёл впереди полка около получаса, когда встретил знакомого сержанта из полка фузилеров – егерей. Он казался очень счастливым почему-то (явление, довольно необычное), и я спросил его, есть ли у него что-нибудь поесть.

– Я нашёл несколько картофелин, – ответил он, – в этой деревне.

Я поднял голову и увидел, что мы, действительно, находимся сейчас в деревне. Идя, опустив голову, я её и не заметил. При слове «картофель», я спросил, в каком доме он нашёл его и со всех ног побежал туда. После долгих поисков, мне посчастливилось найти под печью три маленькие, размером с орех картофелины. Я готовил их на ещё не совсем погасшем костре, найденном недалеко от дороги. Когда картофелины достаточно пропеклись, я съел их с небольшим количеством конины, но с большим трудом, поскольку лихорадка, мучившая меня в последние дни, полностью разрушила мой аппетит, и я был уверен, что, если так пойдёт дальше, я скоро умру.

Когда полк двинулся дальше, я занял своё место, и мы прошагали до Зембина, куда уже с частью Гвардии прибыл Император. Мы видели его на дороге, ведущей в Борисов, откуда, как нам сказали, идут русские. Вперёд выслали несколько кавалеристов Гвардии, но в тот день русских не было. Император и часть Гвардии ночевали в деревне Камень,[71] а мы, фузилеры, гренадеры и егеря, стали лагерем поблизости.

30-го ноября Император и его свита остановились на ночлег в Плещенице. Мы, как и ранее, разбили лагерь неподалёку. На следующий день мы узнали, что маршал Удино едва избежал плена. Две тысячи русских казаков и два пехотных подразделения, вошли в деревню, но маршал, хотя и раненый, закрепился в доме с отрядом из двадцати пяти офицеров и солдат, многие из которых тоже были ранены. Русские, поражённые такой решимостью обороняться с таким малым количеством людей, отступили на возвышенности, с которых просматривался дом, и обстреливали его до тех пор, пока не

прибыл Император с войском Рейнской Конфедерации и частью Гвардии. Мы видели этот дом, изрешеченный пулями и ядрами. Нам казалось странным, что двум тысячам казаков не хватило мужества захватить старый деревянный дом, который защищали только двадцать пять человек.

На следующий день, 1-го декабря, мы уехали рано утром и через час достигли деревни, где размещались фузилеры – егеря. Они ждали нас, чтобы двигаться вместе с нами. Я начал узнавать, можно ли что-нибудь купить чего-нибудь съестного, и сержант-майор сообщил, что у одного еврея есть можжевёловая водка. Он повёл меня к нему. Я увидел еврея с длинной бородой и очень вежливо спросил его по-немецки, есть ли у него водка на продажу. «Нет! – грубо ответил он, – у меня нет – французы забрали все». Я ничего не сказал, но прекрасно понимал, что он лгал, и боялся только, что ему не заплатят.

Тут с большой печи спрыгнула девочка лет четырнадцати или пятнадцати лет, подошла ко мне и сказала: «Если вы дадите мне свой серебряный шнурок, я дам вам стакан водки». Я согласился. Тогда она сняла серебряную тесьму с сумки, стоимостью тридцать франков, которую я вёз из Москвы. Девочка сразу спрятала её под платье, а взамен дала мне маленький кусок верёвки. Она бы, наверняка, забрала и набор хирурга, если бы увидела на нем серебряные украшения. Затем она принесла мне стакан очень плохой водки, но я чувствовал себя так плохо, что с трудом выпил его. Ещё она дала мне кусок сыра округлой формы, размером с куриное яйцо и пахнущий анисом. Я тщательно спрятал его в свой ранец и вышел.

Едва я вышел из дома, как дух этой омерзительной водки ударил мне в голову. Мне нужно было перейти через широкую и глубокую канаву по перекинутому через неё бревну, выступающему в роли мостика. Я протанцевал по нему, ухитрившись не упасть, и вскоре рухнул в объятия моих товарищей. Более того, я хватал их за руки, пел и пытался заставить всех танцевать со мной. Вокруг меня начала собираться толпа, подошли даже офицеры, спрашивая, что случилось. Я только танцевал и орал во все горло. Сержант-майор нашей роты отвёл меня в сторонку и спросил, где я был. Я ответил ему, что мне посчастливилось найти выпивку.

– Где?

– Пошли, – сказал я.

Мы прошли по бревну, придерживая и помогая друг другу. На той стороне канавы другой мой друг подал мне руку – сержант-майор по прозвищу «Льежуа», потому что он был родом из Льежа.[72] Он только что узнал, где я был и что делал. Возле дома еврея, я сказал им, что если у них есть золотая или серебряная тесьма, они смогут получить немного водки. «Если так, – сказал Льежуа, – тогда вот». У него была очень красивая мерлушковая шапка, украшенная золотой тесьмой. Юная еврейка снова взяла дело в свои руки и забрала тесьму. Нам дали немного водки, но едва мы вышли из дома, как снова волна безумия накрыла меня. Правда, теперь стало ещё хуже, чем раньше. Она подействовала и на Льежуа, и мы пустились в пляс. Сержант-майор посмотрел на нас и сказал, что надо возвращаться в полк. Вместо ответа, мы подхватили его под руки и, танцуя, пошли по бревну, переброшенному через канаву. Вдруг Льежуа поскользнулся и полетел вниз, увлекая за собой меня и сержанта-майора. Под снегом в канаве оказалось более двухсот трупов, сброшенных туда за последние два дня.[73] Сержант-майор вскрикнул от ужаса и грубо обругал нас. Никто, однако, не пострадал, и Льежуа снова принялся петь и танцевать.

В конце концов, мы сильно утомились и никак не могли выбраться из этой канавы. Везде под снегом был лёд, и ничего, кроме льда. Идти мы не могли. Если бы в тот момент мимо не прошла рота вестфальцев, мы бы навсегда остались в той канаве. Сначала вестфальцы бросили нам верёвки, но наши руки так замёрзли, что мы не могли держаться за них. Наконец, они сняли борт с одной из повозок, соорудили из него нечто, похожее на лестницу и помогли нам выкарабкаться по ней. Падение немного отрезвило и Льежуа, и меня. Мы присоединились к полку, который стоял на привале возле леса, и наш марш продолжался. Одним лье далее мы встретили Принца Евгения – вице – короля Италии, во главе небольшой группы офицеров и гренадеров Королевской Гвардии, в строю, и под знамёнами. Они выглядели усталыми и измученными. В тот день наш переход был очень долгим. Мы нашли покинутую деревню, где можно было заночевать, и солому для постели. Конины было много, но, поскольку варить её было не в чем, нам пришлось её поджарить. По крайней мере, мы спали под крышей и в тепле от разведённых костров. Ночью я даже выходил иногда на свежий воздух, так я отвык от сна в теплом помещении.

На следующий день мы встали рано, было 2-е декабря. Моя лихорадка вернулась, я еле шёл, и через час отстал от полка. Я прошёл через небольшую деревню, наполненную отставшими солдатами, но не останавливался. Чуть дальше я увидел большую толпу солдат, жаривших конину на костре. Подъехал генерал Мэзон и сказал, что все желающие избежать встречи с русской кавалерией, должны следовать за ним, русские уже близко. Однако его никто не слушал, люди так изголодались, что не желали уходить от костров и готовы были с оружием в руках защищать свой кусок мяса. Я продолжал свой путь. Далее я встретил несколько человек из моей роты и просил их не оставлять меня, они обещали мне, что будут со мной везде – им было абсолютно все равно, куда идти. Для ночёвки мы разбили свой бивуак возле леса. Там собралось ещё несколько человек из других полков, в частности, из Итальянской армии, и несколько гренадеров 1-го полка Гвардии, у них я спросил о Пикаре. Мне отвечали, что накануне видели его, но его поведение навело их на мысль, что Пикар окончательно сошёл с ума.

До сих пор я ещё не думал осмотреть содержимое ранца бедного «Толстого Жана», который он дал мне у моста через Березину. Теперь, будучи в полной уверенности, что он уже не вернётся, я открыл его в присутствии двоих солдат из нашей роты, тем более что они служили в одном эскадроне с «Толстым Жаном». Я не нашёл ничего особенного кроме носового платка, в который было спрятано немного овсянки, смешанной с рожью. У одного из солдат нашлась крышка от кастрюли, и мы приготовили еду. Имелась ещё пара старых ботинок, но не было рубашки – я очень в ней нуждался. Остальное вещи не представляли для меня никакого интереса.

Нам повезло – дров было много, и мы развели большой костёр. Всю ночь мороз постепенно усиливался, а утром, 3-го декабря, подул северный ветер, и температура упала до двадцати градусов мороза. Необходимо было двигаться дальше. Мы позавтракали кониной и пустились в путь, следуя по следам прошедших ранее. Те тоже не лучше нас знали, где находятся, или куда надо идти. Солнце светило ярко, немного потеплело, а потому мы шли неплохо, иногда останавливаясь в домах, или на брошенных бивуаках. Вспоминаю, что ночевали мы на почтовом пункте.

Яркое солнце, которым мы наслаждались накануне, явилось предвестником ужасного мороза. Я не могу описать этот день,

потому что действительно не понимаю, как я пережил это. Когда мои товарищи заговаривали со мной, я отвечал, как человек, сошедший с ума. Холод стоял невыносимый. Многие пошли наугад в надежде найти какой-нибудь дом, хоть какое-то убежище. В конце концов, мы сбились с пути вместе с группой поляков, которые решили идти в Варшаву. Один из них, знавший французский, утверждал, что мы на расстоянии более лье от дороги в Вильно. Мы пытались идти по своим следам и снова сбились. Мы повстречали трёх офицеров, а потом ещё более сотни несчастных из разных корпусов и разных национальностей, полумёртвых от холода и голода. Когда они услышали от нас, что мы тоже заблудились, многие из них плакали, как дети.

Мы вышли на опушку соснового леса и решили устроиться на бивуак. У присоединившихся к нам солдат имелась лошадь, которую мы убили и разделили. Развели два костра – все жарили мясо – кто на кончике сабли, а кто просто на заострённой палке. После еды мы собрались вокруг костров и решили, что четверть нашего отряда пойдёт в караул, поскольку мы очень боялись быть взятыми в плен русскими, преследовавшими армию по обеим сторонам дороги. Через час пошёл снег, поднялся такой сильный ветер, что пришлось прятаться. Яростно завывал ветер, снег заметало под навесы. Спать хотелось очень, но не удалось. Я дремал сидя на своём ранце, обмотав меховым воротником голову, чтоб укрыться от снега. Сколько раз во время этой несчастной ночи я жалел о пропавшей медвежьей шкуре!

Спать долго не пришлось – резкий порыв ветра снёс мой бивуак. Мне и ещё двоим, пришлось до утра ходить, чтобы не замёрзнуть. С рассветом мы продолжили путь, оставив позади семерых: троих умерших и четверых, потерявших сознание.

Около восьми часов утра мы вышли на большую дорогу, и после бесчисленных трудностей в три часа дня пришли в Молодечно. Там собрались остатки всех подразделений, больше всего было людей из Итальянской армии. Здесь был и Император. Мы пытались найти убежище на ночь в каком-нибудь сарае или конюшне, но обнаружили, что пришли слишком поздно. Мы поселились в сильно пострадавшем от пожара доме без крыши. Вдобавок, на три четверти он уже были занят солдатами из других полков. Но мы считали, что нам повезло, поскольку за то время, что мы шли к Вильно, мороз постоянно усиливался.

Позже я узнал, что именно здесь Император обнародовал

свой 29-й бюллетень, объявлявший о гибели нашей армии – это сообщении потрясло всю Францию. Днём 5-го декабря мы пошли дальше. Мы машинально брели за десятью тысячами человек, ошеломлённые, не имея представления, куда они идут. Мы пересекли несколько болот, где мы, вероятно, утонули бы и погибли, если бы не сильный мороз. Отставшие не опасались сбиться с дороги – она была отмечена сотнями мертвецов. На следующий день мы пришли в Бренице.[74] Император переночевал там и, а когда мы пришли туда, он уже уехал. В этот день мы были более удачливы. Я смог купить немного муки, и мы наскоро приготовили пудинг, но не удалось найти дом, и ночевать пришлось на улице. Было так холодно, что мы до утра глаз не сомкнули. На следующее утро мы отправились в Сморгонь. Дорога была переполнена офицерами из разных корпусов и остатками «Священного Эскадрона» и «Священного Батальона», закутанных в изорванные меха и обгоревшую одежду. Некоторые из них, без сомнения, отдали часть своей одежды друзьям, у которых и этого не было. Многие шли, опираясь на палки, их бороды и волосы покрывал лёд. Те, кто уже не мог идти, в отчаянии смотрели на них, стараясь высмотреть хоть кого-нибудь из своего полка, надеясь на помощь и поддержку. Боюсь, все они погибли.

Дороги выглядели, как побоища, так много было мёртвых. Но все время шёл снег, и он немного смягчал этот ужас. Мы потеряли чувство жалости, мы стали равнодушны даже к собственным страданиям, не говоря уже о страданиях других. Тех, кто падал и умолял о помощи, никто не слушал. 6-го декабря мы прибыли в Сморгонь. При въезде в город, мы узнали, что Император уехал во Францию накануне вечером, в десять часов, назначив командующим армией короля Мюрата. Многие из иностранцев воспользовались этим событием, чтобы обвинить Императора, но этот его поступок был совершенно естественным, так как, заговор Мале стал причиной не только его возвращения во Францию для наведения порядка, но и для формирования новой армии. Среди множества постоянно прибывающих больных и тех, кто находился при смерти, попадались и другие, хорошо одетые и бодрые, по-видимому, иностранцы. Все они громко критиковали Императора. Я думаю, что эти люди были английскими шпионами, присланными для разрушения порядка в армии.

В толпе я потерял одного из своих спутников, но не имел времени искать его, так как очень хотел найти дом для ночёвки. Увидев офицера из Бадена, служившего в городском гарнизоне,

вместе со вторым своим спутником я пошёл за ним. Баденец зашёл в дом еврея, где он квартировал, но, увидев нас, не возражал против нашего присутствия. Мы сели возле тёплой печки. Только прошедший через такие же невзгоды и лишения может понять наш восторг от самого пребывания в теплом доме и возможности хорошо выспаться.

В той же комнате на диване лежал страдавший от лихорадки молодой штабной офицер. Он рассказал мне, что болеет от самой Орши, а поскольку не может идти дальше, тут ему и конец наступит, ведь, несомненно, он попадёт в плен к русским. «Один Бог знает, – сказал он, – что будет дальше, и что скажет моя бедная мать, когда она узнает!»

Баденский офицер, который знал французский, пытался утешить его, сказав, что тот получит его сани с лошадью, если он сам погибнет. Он обещал нам суп и мясо, а сам покинул город ночью с остатками гарнизона. Бедному офицеру стало хуже, он бредил всю ночь, а мы не дождались ни супа, ни мяса. У нас было только несколько луковиц и орехов, купленных у еврея за большую цену, но жилье стоило ещё дороже.

Мы вышли рано утром 7-го декабря, очень тихо, чтобы не услышал молодой офицер, ведь мы ничем не могли помочь ему. На дороге было малолюдно, через некоторое время мы остановились отдохнуть возле разрушенного сарая. Через полчаса появилась колонна Императорской Гвардии, мы увидели наш полк, он шёл, изо всех сил стараясь держать строй. Я присоединился к своей роте. На привале товарищи поинтересовались, нашёл ли я какую-нибудь пищу за четыре дня своего отсутствия. Когда я ответил, что совершенно ничего найти не удалось, они разошлись, ругаясь и ударяя прикладами ружей о землю.

Мы продолжили наш марш, и пришли в Жупраны поздно вечером – почти все дома здесь были сожжены, а остальные просто разорены, без крыш и дверей. Мы худо-бедно устроились, а поскольку конины было много, я заготовил мяса ещё и на следующий день.

8-го декабря была уже середина дня, когда мы собрались уходить, но прошлой ночью было так холодно, что многие солдаты разводили костры внутри, чтобы согреться, и это привело к пожарам. Больные и совершенно обессилевшие солдаты

имелись в каждом доме, и те из них, кто не мог позаботиться о себе – все они сгорели.

В середине дня мы добрались до маленького городка, название которого я забыл.[75] Нам сказали, что здесь будет раздача пайков, но вскоре выяснилось, что склады разграблены, а люди, ведавшие раздачей, сбежали, также сбежали и интенданты. Поэтому мы продолжили наш путь, перешагивая через мёртвых и умирающих. На привале возле дерева, один из солдат нашей роты увидел лошадь. Мы собрались вокруг, чтобы убить её и разделить мясо поровну. Но, ни ножей, ни топоров, у нас не было – мы убили её ради крови, которую собрали в кастрюлю, взятую у немки – маркитантки. Нашли брошенный костёр и начали её варить. В кровь добавили немного пороха в качестве приправы, но в самый разгар приготовления появился большой отряд казаков. Времени хватило только на то, чтобы съесть это блюдо в том виде, каким оно было, а поскольку мы делали это руками, наши лица и одежда покрылись кровью. На нас было страшно смотреть.

Положение осложнилось ещё и мощным артиллерийским огнём, а если учесть, что здесь собралось более тридцати тысяч человек всех национальностей, разыгравшуюся сцену описать просто невозможно. Мы продолжали путь, и пришли в большую деревню, за три или четыре лье до Вильно. Я узнал в этой деревне ту самую, что мы оставили нетронутой месяц назад, при переходе от Вильно до Москвы. Здесь я потерял свои трофеи, то есть, небольшую коробочку с кольцами, ожерельями, прядями волос и портретами любовниц из всех стран, в которых я побывал. Я был очень расстроен потерей этой своей коллекции. 9-го декабря мы вошли в Вильно, при температуре 28 градусов мороза.[76] Из двух дивизий, составлявших более десяти тысяч, до Вильно дошли едва ли две. Здесь к нам присоединились французы и неаполитанцы, прибывшие за два дня до нас. Впоследствии, во время этого ужасного путешествия, многие из них погибли. Новоприбывшие были прекрасно экипированы и не нуждались ни в чем, кроме еды. Они оставили свои удобные квартиры в Литве и Померании лишь несколько дней назад. Первое время они испытывали жалость и сострадание к нам, но через пару дней стали хуже нас. Сначала они старались помогать друг другу, но когда выяснилось, что это означало делиться своим добром, стали вести себя так же, как и другие солдаты и офицеры.

Я немного приободрился, обретя надежду скоро добраться до Вильно, где мы сможем хорошо питаться.

Надежда придала мне сверхчеловеческие силы. Такого жестокого мороза никогда ещё не было. Я был в полуобморочном

состоянии, казалось, в лёд превратился сам воздух. Как часто я тосковал о моей медвежьей шкуре, так часто спасавшей меня! Я едва дышал, нос казался отмороженным, губы – слипшимися, глаза – остекленевшими, ослеплёнными снегом. Я был вынужден остановиться и закрыть своё лицо меховым воротником, чтобы растопить лёд. В таком состоянии мне просто необходимо было место, где было бы тепло, и где можно было дышать. Во всех домах, в которых мы побывали ранее, мы видели только несчастных и беспомощных, умирающих людей.

Вдали показались шпили и крыши Вильно. Я ускорил шаг, чтобы оказаться там среди первых, но мой путь преградили старые егеря Гвардии. Они заблокировали всю дорогу, так что колонной пройти было нельзя. Эти ветераны со льдом, свисающим с бороды и усов, маршировали, пренебрегая своими собственными страданиями ради поддержания строя, но безуспешно. В городе царил хаос. У дверей какого-то дома я увидел труп одного из моих старых друзей – гренадеров. Они пришли часом ранее, выбрали дом для нашего батальона, и раздавали пайки говядины – просто куски мяса. Мы накинулись на них, как дикие звери на корм. Каждый готовил себе сам, как умел, некоторые пожирали мясо сырым. Один из моих друзей, сержант по имени Потон, из Бретани, и дворянин по происхождению, с нетерпением ждал своей доли, около половины фунта. Он стоял недалеко от раздающих, и ему просто кинули паек. Он поймал мясо обоими руками, как кошка, судорожно и жадно впился в него зубами, и ничего нельзя было сделать, чтобы остановить его. Он не видел перед собой ничего, кроме мяса.

Потом я отправился в город, чтобы узнать, нельзя ли купить немного хлеба и водки. Но почти все двери оказались наглухо закрыты. Жители города, хотя и симпатизировали нам, ужаснулись, увидев пятьдесят или шестьдесят тысяч обезумевших голодных людей. Солдаты стучали во все двери, пытались вломиться в лавки, но торговцы не пускали их, так как хотели порядка. Но порядка не существовало.

Убедившись, что поиски бесполезны, я собрался вернуться назад, но вдруг услышал своё имя. Я обернулся, и к своему великому удивлению увидел Пикара, который бросился мне на шею, плача от радости. Он дважды встречал мой полк после Березины, но его уверяли, что я либо погиб, либо взят в плен. Он сказал, что имеет немного муки, которой он поделится со мной, а что касается водки, то он отведёт меня к знакомому еврею, – у него есть водка, а возможно, и хлеб. Я попросил его сделать это до следующей раздачи пайков. В том, что раздача будет, мы были уверены, так как склады были полны.

Я никогда не забуду того впечатления, которое произвёл на меня этот дом. Мне казалось, прошли годы с того времени, когда я его видел. Пикар дал мне немного водки, я с трудом её выпил. Затем я купил полную бутылку за двадцать франков, тщательно спрятанных в моем ранце. Что касается хлеба, необходимо было подождать до вечера. В течение пятидесяти дней я не ел хлеба вообще, и мне казалось, что если бы я съел хотя бы кусочек, все мои страдания ушли бы в прошлое. Еврей сказал мне, что прибывшие утром, съели весь хлеб. Он посоветовал нам не уходить из его дома, даже ночевать и защищать от других, пока он будет добывать все, что мы пожелали. Последовав его совету, я устроился отдыхать на скамье возле печи.

Я спросил Пикара, как случилось, что он в таких дружеских отношениях с евреем – я заметил, что тот относится к Пикару как к родственнику. Пикар сказал, что течение тех двух недель, что мы провели в городе в июле, он выдавал себя за сына еврейки, ходил с евреями в синагогу, а потому всегда имеет возможность пить водку и есть орехи.

Я не смеялся довольно долгое время, но тут, не выдержав, расхохотался так, что по моим губам потекла кровь. Пикар продолжал рассказывать забавные истории, как вдруг раздался грохот пушек, и в комнату вбежал наш хозяин. Он был так ошеломлён, что некоторое время не мог говорить. Наконец, он сообщил, что видел баварских солдат, преследуемых казаками у тех ворот, через которые мы вошли в город.

Гарнизон города дал сигнал тревоги. Услышав его, Пикар, схватил ружье и подошёл ко мне.

– Пойдёмте, mon pays, – сказал он, хлопнув меня по плечу, – Мы принадлежим Императорской Гвардии, и всегда будем впереди всех. Мы не допустим, чтобы эти дикари съели наш хлеб. Если у вас есть силы, следуйте за мной, и мы вместе с нашими товарищами дадим славный отпор этим дикарям.

Я последовал за Пикаром. К нам присоединилось ещё несколько человек, но больше было таких, которые просто убегали. Им было совершенно безразлично, что и где происходит. Возле ворот, ведущих в предместье, мы встретили отряд гренадеров и егерей Гвардии. Пикар оставил меня, чтобы присоединиться к своим, а я, увидев несколько солдат и офицеров своего полка, последовал за ними, абсолютно не зная, кто командует нами и куда надо идти. Мы толпой поднялись на гору, многие упали и остались позади. Мы прошли, пожалуй, две трети этой горы (я был удивлён, что смог пройти так далеко), и я упал. Хотя мне и помог какой-то литовский крестьянин, я встал с трудом. Я умолял этого человека не бросать меня, и в качестве

поощрения дал ему около четырёх франков русскими деньгами и водки из своей маленькой чашки. Крестьянин пришёл в полный восторг, и я уверен, что в случае необходимости, он нёс бы меня на спине. Мы шли по земле, покрытой мёртвыми людьми и лошадьми. Кругом валялось много оружия. Мой крестьянин взял ружье и патроны, выразив своё желание воевать против русских. Наконец, мы достигли вершины горы, где уже бились пруссаки. Двести человек, треть из них гвардейцы, стояли перед врагом – отрядом кавалерии, в составе которого были и конные разведчики. Баварцы отошли назад, а две их пушки, дали залп картечи, которого оказалось достаточно, чтобы отогнать врага. Оставаться на этой позиции было нецелесообразно, и мы вернулись в город, где царил страшный беспорядок. Гарнизон, практически весь состоящий из иностранцев, охватила паника. Некоторые готовились покинуть город, загружая тележки, сани и лошадей. Со всех сторон раздавались крики: «Кто видел мою лошадь? Где моя повозка? Остановите его, он украл мои сани!»

Виновниками этих беспорядков, главным образом были сопровождавшие нас воры и мародёры – я о них уже упоминал ранее. Воспользовавшись ситуацией, они крали повозки, лошадей и сани, груженные провизией и ценными вещами. Эвакуацией руководили интендантская служба, военные поставщики и другие армейские чиновники. Хотя я уверен, что воров, сбежавших потом, в сторону Ковно,[77] никто не пытался поймать.

У въезда в предместье, я пробежал мимо дома, где квартировал наш батальон. У меня было две причины попасть в город: во-первых, встретиться с Пикаром ради обещанного хлеба, а во-вторых, сообщить ему, что я принимал участие в маленькой вылазке против русских. Я побежал направо, но меня остановило сообщение, что Пикар побежал налево с десятком гренадеров и егерей, с приказом охранять Мюрата. Мюрат только что покинул город через предместье в направлении Ковно.

Я решил поискать Пикара на квартире Мюрата. По дороге к ней я проходил мимо дома, где жил маршал Ней. Возле входа несколько гренадеров грелись у большого костра, и мне ужасно захотелось присоединиться к ним. Видя мой измученный взгляд, они пригласили меня в дом. Многие из них были бодры и хорошо одеты. Я выразил своё удивление по поводу их внешнего вида, а гренадеры рассказали мне, что до Москвы они не дошли. Они были ранены при осаде Смоленска, потом отправлены в Вильно, где и оставались до сих пор. Теперь они здоровы и готовы снова воевать. Я попросил у них немного хлеба. Солдаты ответили, как и еврей, что, если я вернусь сюда позже, или останусь с ними, наверняка получу свою долю. Но, поскольку я должен был

вернуться в свой батальон, я сказал гренадерам, что вернусь, и готов дать пять франков за каждую буханку. И ещё они мне рассказали, что к маршалу приходил немецкий генерал и советовал ему уехать, чтобы не нарваться на русских. В ответ маршал, указывая на сотню гренадеров, гревшихся у костра во дворе, сказал, что с ними он может позволить себе посмеяться над всеми казаками России, и что он останется ночевать в городе.

Я поинтересовался, сколько телохранителей у маршала.

– Около шестидесяти, – отвечал сидящий на своём барабане барабанщик, – и ещё шестьдесят присоединились к нам здесь. Я был с маршалом с момента перехода через Днепр и, прикрывая его собой, мы громили этих собак – казаков. Черт подери, если бы не было так холодно и, если б я не обморозил руки, я бы каждый день ходил в атаку.

Я вернулся в предместье и нашёл всех своих товарищей спящими на полу. Горел большой огонь, в комнате было тепло. Уставший и изнурённый, я улёгся тоже.

Около двух часов ночи я проснулся и понял, что опоздал на встречу с гренадерами маршала. Я сказал товарищам, что пойду в город за хлебом. Сейчас самое благоприятное время, поскольку все спят. Кроме того, у меня было немного русских денег. Некоторые попытались встать и идти со мной, но не смогли. Только один, сержант Байи, сумел подняться, а остальные собрали ещё денег – общая сумма составила около пятидесяти франков.

Стояла прекрасная лунная ночь, но улице было так холодно, что больше всего хотелось вернуться обратно. Ни одного человека по пути. Часового у городских ворот не было. В ту ночь русские могли бы войти в город так же легко, как и мы. Я заметил свет, падающий из подвального окна первого же дома слева от нас и, наклонившись, увидел, что это пекарня, работа шла полным ходом. Правда, запах дал нам знать об этом раньше. Мой товарищ постучал, и кто-то спросил, чего нам надо. Мы рявкнули: «Откройте дверь! Мы генералы!» Дверь открылась сразу, и мы вошли. Нас провели в большую комнату, где на полу лежало множество офицеров. Совершенно спокойно они спросили нас, в самом ли деле мы те, за кого себя выдаём. Ведь со временем, действительно стало невозможно отличить офицера от рядового.

У двери подвала стояла очень полная женщина, мы спросили её, можно ли купить хлеба. Она ответила, что нет, он ещё не готов, в этом мы можем сами убедиться, спустившись в подвал. Закутанный в большой плащ офицер поднялся со своей соломенной постели и пошёл с нами. В пекарне спали два пекаря. Поискав немного, мы ничего не нашли и уже почти поверили, что женщина говорит правду, но тут, наклонившись, я заметил под квашней большую корзину. В ней мы нашли семь больших буханок белого хлеба, весом три или четыре фунта каждый, такого же прекрасного, как парижский. Какая удача! Какая славная находка для тех, кто не ел хлеба в течение пятидесяти дней! Я завладел двумя – одну спрятал под плащом, другую нёс в руке. Мой товарищ сделал то же самое, а офицер забрал три оставшихся. Этого офицера звали Фуше – гренадер-велит и адъютант-майор Молодой гвардии, теперь он уже генерал-майор. Мы вышли из подвала, а полная женщина все ещё стояла у двери. Мы сказали ей, что вернёмся утром, когда хлеб будет готов. Ей так хотелось избавиться от нас, что она открыла дверь, и мы вышли на улицу.[78]

Оставшись одни, мы уронили наши ружья и жадно вгрызлись в хлеб, но, поскольку мои губы потрескались и кровоточили, есть мне было очень трудно. Потом к нам подошли двое мужчин и спросили, есть ли у нас что-нибудь для продажи или обмена. Это были евреи. Я ответил, что есть русские сторублёвки и спросил, сколько они за них дадут.

– Пятьдесят, – сказал первый по-немецки.
– Пятьдесят пять, – сказал второй.
– Шестьдесят, – не уступал первый.

Первый закончил торг, предложив семьдесят семь, а я выдвинул дополнительное условие – они должны дать нам ещё кофе с молоком. Еврей согласился. Второй, идя потом за мной, сказал: «Восемьдесят!» Но сделка была заключена, а поскольку нам обещали кофе, мы не хотели больше торговаться за каких-то двадцати франков.

Еврей привёл нас к своему банкиру – сам-то он был всего лишь агентом. Банкир также был еврей. Он попросил у нас банкноты, мы дали девять, три из них принадлежали мне. Он очень внимательно рассмотрел их и ушёл в другую комнату, а мы сели на скамейку и потихоньку ели хлеб.

Наконец, от жгучей тоски по кофе наше терпение лопнуло, и мы позвали банкира. Никто не вышел. И вдруг у меня возникла мысль, что нас ограбили! Я поделился этой идеей со своим товарищем, и он согласился. Чтобы привлечь внимание, мой товарищ изо всех сил ударил тяжёлыми деревянными счетами о приклад своего ружья. Поскольку и на этот раз никто не вышел, он замолотил кулаками по разделявшей комнаты деревянной перегородке. Тут же появились оба еврея, и с таким видом, как будто они что-то задумали. Евреи снова спросили, есть ли у нас ещё деньги, и снова попросили подождать, но мой товарищ приставил дуло ружья к голове одного, а я взял за горло другого, требуя отдать наши деньги. Тут, осознав, что им сейчас наступит конец, они поспешно отсчитали наши деньги, причём большую часть заменили золотом. Мы захватили того еврея, который привёл нас в это место и повели с собой, но оказавшись на улице, он начал клясться, что он не виноват в происшедшем. Мы решили поверить ему, помня об обещанном кофе, и отправились к нему домой.

Мы поели, потом мой товарищ захотел вернуться в предместье, но я так устал, что решил остаться и переночевать, чувствуя себя безопасно в компании двух баварских кавалеристов. Так что я лёг на диван и заснул – пожалуй, было уже около пяти утра.

Не прошло и получаса, когда меня разбудили сильные боли в животе. Мне было очень плохо, я был уверен, что еврей отравил меня. Я думал, что умираю, я настолько ослаб, что не мог добраться до бутылки водки, лежавшей в ранце. Я попросил одного из баварцев подать мне её. Выпив, я почувствовал себя лучше, снова лёг на диван и задремал. Я не знаю, долго ли я спал, но, проснувшись, обнаружил, что мой хлеб исчез. Остался только маленький кусочек, который я спрятал в свой ранец вместе с бутылкой водки и повесил рядом с собой. Раввинская шапка тоже исчезла, несомненно, её украли баварцы. Однако не это огорчало меня больше всего. Кроме колик в животе и других болячек, я снова отморозил правую ногу – открылась старая рана. Первая фаланга среднего пальца правой руки еле держалась на своём месте, а от страшного холода прошлой ночи правая ступня так распухла, что я не мог обуться. Я смазал ногу мазью подаренной мне поляками, перебинтовал старыми тряпками, а сверху обвернул куском овчины, закрепив её верёвкой. Так же пришлось поступить и с правой рукой.

Я уже собрался идти, но еврей остановил меня и сказал, что он может продать мне немного риса. Я согласился, подумав, что от риса мне станет лучше. Кроме того, я попросил достать мне какой-нибудь горшок для готовки, и он принёс мне небольшой медный котелок. Я привязал котелок и ботинок к ранцу, отдал еврею десять франков и ушёл.

Вдруг я услышал отчаянные крики, и увидел женщину, плачущую над лежавшим у входной двери покойником. Она остановила меня и попросила помочь ей вернуть то, что у неё отняли.

– Я жила в этом доме, – сказала она, – с этими негодяями евреями. Мой муж тяжело болел. Ночью они забрали у нас все самое ценное, что у нас было, а сегодня утром я вышла позвать кого-нибудь на помощь. Убедившись, что поиски бесполезны, я вернулась, чтобы покормить моего бедного мужа. Но представьте себе мой ужас, когда я увидела его лежащего мёртвым у двери! Злодеи воспользовались моим отсутствием и убили его. Oh, monsieur, не оставляйте меня! Пойдёмте со мной!

Я ответил, что ничем не могу помочь, а для неё было бы лучше всего присоединиться к покидающим город. Она сделала жест рукой, желая сказать, что она не может так поступить. Вдруг послышались звуки ружейной стрельбы, мне пришлось оставить эту несчастную женщину и двигаться в направлении Ковно. Я попал в десятитысячную толпу мужчин, женщин и детей. Все страшно спешили, и каждый, стремясь быть первым, бил и отталкивал своего собрата по несчастью.

Случаю было угодно, чтобы я познакомился с капитаном Молодой Гвардии и моим земляком.[79] С ним был лейтенант – его денщик, и усталая лошадь. И полк, и рота этого капитана прекратили своё существование. Я поведал ему о своих несчастьях, а он дал мне немного чая и кусок сахара. Тотчас же после этого мощный поток множества людей разлучил нас.

Во главе группы солдат, которые, похоже, входили в состав гарнизона – я не смог определить точно – барабанщик бил отступление. Через полчаса мы дошли до выхода из предместья, дальше идти стало легче. Выйдя из города, я шёл и никак не мог освободиться от мыслей о нашей армии. Пять месяцев назад мы вошли в столицу Литвы радостные и гордые собой. Теперь же мы покидаем город разбитые и несчастные.

ГЛАВА X

ОТ ВИЛЬНО ДО КОВНО. – ПОЛКОВАЯ СОБАКА. – МАРШАЛ НЕЙ. – СОКРОВИЩНИЦА АРМИИ. – Я ОТРАВЛЕН. – ЖИР ПРЕСТУПНИКОВ. – СТАРЫЙ ГРЕНАДЕР ФАЛОППА. – ГЕНЕРАЛ РОГЕ. – ОТ КОВНО ДО ЭЛБИНГА. – ДВЕ МАРКИТАНТКИ. – ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЕРЖАНТА. – Я СНОВА ВСТРЕЧАЮ ПИКАРА. – САНИ И ЕВРЕИ. – ФУРИЯ. – ЭЙЛАУ. – ПРИБЫТИЕ В ЭЛБИНГ.

Едва мы преодолели четверть лье, как вдруг показались казаки. Они были справа – на холмах, и слева – на равнине. Но атаковать они не стали – мы находились слишком далеко. Чуть позже я наткнулся на труп лошади артиллерийского офицера с овчинным чепраком на спине. Именно эта вещь мне была сейчас крайне необходима, чтобы защитить мои бедные уши, поскольку я не мог идти дальше без риска потерять их. В наборе хирурга имелись ножницы. Я попытался отрезать кусок чепрака и сделать нечто вроде наушников, но моя правая рука замёрзла, а левая онемела. Я сильно расстроился и был в отчаянии, а тут ко мне подошёл один из солдат вильненского гарнизона. Он оказался сильнее, чем я – ему удалось отрезать чепрачный ремень. Он отдал мне половину. Поскольку ничего лучшего у меня не было, я обвернул им голову и продолжал свой путь.

Потом я услышал грохот пушек и ружейную стрельбу – это арьергард Нея сдерживал атаки русских. Те, кто не мог сражаться, кинулись бежать. Я тоже, но мои отмороженные ноги в разбитых сапогах не слушались меня. Вдобавок, вернулись боли в животе, и я остановился. Позади себя я услышал непонятный шум и упал – меня сбили с ног несколько убегавших солдат Рейнской Конфедерации. Я упал в полный рост, и тут же несколько других пробежали прямо по моему телу. Я с трудом встал, боль была адская, но я уже настолько привык к страданиям, что не обращал на это никакого внимания. Арьергард близко – если он пройдёт, я пропал, но маршал приказал стоять и сражаться, чтобы дать людям время оставить город. В распоряжении маршала было только триста человек.

Передо мной шёл человек, из моего полка – я узнал это по его плащу. Он шёл, сгибаясь под тяжестью груза на плечах, и ранца, похоже, битком набитого и очень тяжёлого. Собрав все

силы, я догнал его и увидел, что грузом была собака, а человек этот – старый сержант по имени Добантон.[80] Собака, которую он нёс, была наша полковая собака, хотя я не сразу её узнал. Я удивился, увидев его несущим собаку, ведь ему и самому нелегко и, не дав ему времени на ответ, я спросил его, съест ли он собаку. Если да, то я предпочту лошадь.

– Нет, – отвечал он, – я скорее съем казака. А вы что, не узнали Мутона? У него отморожены лапы, он не может идти.

– Теперь узнал, – сказал я, – но, что вы будете делать с ним?

Я погладил Мутона правой перевязанной рукой. Он поднял голову и, похоже, тоже узнал меня. Добантон рассказал мне, что часов в семь утра, если не раньше, русские захватили первые дома в том пригороде, где мы жили. Гвардия ушла в шесть часов, и он уверен, что более двенадцати тысяч человек, офицеров и солдат, которые были не в состоянии идти, попали в руки противника. А сам он избежал этой участи из-за преданности своей собаки. Он прекрасно понимал, что рано или поздно её придётся бросить на засыпанной снегом дороге. Вечером того дня, когда мы прибыли в Вильно – когда ударил мороз двадцать восемь градусов – бедный пёс отморозил лапы, а сегодня утром, видя, что он не сможет идти, Добантон решил оставить его. Но бедняга Мутон почувствовал, наверно, что его хотят бросить, и заскулил так жалобно, что, в конце концов, он решил позволить собаке идти за собой. Но пройдя лишь несколько шагов, сержант увидел свою несчастную собаку уткнувшуюся носом в снег. Поэтому он положил его на плечи поверх ранца и в таком виде вернулся к маршалу Нею.

Далее дорогу нам преградил перевёрнутый фургон. Он был открыт, в нем лежали пустые холщовые мешки. Вероятно, он покинул Вильно накануне вечером, а сегодня утром его разграбили, думали, наверное, что он везёт муку и сухари. Я попросил Добантона остановиться на минутку (вернулась боль в животе), он согласился охотно, особенно, если учесть, что он непременно хотел отвязать Мутона.

Только мы остановились, как подъехал отряд из тридцати молодых гессенцев, входивших в состав вильненского гарнизона и покинувших город на рассвете. Они ждали маршала Нея, находясь в тридцати шагах от нас впереди и справа. Тотчас слева подошёл другой отряд всадников, около двадцати человек. Это

были русские кирасиры в чёрных кирасах и белых плащах и несколько конных казаков. Они двигались так, чтобы отрезать гессенцев от нас и множества других несчастных, которые, заметив их, бросились назад, с криками: «Берегитесь! Казаки!»

Гессенцы, руководимые двумя офицерами, которые, вероятно, раньше нас заметили русских, приготовились защищаться.

Один из гренадеров прошёл мимо нас, чтобы занять место среди гессенцев, мы решили поступить так же, а Добантон решил оставить Мутона в фургоне. Но мы не успели – кирасиры пришпорили коней и подъехали к гессенцам. Там они остановились, знаками показывая, чтобы те сложили оружие. Выстрел из ружья был ответом – это стрелял французский гренадер, решивший участвовать в последней битве чести отряда гессенцев. После такого ответа мы ожидали увидеть, по крайней мере, половину врагов мёртвыми, но, к нашему удивлению, этого не произошло, а офицер, находившийся впереди и, которого должно было разорвать на куски, остался жив и невредим. Его лошадь просто вовремя отпрыгнула в сторону. Он мгновенно вернулся к своим людям, тотчас прогремел залп – и менее чем через две минуты гессенцы были сметены. Некоторые из них обратились в бегство, но конница кинулась в погоню за ними.

Добантон, желая освободиться от Мутона, звал меня на помощь, но мимо него проскакали трое из погони за гессенцами. Чтобы защититься, Добантон полез под фургон, где я спрятался, страдая от боли в животе и холода. Но он не успевал, один из всадников был уже рядом. Добантон вовремя заметил его и убил, но не так повезло верному Мутону, который громко лаял, будучи привязанным к спине Добантона, и стеснявшим его движения. Между тем, мне стало немного лучше, и я попытался максимально удобно взять оружие, пользуясь только правой рукой, не имея ни сил, ни чьей-либо помощи.

Всадник кружил вокруг Добантона, но держался на расстоянии, опасаясь выстрела. Видя, что никто из нас не стреляет, он, несомненно, решив, что у нас закончился порох, двинулся на Добантона и нанёс удар саблей, который тот парировал дулом ружья. Нападавший тотчас прыгнул вправо, и удар, направленный в левое плечо Добантона, обрушился на голову Мутона. Бедный пёс взвыл так, что у меня замерло сердце. Несмотря на израненные и отмороженные лапы, он пытался прыгнуть со спины хозяина и напасть на врага, но ему мешали

ремни. Оба упали – я подумал, что с ними покончено.

Я прополз немного вперёд и выстрелил, но порох не вспыхнул. Тогда русский со страшным криком бросился на меня, но я успел вкатиться под фургон и приветствовал его ударом штыка.

Видя, что меня нельзя добраться, русский вернулся к Добантону – он все ещё не мог встать из-за Мутона, непрерывно рвавшегося из ремней, воющего и лающего. Добантон лежал теперь под оглоблями повозки и враг не мог добраться до него. Человек, стоявший перед Добантоном, поигрывал саблей, готовый разрубить его пополам.

Добантон, полумёртвый от голода и холода, с похудевшим, бледным, почерневшим от дыма бивуачных костров лицом, по-прежнему казался полным энергии. Но выглядел он странно и, действительно, забавно с этой дьявольской собакой, непрерывно лаявшей и тянувшей его в разные стороны. Глаза Добантона сияли, рот исказился от ярости, что он сейчас во власти врага, который при других обстоятельствах, не осмелился бы даже подойти к нему. Я видел, как он зачерпнул горсть снега, поднёс ко рту, чтобы утолить жажду – и мгновенно выхватил оружие. Теперь и Добантон, в свою очередь, угрожал своему врагу.

По крикам и жестам человека, было ясно, что им никто не командует, и что он абсолютно пьян. Всадники с криками окружили тех, кто не смог вернуться к арьергарду, сбивали с ног в снег и топтали копытами лошадей, большинство из этих несчастных были безоружны, ранены, с отмороженными руками и ногами. Те же, кто были посильнее, а также уцелевшие гессенцы, пытались защищаться, но это длилось недолго – одних убили, других взяли в плен.

Кавалерист, напавший на моего товарища, поскакал налево. Добантон крикнул мне: «Не мешайте мне, я его прикончу!». И сразу же выстрелил. Ему повезло больше, чем мне. Пуля вошла в кирасира снизу справа и вышла с обратной стороны. Он страшно вскрикнул, дёрнулся всем телом, сабля выпала из его руки. Изо рта хлынула кровь, он упал головой на шею лошади, да так и остался в этом положении.

Едва успел Добантон избавиться от своего врага и заняться отвязыванием Мутона, чтобы захватить лошадь, как позади нас

раздались крики: «Вперёд! В штыки!» Я вылез из фургона, посмотрел в сторону, откуда доносились крики, и увидел маршала Нея – во главе арьергарда, с ружьём в руках. Заметив его, русские разбежались кто куда. Те, кто бросился направо, наткнулись на огромный ров, наполненный льдом и снегом. Одни попытались преодолеть его верхом, другие растерялись и остановились. Арьергард захватил несколько лошадей, таким образом, превратив кавалеристов в пехотинцев. Впоследствии всех их оставили на дороге. Что поделаешь, мы не в состоянии были их содержать.

Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, которое производил маршал – его великолепное отношение к врагу и уверенность, вселяемую ним в несчастных больных и раненых. В тот момент он был подобен героям древности. В последние дни катастрофического отступления именно он стал спасителем остатков армии.

Все произошло менее чем за десять минут. Едва Добантон успел отвязать Мутона, как вдруг из-за деревьев выскочил какой-то человек, сбросил труп кирасира, схватил животное под уздцы, и удрал. Добантон крикнул ему: «Стой, негодяй! Это моя лошадь! Это я его убил!» Но похититель уже скрылся в потоке спешащих людей. Добантон крикнул мне: «Посмотри на Мутона! Этот мерзавец вернёт лошадь, иначе ему не поздоровится!» Едва он произнёс это, как более четырёх тысяч отставших от разных частей хлынули бурным потоком, отделив меня от него и от Мутона, которого я больше никогда не увидел снова.

Тут, я думаю, самое время немного рассказать о нашей полковой собаке.

Мутон с нами с 1808 года. Мы подобрали его в Испании, недалеко от Бонавентуры, на берегу реки, у разрушенного англичанами моста. Он пошёл с нами в Германию. В 1809 году он помогал в сражениях при Эслинге и Ваграме, после этого вернулся в Испанию в 1810-11. Он оставался в полку во время похода в Россию, но в Саксонии пропал, возможно, его украли, ведь Мутон был красивым пуделем. Через десять дней после нашего прибытия в Москву мы были очень удивлены, увидев его снова. Отряд из пятнадцати человек, покинувший Париж через несколько дней после нашего отъезда, чтобы присоединиться к полку и, проходивший там, где он исчез, нашёл его. Мутон был объявлен солдатом полка и последовал вместе с отрядом.

В толпе мужчин, женщин, и даже детей, я постоянно оглядывался, пытаясь найти Добантона, но видел только маршала Нея и его арьергард, занявший позицию на небольшой возвышенности – там, где атаковали гессенцев.

После этого приключения я был вынужден снова остановиться из-за сильных болей в животе. Впереди я видел гору Понари,[81] всю – от подножия, до вершины. Дорогу, занимавшую почти три четверти склона с левой стороны, можно было узнать по множеству фургонов, перевозивших более семи миллионов в золоте и серебре, а также багаж, а также и экипажи, запряжённые лошадьми, настолько изнурёнными, что их приходилось бросать на дороге.

Через четверть часа я подошёл к подножию горы, где на ночь были разбиты бивуаки. Уже были видны костры – некоторые ярко горели, а вокруг них грелись люди, готовясь преодолеть гору. Здесь я узнал, что повозки, которые ушли из Вильно накануне, в полночь, и шедшие узкой колонной, дальше не прошли. Передние фургоны перевернулись, а деньги, находившиеся в них, растащили проходящие мимо солдаты. Другие повозки, от самой вершины и до подножия горы, тоже были вынуждены остановиться. Многие упавшие лошади не встали.

Наш разговор оборвала ружейная стрельба арьергарда маршала Нея по подъехавшим слева казакам – их, несомненно, привлекла такая богатая добыча. Казаки продвигались очень осторожно, ожидая, пока пройдёт арьергард, а потом спокойно собрать такой богатый урожай.

Я продолжил путь, но решил обойти гору справа. Несколько повозок попытались проехать, перевернулись, и сползли в кювет. В одном из фургонов было много коробок с одеждой. Мне хотелось взять одну, но, учитывая свою слабость, я не решился рисковать, опасаясь, что не смогу выбраться обратно. К счастью, один из медиков гарнизона Вильно оказал мне такую любезность и спустился вниз, а оттуда бросил мне одну из коробок, в которой я нашёл четыре красивых виссоновых[82] рубашки и несколько хлопковых брюк.

Я не менял рубашку с 5-го ноября, мои лохмотья кишели паразитами, так что я с восторгом положил все найденное в свой ранец.

Ещё я взял коробку с двумя превосходными киверами. Она была лёгкой, и я понёс её в руках. Я действительно не знаю, зачем взял её – вероятно, чтобы обменять на что-нибудь при первой возможности.

Я повернул налево по дороге, проходившей через густые заросли, перед тем, как вывести на главную дорогу. Эту тропу первыми проложили те, кто преодолели гору утром. Через полчаса, со стороны повозок до меня донеслись звуки плотного ружейного огня и крики солдат. Маршал Ней, видя, что все ценности нельзя спасти, распределял их между людьми, и одновременно сдерживал казаков.

Я заметил, что казаки заметно продвинулись с правой стороны. Там не было никого, чтобы задержать их, кроме нескольких человек, пытавшихся найти дорогу. Мне пришлось остановиться: мои ноги отказывались идти. Я сделал хороший глоток водки и напрягся изо всех сил. Наконец, я оказался в том месте на горе, от которого до дороги было уже недалеко. Пока я пытался определить правильное направление, снег подо мной внезапно осыпался – и я провалился вниз более чем на пять пье. Снег доходил мне до самых глаз – я чуть было не задохнулся. Я выбрался с большим трудом, совершенно изнемогший от холода.

В стороне стоял какой-то дом. Я заметил людей около него и вошёл. Там находилось около двадцати человек Гвардии, некоторые с сумками, набитыми пятифранковыми монетами. Некоторые из них, увидев меня, начали выкрикивать: «Кто хочет 100 франков за 20 франков золотом?» Но, не видя моего желания меняться, они обратились к другим. Просто тогда я больше думал, как выжить, а не о деньгах, потому и отказался. Ведь у меня имелось около 800 франков золотом и более 100 франков в пятифранковых монетах.

Я оставался в этом доме столько времени, сколько было нужно, чтобы закрепить кусок овчины на голове так, чтобы защитить уши, но у меня не было времени, на то, чтобы сменить рубашку. Я ушёл вслед за гружёными деньгами музыкантами, но те из них, кто нёс очень много груза, далеко не ушли.

Шум стрельбы приближался, так что пришлось ускорить шаг. Перегрузившиеся солдаты не могли идти быстрее – они выбросили пятифранковые монеты, со словами, что было бы

лучше оставить их в повозках, тем более что там было много золота, но просто не хватило времени, чтобы копаться в сундуках. Тем не менее, многие тащили целые мешки двойных наполеондоров.[83]

Пройдя немного вперёд, я увидел ещё людей с мешками денег, взятыми из фургонов. Самые слабые и отморозившие пальцы, просили других, кто шёл налегке, помочь нести мешки, взамен обещая поделиться с ними за помощь. Часто случалось так, что тем, кто мог поделиться деньгами с теми, кто мог понести их часть дороги, дать было нечего, поскольку те, кто не тащил эти мешки, просто отнимали их. Эти бедняги, так долго нёсшие эти деньги, и испытавшие столько страданий из-за них, считали себя счастливчиками, если им удавалось защитить своё добро, учитывая то, из-за груза они были слабее всех.

Я вышел на дорогу. Немного потеплело, я решил отдохнуть. Все ещё шли нагруженные деньгами люди, и те, кто постоянно отбивал атаки казаков. Арьергард остановился, чтобы пропустить людей и сани, часть из них везла раненых, а другие – бочки с деньгами. Сопровождающих колонну мародёров это не останавливало, а когда устроили бивуак для ночёвки, я уверен, что многие из них грабили повозки вместе с казаками.

Я медленно пошёл дальше. Навстречу мне шёл офицер Молодой Гвардии, очень хорошо одетый и в прекрасной форме. Я сразу узнал Принье, одного из моих друзей, восемь месяцев назад ставшего офицером. Удивлённый, что он идёт туда, откуда я шёл, я спросил его, окликнув по имени, куда он идёт. Он в свою очередь, спросил, кто я такой. От этого неожиданного вопроса своего товарища, с которым мы прослужили пять лет в одном полку, я не смог удержаться от слез. Принье не узнал меня – я так изменился и выглядел как нищий. Но мгновение спустя:

– Неужели, дружище, это вы? Как же вам не повезло!

Тут он протянул мне фляжку, висевшую у него на поясе (в ней было вино), и сказал:

– Возьмите.

Но, поскольку, я мог действовать только одной рукой, он поддержал меня левой рукой, а правой поднёс флягу к моим губам.

Я поинтересовался у Принье, встречал ли он остатки армии. Он сказал, нет, поскольку предыдущую ночь провёл на мельнице – недалеко от дороги, но, похоже, колонна уже прошла – он видел её страшные следы и несколько мертвецов. Принье только вчера узнал об обрушившихся на нас бедствиях, да и то без подробностей. Ему приказано присоединиться к армии и, таким образом, Принье находился на пути к ней.

– Но армии уже нет.
– А что это за стрельба?
– Это арьергард под командованием маршала Нея.
– Я должен присоединиться к арьергарду.

Перед расставанием Принье обнял меня, но заметил коробку и спросил, что в ней. Я ответил ему, что там военные головные уборы, он попросил один для себя – и я с большим удовольствием отдал ему коробку. Это было именно то, что ему было сейчас нужно, ведь он все ещё носил унтер-офицерский кивер.

Вино согрело меня. Я решил идти к следующему бивуаку. Через час после прощания с Принье я увидел костёр и нескольких егерей возле него. Я попросил у них разрешения погреться у огня. Не глядя на меня, они сказали: «Делай, как мы – иди и найди дрова, а потом разведи костёр».

Я ожидал такого ответа – ничего удивительного. Их – шестеро, а костёр маленький. И никакого другого укрытия от снега и ветра.

Я довольно долго стоял позади егерей, иногда наклоняясь вперёд и протягивая вперёд руки, чтобы хоть немного согреть их. Наконец, одолеваемый сном, я вспомнил о бутылке водки. Я предложил её егерям, они приняли предложение и уступили мне немного места у огня. Бутылка пошла по кругу, мы опустошили её, а потом я заснул сидя на ранце, уронив голову на руки. Я спал около двух часов, часто просыпаясь от боли и холода. Проснувшись, я решил приготовить рис в приобретённом у еврея котелке. Я собрал снега и смешал его с рисом. Ложки у меня не было, а поскольку в компании со мной был один из егерей, я высыпал весь рис в свой кивер, и так мы его ели. После еды я вернулся к ранцу и снова заснул, этой ночью было не очень холодно.

11-го декабря я проснулся задолго до рассвета. Увязал остатки еды в узелок и собрался уходить, ибо решил – если я не хочу умереть от голода и холода, как многие другие, я должен вернуться к своим товарищам. Я шёл до рассвета, иногда отдыхая у костров, у которых лежали мёртвые и умирающие. Утром, я повстречал нескольких солдат из своего полка, которые рассказывали мне, что они всю ночь прошагали со своими товарищами.

Чуть дальше, я встретил человека, с куском овчины на плечах. Он шёл медленно, опираясь на ружье. Поравнявшись с ним, я узнал в нем нашего ротного квартирмейстера. Он вскрикнул от удивления и радости, увидев меня, ведь ему сказали, что в Вильно меня взяли в плен. Бедняга Росси отморозил себе обе ноги, обмотанные кусками овчины. Он сказал мне, что не может идти быстро, отстал от полка, и что мои друзья очень волнуются за меня. Две большие слезы потекли по его щекам, и он заплакал со словами: «Бедная моя мама, если бы вы только могли видеть меня сейчас! Со мной все кончено. Я больше никогда не увижу Монтобан» – его родной город.

Я пытался утешить его, сказав, что у меня дела ещё хуже. До самого вечера мы шли вместе. Я часто останавливался из-за болей в животе.

Было около полудня, когда я предложил отдохнуть в ближайшей деревне. Мы вошли в один из домов и обнаружили там троих солдат, которые рассказали нам, что, будучи не в силах идти дальше, они решили умереть здесь. Мы предупредили их о судьбе, которая ждёт их, если они попадают в руки русских. Вместо ответа они показали нам свои ноги. Ничего более страшного, я даже не мог себе представить. Пальцев отсутствовало более половины, а остальные еле держались. Ноги были синего цвета, и, казалось, совершенно омертвели. Эти солдаты числились в корпусе маршала Нея. Может быть, проходя мимо, спустя некоторое время после нас, он спас их.

Мы приготовили немного риса, чтобы поесть прямо сейчас, а также поджарили немного конины про запас. Потом вышли, решив держаться вместе, но тут нахлынула огромная волна отставших, подхватила и понесла нас и, несмотря на все наши усилия, нас разлучили, и мы потеряли друг друга из вида.

Я оказался возле водяной мельницы. Там я увидел солдата,

который, пытаясь перейти через замерзший мельничный водяной канал, провалился под лёд. Несмотря на то, что воды было только по пояс, он не мог выбраться. Несколько артиллерийских офицеров, нашли верёвки, бросили ему, но он совершенно обессилел и не мог за них ухватиться. Он был все ещё жив, хотя замёрз и не шевелился.

Я узнал, что мой полк (если так его ещё можно было назвать), ночевал в Жижморах,[84] в пяти лье отсюда. Я решил, во что бы то ни стало, добраться туда, хоть на четвереньках, но как мне было тяжело! Я спотыкался и падал на снег от невероятной усталости и был уверен, что никогда не смогу подняться. К счастью, с того момента, как я потерял Росси, холод значительно уменьшился. Приложив нечеловеческие усилия, я добрался до деревни, не очень быстро, но я сделал все, что может сделать человек ради спасения собственной жизни.

Первое, что я увидел – большой костёр справа, напротив сгоревшего дома. Я поплёлся туда – и сильно удивился, увидев своих товарищей. Я шагнул к ним и упал почти без сознания.

Меня узнал Гранжье и поспешил с моими друзьями на помощь. Меня уложили на соломе. Уже в четвёртый раз я встречаю Гранжье после ухода из Москвы. У Серрариса, ротного лейтенанта имелась водка – он дал мне глоток, потом меня кормили бульоном из конины. Очень вкусным, подсоленным настоящей солью, а не порохом, которым мы обычно солили пищу.

Боль в животе вернулась с новой силой. Я позвал Гранжье и сказал ему, что думаю, причина боли в отравлении. Он растопил немного снега в маленьком чайнике и заварил мне привезённого из Москвы чая. Выпив несколько чашек, я почувствовал себя лучше.

Пришёл бедный Росси, такой же разбитый и уставший, как и я. С ним был сержант Байи, которого он встретил после расставания со мной. Тот самый сержант Байи, с которым я менял банкноты в Вильно, и с которым пил кофе у еврея. Байи тоже мучили боли в животе. Он спросил меня, как я, а когда я рассказал ему, как мне стало плохо после того кофе, он пришёл к выводу, что нас хотели отравить, или, по крайней мере, нанести ущерб здоровью.

Я устроился как можно удобнее на соломе у огня, но мои ноги болели так сильно, что я простонал почти всю ночь. Сквозь сон я слышал: «Он не сможет завтра идти». Я тоже так думал, и решил, как и многие другие, сделать последние распоряжения. Я позвал Гранжье и сказал ему, что со мной все кончено. Я умолял его передать моей семье несколько небольших вещиц, если он будет иметь счастье снова увидеть Францию – часы, крест, украшенный золотом и серебром и небольшую китайскую фарфоровую вазу. Крест и ваза хранятся у меня и сейчас. Я также хотел избавиться от всех наличных денег, кроме нескольких золотых монет, спрятанных в овчине, обмотанной вокруг моей ноги, в надежде, что если попаду в плен, русские не будут рыться в моих лохмотьях.

Гранжье внимательно выслушал меня а потом спросил, в бреду ли я это говорю, или во сне. Я сказал, что меня немного лихорадит, но сейчас я мыслю совершенно ясно. Гранжье устроил мне жёсткий выговор, напомнив мне о моей храбрости, проявленной в более ужасных ситуациях, чем эта.

– Да, – согласился я, – но тогда я был сильнее.

Гранжье говорил, что во время перехода через Березину, я, как и очень многие был болен, но всё-таки прошёл целых восемьдесят лье. Что касается тех пятнадцати, что остались до Ковно, они преодолеют их за несколько дней. Друзья приложат все свои силы и помогут мне. А в течение завтрашнего дня решено пройти только четыре лье.

– А посему, – сказал он, – постарайтесь отдохнуть и уложите вещи обратно. Я возьму только ваш котелок и понесу его. Другой сказал: «А я вот это возьму (набор хирурга), он слишком тяжёл для вас».

Между тем, Росси, лежащий рядом, заметил:

– Дружище, вас не бросят одного завтра утром. У нас общая судьба, потому что мне так же плохо, как и вам. После этого дневного перехода и я дальше идти не могу. Но когда придёт арьергард, мы сумеем присоединиться к нему, потому что у нас есть несколько лишних часов на отдых. Если не хватит сил идти с арьергардом, свернём направо. До первой же деревни или первого дома, который нам попадётся, и отдадим себя защиту барона или помещика. Возможно, он сжалится над нами и приютит до той

поры, когда нам станет лучше, и мы сможем дойти до Пруссии или Польши. Очень вероятно, что русские не пойдут дальше Ковно.

Я ответил, что сделаю все так, как он хочет. Серрарис, которого Гранжье поставил в известность о моих намерениях, пришёл утешить меня. Он сказал, что боль, от которой я страдаю – лишь следствие усталости от прошедшего дня. Он заставил меня лечь ближе к огню, а поскольку дров было много, мои друзья сделали костёр ещё большим. Этот костёр оказал на меня такое благоприятное воздействие, что боль постепенно оставила меня, и я спокойно проспал несколько часов. Бедняга Росси поступил так же.

В 1830-м году я получил должность штабного офицера в Бресте. В день приезда я сидел за столом в ресторане «Отель-де-Прованс» вместе с женой и детьми. За противоположным столиком сидел хорошо одетый человек и внимательно меня разглядывал. Иногда он прерывал еду и сидел, задумавшись, словно пытаясь что-то вспомнить. Потом он поговорил с хозяином отеля. Моя жена, сидевшая рядом со мной, обратила на это моё внимание.

– Да, – сказал я, – что человек заинтриговал меня и, если он подойдёт, я спрошу его, что это означает.

В тот самый момент человек встал, бросил салфетку и прошёл в офис регистрации приезжающих. Затем снова вернулся в обеденный зал и воскликнул:

– Это он, я не ошибся! (назвал моё имя) Это, действительно, вы, мой друг?

Я узнал его по голосу – и мы обнялись. Это был Росси, которого я не видел с 1813-го года – целых семнадцать лет. Он считал меня мёртвым, но и я думал о нем так же, поскольку после возвращении из тюрьмы я узнал, что его ранило под стенами Парижа. Эта встреча вызвала интерес у присутствовавших – их было человек двадцать – и нас попросили рассказать о наших приключениях во время Русской кампании. Мы согласились, и до полуночи сидели за столами, и пили шампанское в честь Наполеона. Неудивительно, что я сразу не узнал своего товарища, потому что тогда он был худым и стройным, а теперь я увидел его пополневшим и крепким, и волосы его почти все поседели. Росси

жил в Монтобане, и сейчас он богатый торговец.

Когда пришла пора отправляться, я решил не отставать – идти одному было нельзя. Гранжье и Лебуд поддерживали меня под руки, другие помогали Росси. Через полчаса мне стало лучше, но я все ещё не мог обойтись без помощи руки, а частенько и двух. Таким образом, ещё засветло, мы прибыли в маленькую деревушку, где решили переночевать. Жилых домов было мало и, хотя мы оказались первыми, нам пришлось спать во дворе. Совершенно случайно мы нашли много соломы, которой привыкли укрываться, но по злосчастной неосторожности она загорелась. Каждый спасался, как мог, у многих обгорела одежда. Квартирмейстер, велит Куше, пострадал больше всех – вспыхнула его патронная сумка – он полностью обгорел спереди. Что касается меня, то без помощи моих товарищей я бы, вероятно, сгорел, ведь я не мог двигаться самостоятельно. Меня взяли за ноги и плечи, и потащили к дому, где размещались генерал Роге и другие офицеры. Они прибежали, увидев пламя, подумав, что горит их дом. А потом поднялся сильный северный ветер и, поскольку мы остались без ночлега, нас отвели в дом генерала, состоявший из двух комнат. Мы заняли одну, тем не менее, более половины из нас были вынуждены провести стоя всю ночь. Все же, так было лучше, чем оставаться снаружи. В живых из нас остался только каждый четвёртый.

13-е декабря. До Ковно, по крайней мере, десять лье, поэтому генерал Роге отдал приказ выйти до рассвета.

Пошёл сильный град, и дорога моментально покрылась льдом. Если бы, как накануне, со мной рядом не было друзей, я наверняка бы там закончил свой жизненный путь в тот последний день пребывания в России.

С рассветом мы достигли подножия полностью обледеневшей горы. Как же невероятно трудно было на неё карабкаться! Мы держались группами, чтобы помогать и поддерживать друг друга. На этом марше готовности помогать друг другу было больше, чем раньше. Причиной, возможно, была надежда на близкий конец путешествия. Я помню, что, когда кто-нибудь падал, сразу раздавались крики: «Стоп! Там человек упал!» Сержант-майор нашего батальона кричал: «Эй, вы там! Я клянусь, что ни один из вас не пройдёт, пока тем двоим позади, не помогут встать и идти!» Благодаря его твёрдости и настойчивости многие были спасены.

С вершины горы было прекрасно видно, что склон очень крутой, а лёд такой гладкий, что никто не решался спуститься первым. Генерал Роге, некоторые офицеры, и несколько сапёров, которые шли впереди, поскользнулись и скатились вниз. Те, из поднявшихся, у кого ещё были силы, съехали вниз в сидячем положении, отталкиваясь руками, а самые слабые отдали себя на милость Божью, так сказать, – просто покатились как бочки. Я выбрал второй способ и, скорее всего, упал бы в овраг или утонул в снегу, если бы Гранжье, который ехал передо мной, не остановился, чтобы я врезался в него. Он вонзил штык в лёд, чтобы удержаться, а потом потихоньку двинулся дальше, притормаживая штыком. Таким образом, я достиг подножия весь в синяках и с ободранной до крови левой рукой. Генерал приказал остановиться, чтобы убедиться, что все прибыли – перекличка проводилась накануне вечером – к счастью никто не пропал. Все это происходило днём, и теперь мы увидели, что можно было обойти гору с правой стороны. Другие корпуса, которые следовали за нами, тоже без потерь преодолели гору. Этот переход так утомил меня, что я мог идти очень медленно, кроме того, не желая злоупотреблять добротой своих друзей, я попросил их вернуться в строй. Один из солдат нашей роты, однако, остался со мной – пьемонтец, по имени Фалоппа. Я не видел его в течение нескольких дней.

Те, кому посчастливилось сохранить своё здоровье, не отморозить ноги и идти во главе колонны, не был, как я, ежедневным свидетелем всех бедствий, например, страданий больных и раненых. Шедшие впереди не видели тех, кто падал позади них, а мы в арьергарде в течение долгого времени прошли мимо длинной вереницы мёртвых и умирающих солдат и офицеров из всех корпусов. Наши люди гибли ещё и от постоянных атак преследующего нас неприятеля.

Фалоппа чувствовал себя не лучше меня. Мы прошли вместе четверть часа, а потом он повернулся ко мне и сказал:

– А скажите-ка, сержант, если бы тут валялись те маленькие горшки с жиром, которые вы приказали мне выбросить в Испании, вы бы, наверняка, обрадовались, и мы сварили бы прекрасный суп!

Такое замечание он делал уже неоднократно. С ним связана одна довольно забавная история, сейчас я вам её расскажу.

После долгого марша в горах Астурии, нас расквартировали в Сан-Гильоме, маленьком приморском городке в Кастилии. Меня и моё подразделение поселили в правом крыле огромного здания суда.[85] В этой части здания жил всего лишь один пожилой человек. Семьи у него не было. Мы спросили его, можно ли где-нибудь купить масло или жир, чтобы приготовить суп и фасоль. Он ответил, что здесь ни у кого, даже за золото невозможно купить жир. После переклички я поручил Фалоппе готовить обед, а сам вместе с другим солдатом отправился на поиски масла или жира, однако, мы ничего не нашли. Первое, что сообщил нам Фалоппа после нашего возвращения – это то что, старый холостяк – негодяй.

– Почему? – спросил я.
– Посмотрите! – ответил он.

Фалоппа показал мне три горшочка, наполненные прекрасным, похожим на гусиный, жиром. Все воскликнули: «Так этот испанец перед нами нищим притворяется! Вот мошенник!» Наш повар сварил прекрасный суп и фасоль. Только мы уселись, чтобы поесть у огромного камина, похожего на вход в здание, как неожиданно вернулся испанец, закутанный в коричневую мантию и, увидев, что мы обедаем, наверняка был уверен, что мы наслаждаемся своей едой. Я спросил его, почему он не захотел продать нам жир. «Но, сеньор, – ответил он, – у меня просто нет жира. Если бы он был у меня, я с радостью отдал бы его вам без всяких денег!» Тогда Фалоппа достал один из горшочков и показал ему: «А это разве не жир, ты, испанский негодяй?» Увидев этот маленький горшок, испанец изменился в лице и застыл, как громом поражённый Мы заставили его отвечать, и он сказал нам, что это, конечно, жир, но это – «manteca de ladron» (жир преступников). Наш испанец, оказывается – городской палач, и то, что мы нашли и на чем сварили наш суп – это жир казнённых преступников, который он продавал для изготовления разных мазей.

Испанец едва успел закончить, как все ложки дружно полетели в его голову, но, всё-таки, ему удалось сбежать. Теперь уже никто из нас, даже самый голодный, не захотел есть и фасоль – суп-то, съели практически весь. Только Фалоппа продолжал обед, утверждая, что испанец солгал.

– Даже если это так, – говорил он, – суп был хорош, а фасоль

ещё вкуснее.

Сказав это, он предложил мне пробовать, но я почувствовал тошноту и отказался. Я подошёл к торговцу спиртным, стоявшим перед входом, и спросил его, у кого нас поселили. Торговец начал креститься, повторяя снова и снова: «Ave, Maria, purisima, sin pecado concebida!» («Радуйся, пречистая Дева Мария, без греха зачавшая!»). Он подтвердил, что этот испанец, действительно, является городским палачом. Некоторое время меня ещё мучили внезапные приступы тошноты, а Фалоппа спрятал оставшийся жир, сделав вид, что собирается снова использовать его для приготовления супа. Я приказал ему выбросить все эти горшки, и именно поэтому в России, когда у Фалоппы не было ничего съестного, он всегда напоминал мне об этой истории.

За полчаса ходьбы мы не потеряли из виду нашу колонну – это означало, что мы шли очень бодро. Должен сказать, что дорога начала улучшаться, но вскоре она снова обледенела, стало скользко. Холод пробирал нас до костей, мы прошли мимо нескольких умирающих, одетых в меховые шубы. Кроме того, крайнее истощение тоже играло немаловажную роль. Фалоппа падал несколько раз и, если бы меня не было рядом, он остался бы позади.

Дорога улучшилась – впереди мы видели длинную колонну. Мы удвоили наши усилия, чтобы догнать и присоединиться к ней, но безуспешно. Мы попали на какой-то хутор, состоявший из пяти или шести домов, некоторые из них горели, и мы остановились немного передохнуть. Подошли ещё несколько человек, многие, как нам показалось, идти дальше уже не могли. Некоторые лошади упали на снег и судорожно бились в предсмертной агонии. Фалоппа вырезал кусок из бедра одной из них, а затем, наколов его на кончик сабли, мы поджарили его на огне горящего дома.

Пока мы занимались этим делом, позади нам послышались звуки мощного артиллерийского огня. Более десяти тысяч несчастных в панике рассыпались по дороге. За нами шёл арьергард. Я думаю, что, маршал Ней намеренно стрелял для того, чтобы все эти бедняги думали, что русские уже за спиной, и таким способом заставить их прийти в Ковно в тот же день. Вот такой был один из эпизодов крушения Великой Армии.

Наше мясо ещё не совсем было готово, а мы решили

немедленно двинуться в путь, чтобы нас не поглотил этот новый поток бегущих.

До Ковно оставалось ещё шесть лье, а мы уже изрядно устали. Наверное, было часов одиннадцать, когда Фалоппа сказал:

– Сержант, мы не попадём туда сегодня – это слишком далеко. Мы никогда не выйдем из этой чёртовой страны, все кончено, я никогда не увижу свою прекрасную Италию!

Бедняга! Он оказался прав.

Примерно через час мы повстречали несколько групп по сорок – пятьдесят человек, более или менее укомплектованных офицерами и унтер-офицерами. Орлоносцы в центре строя несли полковых орлов. Казалось, они гордились тем, что даже в такой ужасной ситуации они в состоянии держать и охранять эту полковую святыню. Было видно, что они избегали смешения с беспорядочной толпой, чтобы держаться вместе и поддерживать строй и порядок.

Мы прошли столько, сколько смогли, с этими маленькими отрядами, приложив максимум усилий, но снова послышались ружейная стрельба и пушечный грохот. Отряд остановился по команде какого-то человека – никто не смог бы определить по его лохмотьям его чин и звание. Никогда не забуду тон его команды:

– Стойте, сыны Франции! Ещё один привал! Никто и никогда не скажет, что мы бежали, услышав гром пушек. Кру-гом!

И мгновенно все солдаты всех званий легли и, повернулись туда, откуда раздавалась стрельба. Мы же продолжали плестись дальше. Нам очень повезло, что именно в этот день было не очень холодно. Мы поскальзывались и падали раз десять, но если бы морозно было так же, как накануне, мы бы точно там остались.

Некоторое время спустя, после ходьбы в компании таких же отставших, как и мы, впереди показалась колонна, по-видимому, очень плотная, так как она то двигалась, то останавливалась и снова двигалась дальше. Похоже, что в том месте дорога сузилась – справа она упиралась в холм, а слева – в берег большой реки, я думаю, это был Неман. Там скопилась огромная толпа людей, вынужденных ждать, пока проедут повозки из Вильно – каждый хотел быть первым, бил и отталкивал другого, чтоб пройти –

царила страшная суматоха. Именно такой была главная задача – пройти первым. Многие вышли на лёд замерзшей реки, пытаясь обойти колонну справа. Тех, кто оказывался на самом краю берега, толпа сталкивала вниз – многие из них погибли – высота берега Немана тут, по крайней мере, пять пье.

Мы подошли к колонне слева, и нам пришлось поступить так же, как тем, кто пришёл раньше – ждать. Тут, случайно, мне встретился сержант-велит из нашего полка по имени Пумо, он предложил перейти через реку вместе с ним. Кроме того, говорил он, на другой стороне, мы найдём дом, где можно будет переночевать, а на следующий день мы легко доберёмся до Ковно.

– Оттуда, – сказал он, – не более двух лье.

Я принял его предложение, учитывая своё плохое самочувствие. А тут появилась надежда провести ночь в теплом доме с печью! Я приказал Фалоппе следовать за нами. Пумо первым спустился на лёд. Я двинулся за ним, съехав вниз на спине, но, пройдя немного по снегу, полностью покрывавшему реку, я увидел, что дальше идти нельзя. Я жестами приказал Фалоппе остановиться, поскольку только что заметил, что под снегом были только смёрзшиеся друг с другом крупные куски льда, образовывавшие пористую массу с большими провалами между отдельными крупными частями. Этот эффект вызвало, вероятно, резкое потепление, наступившее после сильного мороза.

Пумо, шедший на несколько шагов впереди меня, остановился, увидев, что я не двигаюсь с места, а затем присоединился к трём другим гренадерам Гвардии. С большим трудом все четверо достигли другого берега.

Я подошёл ближе к Фалоппе, от которого меня отделял только береговой склон, чтобы сказать ему, чтобы он шёл вдоль левого края колонны, а раз я уже на льду, то пойду по нему до окончания узкого участка дороги и подожду его там. Потом я присоединился к толпе, которая, то медленно двигалась, то останавливалась, кричала и переругивалась с людьми на берегу – те больше всего на свете боялись свалиться с берега.

Я уже преодолел три четверти пути, когда заметил, что река делает резкий поворот налево, а дорога, уже широкая в том месте, ведёт прямо. Я вернулся туда, где берег был не так крут,

но, обессилевший, имея только одну действующую руку, я безуспешно пытался выбраться наверх.

Я вскарабкался на нагромождение льда, не слишком надеясь на чью-то помощь. Я опирался левой рукой на ружье, а другую вытянул вперёд, чтобы тому, кто окажется ближе всех, было легче вытащить меня. Но мольбы мои были тщетны. Никто не отвечал мне, никто даже внимания на меня не обращал. Наконец, Бог сжалился надо мной. Когда толпа в очередной раз остановилась, я увидел старого солдата Императорской Гвардии, усы и борода его покрылись сосульками, а сам он был закутан в огромный белый плащ. Я обратился к нему тем же умоляющим тоном:

– Товарищ, прошу вас, ведь вы тоже, как и я, из Императорской Гвардии, дайте мне руку, и вы спасёте меня.

– Как, по-вашему, я дам вам руку? – сказал он, – мне нечего вам дать.

От такого ответа я чуть упал.

– Тем не менее, – продолжал он, – если вы сможете ухватиться за мой плащ, я попытаюсь вас вытащить.

Затем он низко наклонился, а я схватился за плащ. Я даже впился в него зубами и выбрался на дорогу. К счастью, в этот момент не было давки, иначе меня бы насмерть затоптали. Убедившись, что я в безопасности, старый гренадер посоветовал мне крепко ухватиться за него, что я и сделал, но с большим трудом, так как приложенные усилия, сильно ослабили меня.

Вскоре после этого колонна двинулась вперёд. Мы прошли мимо трёх мёртвых лошадей и фургона, рухнувших в реку. Именно они создали пробку на дороге. Наконец, дорога стала шире, и идти стало легче.

Затем появился Фалоппа, плача и ругаясь на итальянском, что не может идти дальше. Старый солдат спросил меня, что это за хнычущее как женщина, существо. Я ответил, что это оплот и защита Пьемонта.

– Он больше никогда не увидит сурков и медведей в родных горах, – сказал старый гренадер.

Я приободрил бедного Фалоппу, дал ему свою руку, и мы продолжили путь.

Было около пяти часов. До Ковно оставалось более двух лье. Старый гренадер рассказал о том, что пальцы он отморозил ещё до Смоленска. После ужасного перехода через Березину, он нашёл дом в Зембине и переночевал. В ту ночь все его пальцы отвалились один за другим, но с тех пор он страдал меньше, чем ранее. Его товарищ, до того момента никогда не покидавший его, ушёл по направлению к горе (Понари) близ Вильно, чтобы взять денег из брошенных фургонов. Назад он не вернулся.

Пройдя ещё полчаса, мы достигли небольшой деревни и зашли в один из уцелевших домов, чтобы отдохнуть и немного согреться, но остаться не смогли: дом был битком набит людьми, валявшимися на вонючей соломе, кричащих и обливающих руганью любого, кто к ним прикасался. Почти у всех них были отморожены руки и ноги. Пришлось довольствоваться конюшней, где мы встретили гвардейца из того же полка и эскадрона, к которому принадлежал и наш старый гренадер. У него была лошадь и, надеясь найти больницу в Ковно, он взялся помочь своему товарищу.

Мы прошли ещё полтора лье, и снова ударил мороз. Опасаясь, что станет ещё холоднее, я сказал Фалоппе, что надо идти, но бедняга сел на кучу навоза и отказывался встать. Я ругал и умолял его; мне удалось заставить его встать, а потом я вытолкал его из конюшни. На дороге я дал ему опереться на свою руку. От ходьбы мы немного согрелись и прошли приблизительно лье.

Во время небольшого отдыха в какой-то деревне, мимо нас прошло много отставших от армии. Все они были такие же, как и мы – жалкие и изнурённые. Некоторые ложились на снег – признак приближающейся смерти. Я постоянно ободрял и упрашивал Фалоппу:

– Мы уже почти пришли. Держитесь и будьте смелее.

Но он остановился, опустился на колени и опустил голову на руки. Я подумал, что он умер и присел рядом, изнемогая от усталости. Холод, пробирающий меня до костей, заставил меня сделать усилие, чтобы подняться снова, но, сказать по правде, это был приступ ярости – и я поднялся. Затем, схватив Фалоппу за

волосы, я усадил его – он с удивлением смотрел на меня. Убедившись, что он жив, я сказал ему:

– Смелей, мой друг. Мы уже недалеко от Ковно – я вижу монастырь.[86] Разве вы не видите его?

– Нет, сержант, – отвечал он, – я не вижу ничего, кроме заметающего меня снега. Где мы?

Я сказал ему, что мы недалеко от места, где можно будет переночевать и где есть хлеб и водка.

В этот момент по дороге проходили пятеро крестьян. Я попросил двоих из них за плату по пять франков каждому помочь привести Фалоппу в Ковно. Но, поскольку было поздно и холодно, возникли некоторые трудности. Я догадался, что крестьяне опасались обмана – они говорили по-немецки. Я достал из сумки две пятифранковые монеты и отдал им одну, обещая вторую после прибытия. Крестьяне согласились. А троих других я попросил вернуться к старому гренадеру, пообещав заплатить, и они тотчас ушли.

Крестьяне подняли Фалоппу, но бедняга не мог даже стоять. Они остановились, не зная, что делать. Тогда я показал им, как можно нести Фалоппу с помощью ружья, поддерживая сзади свободной рукой. Но этот способ тоже не помог. Тогда крестьяне решили, что один из них понесёт Фалоппу на спине, а второй понесёт ранец и ружье и, кроме того, поможет идти и мне. По пути в город, до которого оставалось не более половины лье, мы пять или шесть раз останавливались отдохнуть. В такие моменты крестьяне сменяли друг друга. Если бы потребовалось идти, хотя бы на четверть часа дольше, думаю, мы бы не дошли.

Между тем, основная часть отставших обогнала нас, но ещё очень многие, а также арьергард, оставались позади. Иногда раздавались звуки пушечной пальбы, которые казались нам последним вздохом нашей армии. Наконец мы пришли в Ковно по той дороге, которую знали наши крестьяне – наша колонна не шла по ней. Первый попавшийся дом оказался конюшней. Мы вошли. Крестьяне помогли нам поудобнее устроиться, но прежде чем отдать вторую пятифранковую монету, я попросил их принести немного дров и соломы. Они принесли и то и другое, даже развели нам огонь, потому что я просто не мог пошевелиться, а гляди на Фалоппу, можно было подумать, что он умер. Фалоппа молча сидел в углу, но иногда губы и брови его

двигались, а руки он поднёс ко рту – со стороны казалось, будто он что-то ест. Тепло огня, похоже, немного оживило его. Я расплатился с крестьянами. Перед уходом они принесли нам ещё дров и обещали вернуться. Поверив их обещаниям, я дал им пять франков, попросив принести мне немного хлеба, водки, и чего-нибудь ещё. Они обещали мне все это, но так и не вернулись.

Пока мы сидели в конюшне, в городе творились ужасные вещи. Остатки корпуса, пришедшие накануне вечером, не смогли найти мест для ночёвки, и разбили лагерь на улице. Они разграбили мучные склады и склады спиртного. Многие из солдат вдребезги напились и заснули на снегу, чтобы уже не проснуться. На следующий день я узнал – таким образом погибло более полутора тысяч.

После ухода крестьян, в поисках места пришло пятеро солдат, двое из которых принадлежали к нашему полку. Однако, узнав от солдат, идущих из города, что там есть мука и водка, двое решили пойти туда и попытать счастья. Они оставили свои ружья и ранцы, и ушли, но назад не вернулись. Вдобавок ко всем моим несчастьям, у меня не было в чем приготовить рис, так как мой котелок остался у Гранжье. Ни у кого из троих оставшихся не было ничего подходящего для готовки, и никто из них не проявил желания пойти поискать какой-нибудь котелок.

Вой ветра и доносящийся издалека грохот пушек смешивались с криками умиравших на снегу людей. Несмотря на то, что особо холодно не было, погибло очень много людей.

Здесь закончилось путешествие для очень многих – для тех, кто не был в Москве – гарнизонов Смоленска, Орши, Вильно, а также последних солдат армий генералов Виктора и Удино и дивизии генерала Луазона, которых мы встречали умирающими от холода по дороге в Вильно.

Со мной в этой конюшне у костра были и другие солдаты. Чтобы подкрепить себя, я съел кусок наполовину приготовленной конины – это был мой последний ужин в этой злосчастной стране.

Я попытался заснуть, но долго поспать не удалось, меня мучила сильная боль. Тем не менее, сон одолел меня, я задремал, но не помню, долго ли я спал. Когда я проснулся, я увидел, что трое солдат, прибывших после меня, готовились уходить, а до рассвета было ещё далеко. Я спросил их, почему они так рано

уходят. Они сказали мне, что хотят перейти в дом, где есть много соломы и хорошая печь. В этом доме жили мужчина, две женщины и четверо солдат из гарнизона Ковно.

Я тут же захотел пойти с ними, но не мог бросить старого друга. Посмотрев туда, где его усадили, я удивился, ибо его там не оказалось. Солдаты сказали мне, что уже больше часа Фалоппа бегает по конюшне на четвереньках, завывая по-медвежьи. Наш костёр приугас, а без света его трудно было бы найти. В конце концов, я сделал факел, и мы отправились на поиски Фалоппы.

Когда мы подошли к нему, он начал смеяться, рычать как медведь, бегать от одного к другому, и все это – на четвереньках. Иногда он что-то говорил, но по-итальянски. Я понимал – он воображал, что он на родине, в горах, играет с друзьями детства. Снова и снова, он звал своих отца и мать. Короче говоря, бедный Фалоппа сошёл с ума. Тем не менее, мне было необходимо уйти, чтобы осмотреть новую квартиру. Я позаботился о том, чтобы во время моего отсутствия с Фалоппой ничего не случилось. Мы потушили костёр и закрыли дверь. Придя на новую квартиру, мы увидели двоих солдат – они ели суп. Они выглядели очень неплохо, так как жили в Ковно с сентября.

Прежде чем улечься на соломе, я спросил хозяина дома, пойдёт ли он со мной, чтобы привести больного, за что я дал бы ему пять франков. Я достал и показал ему монету. Хозяин не успел и рта открыть, когда вмешались немецкие солдаты.

– Мы поможем бесплатно, – сказал один.
– И супом поделимся, – добавил другой.

Я выразил им свою благодарность, но заметил, что в таком деле мне было бы легче с французами. Солдаты взяли деревянный стул, чтобы нести больного на нем, а поскольку я двигался с трудом и очень медленно, помогали и мне. Я рассказал им о печальной судьбе Фалоппы, если бы он попал в руки русских.

– Как это, русских? – спросил один из солдат.

– Да, – сказал я, – русские казаки будут здесь, возможно, через несколько часов!

Эти бедняги думали, что мы пострадали только от холода и

нужды.

Мы нашли солдата из Пьемонта, лежащим у входа в конюшню. Его усадили на стул и принесли на новую квартиру. Во время укладывания Фалоппы рядом с печью, на подстилке из свежей соломы, он пробормотал что-то несвязное. Я пошёл к нему, чтобы попытаться понять, что он говорит. Но Фалоппа уже не узнавал меня.

Его лицо было все в крови, но это была кровь из его рук. Он кусал их или пытался съесть, его рот был забит соломой и землёй. Женщины сжалились над ним и обмыли его лицо водой и уксусом, а немецкие солдаты, стыдясь, что ничем ещё не помогли, раздели его. Его переодели в чистую рубашку, взятую из его ранца. Затем Фалоппу попытались напоить, но он не мог глотать. Через некоторое время мы обнаружили, что Фалоппа нагрёб руками солому на себя, словно желая прикрыться ею. Одна из женщин сказала, что это верный признак того, что ему скоро конец. Я сильно расстроился, ведь худшее было уже позади. Я сделал все, что мог, чтобы спасти его, он поступил бы точно так же. Мы пять лет прослужили в одной роте, он отдал бы жизнь за меня. Он доказал это неоднократно, особенно в Испании. Тепло комнаты оказало на меня более благотворное воздействие, чем я мог вообразить. Боль утихла, я проспал два или три часа – такого со мной не случалось с момента ухода из Москвы.

Меня разбудил один из солдат:

– Сержант, я думаю, пора идти, я слышу шум на улице. Мы должны собраться на площади, в соответствии с вчерашним приказом.

– А что касается вашего солдата, – добавил он, – представьте, что его больше нет, он умер.

Я приподнялся, чтобы посмотреть – женщины стояли рядом с ним. Та, что помоложе, вручила мне кожаный кошелёк с деньгами, сказав, что он выпал из кармана его шинели. Вероятно, там было около 25–30 франков прусскими монетами и ещё какие-то деньги. Я вернул все эти деньги женщинам и попросил ухаживать за больным до его последнего часа, который был уже близок, ибо он едва дышал. Они обещали мне не оставлять его.

Шум на улице усилился. Наступил день, но, через маленькие

окна с обледеневшими стёклами почти ничего не было видно, а небо, затянутое густыми облаками, предсказывало сильный снегопад.

Мы уже совсем были готовы к выходу, как вдруг услышали звук пушечной пальбы со стороны Вильно, и очень близко от нас. Крики и ругань смешались со звуками беспорядочной ружейной стрельбы. Мы слышали взрывы бомб и гранат. Предположив, что русские уже в городе, и что начался бой, мы взяли наши ружья. Два немецких солдата, никогда не слышавшие такого рода музыки, растерялись, но, тем не менее, присоединились к нам. Мы взяли ружья, принадлежавшие покинувшим дом накануне, и ружье Фалоппы. Все были хорошо нагружены, у нас было много пороха. Один из немецких солдат вспомнил, что у него есть бутылка водки и предложил нам, подумав, что, возможно, кто-то из нас хочет выпить. Водка подкрепила нас, а другой немецкий солдат дал мне кусок хлеба.

Один из них сказал мне:

– Сержант, предположим, мы отдадим одно из этих ружей этому вот, дрожащему у печи? Как вы думаете, он может убить человека?

– Без сомнения, – ответил я.

– Эй, ты, иди сюда! – сказал солдат.

Бедняга, не зная, чего от него хотят, подошёл к нам. Ему протянули ружье. Он посмотрел на него бессмысленным взглядом, но не притронулся к нему. Ружье повесили ему на плечо, он спросил, что ему теперь с ним делать. Я объяснил ему, что это нужно для того, чтобы убивать казаков. Услышав слово «казаки», он уронил ружье. Его поднял другой солдат, сунул ему в руки и пригрозил, что если тот не будет стрелять в казаков, то будет заколот штыком. Несчастный дал нам понять, что если русские узнают, что он местный житель, его убьют. Во время этого обсуждения из другой половины комнаты послышался женский плач – только что скончался Фалоппа.

Солдаты взяли шинель Фалоппы и заставили хозяина надеть её. Менее чем за две минуты он был полностью экипирован – шапка на голове и сабля с патронной сумкой на поясе. Он бы даже самого себя не узнал.

Эта сцена происходила в то же время, когда обе женщины оплакивали умершего – возможно, ради денег, которые я дал им. Поэтому они не знали ещё, как изменился их мужчина.

Шум на улице усилился. Мне показалось, я слышу голос генерала Роге – это действительно был он – генерал ругался и осыпал ударами всех без разбора, офицеров, унтер-офицеров, рядовых, чтобы заставить их шевелиться. Он входил в дома и заставлял офицеров осматривать их, чтобы убедиться, что в доме не осталось ни одного мужчины. Он правильно делал, и это, пожалуй, самый лучший способ добывать солдат, какой я когда-либо видел. Конечно, раздача пинков и тумаков давалась ему легче, чем распределение хлеба и вина, которым он занимался в Испании.

Я заметил пехотинца, прислонившегося к окну – он примыкал штык к своему ружью. Я спросил его, в городе ли русские?

– Нет, нет, что вы… Разве вы не видите, как грубо генерал Роге бьёт всех своей палкой? Пусть только попробуют! Я жду их…

Мы ещё не вышли из дома, и тут я у входной двери увидел адъютанта – майора Рустана. Он заметил меня и воскликнул: «Ну, что ты там делаешь? Вон оттуда! Никого не останется в доме, независимо от того, из какого он полка – у меня приказ, он всех касается!

Мы вышли, но хозяин дома, о котором мы забыли, естественно остался и закрыл дверь. Адъютант-майор заметил это движение и предположил, что это солдат, который хочет спрятаться. Он распахнул дверь, вошёл в дом, и приказал новому солдату выйти, иначе он его сам выкинет наружу. Мужчина молча смотрел на него. Адъютант-майор схватил его за пояс и вытолкнул на улицу. Бедняга сопротивлялся и пытался что-то объяснять на своём языке. Его не слушали: адъютант-майор, думая, что он так реагирует просто потому, что ему не дали времени, чтобы забрать ранец и ружье, вернулся в дом, взял то и другое и принёс их. В доме он увидел мёртвого мужчину и двух плачущих женщин, а потому, выходя, громко произнёс:

– Этот негодяй не так глуп, каким хочет казаться – он хотел остаться, чтобы утешать вдову. Он похож на немца. Из какой же он роты? Я его не помню.

Но на слова адъютанта никто не обратил никакого внимания – у каждого было о чем подумать. Жена услышала голос мужа и прибежала к двери. Её муж заговорил с ней, но она его не узнала. Этот человек оказался среди нас, и ничего уже нельзя было изменить. Она же, не могла даже вообразить, что литовцу, подданному Российской империи оказана честь стать солдатом Императорской Гвардии Франции, уходящему не ради славы, но ради страданий. Все дело заняло менее десяти минут. Я подумал о том, что бедняга, наверняка, чувствовал себя очень неуютно среди нас.

Мы отправились, но очень медленно. Мы прошли по переулку, где лежали тела нескольких солдат, умерших ночью от огромного количества выпитой водки и переохлаждения. В городе таких было гораздо больше.

Между тем, мы достигли места, откуда к мосту через Неман ведут две улицы. Мы шли бодро и через несколько минут оказались на берегу. Там мы увидели несколько тысяч спешащих и толкающих друг друга людей. Поскольку мост был узок, очень многие сошли на лёд, оказавшийся, правда, недостаточно прочным, чтобы выдержать такую массу людей. Он представлял собой только куски льда, слегка подтаявших, и снова замерзших. Несмотря на риск утонуть или покалечиться, каждый пытался перейти реку как можно быстрее, надеясь, что на той стороне он будет в безопасности. Позднее мы поняли, как мы ошибались.

В ожидании приказа, полковник Бодлен – командир нашего полка, приказал офицерам удерживать людей от перехода реки по одному. Нас было около шестидесяти – все, что осталось от двух тысяч! Мы собрались вокруг полковника. Он с грустью окинул взглядом остатки своего прекрасного полка, возможно испытывая противоречивые чувства – пять месяцев назад мы прошли по этому мосту в составе великой и блестящей армии, а теперь от полка практически ничего не осталось! Чтобы подбодрить нас, он обратился к нам с речью. Я, боюсь, слушал не очень внимательно.

– Сыны Франции! Я не призываю вас быть храбрыми – я знаю, сколько у вас мужества. В течение тех трёх лет, что я был с вами, вы проявляли исключительное мужество при любых обстоятельствах, особенно во время этой страшной кампании, во всех битвах и испытаниях через которые вы прошли. Но, помните, чем больше страданий и опасности, тем больше славы и чести, и

тем больше награда тем, кто нашёл силы, чтобы пройти через них.

Затем он спросил, сколько людей присутствует. Я воспользовался этой возможностью, чтобы доложить Серрарису, что Фалоппа умер сегодня утром. Он спросил меня, уверен ли я в этом, а я ответил, что видел, как он умирает, и что адъютант-майор Рустан тоже видел его.

– Кто – я? – переспросил адъютант-майор. – Где?

– Там, в доме, где вы приказали мне выйти, иначе, как вы сказали, сами войдёте и выгоните из дома всех.

– Правда, – подтвердил он, – я видел мёртвого человека на соломе, но это был хозяин дома, ведь возле него плакала женщина.

Я сказал ему, что тот, кого выгнали на улицу, был настоящий муж и хозяин дома, а мёртвый человек на соломе – Фалоппа. Мы попытались найти нашего беднягу хозяина, но тот, наверное, сбежал.

Пока мы отдыхали, пришедшие раньше, переходили реку по мосту или по льду. Мы пошли вперёд, и перешли реку, но дальше идти было невозможно – дорога поднималась вверх по склону, и на этом крутом подъёме оказалась заблокирована повозками и фургонами. Порядок был окончательно уничтожен. Каждый шёл, как хотел. Некоторые из моих друзей взяли меня с собой, и мы пошли по левой стороне дороги. Отойдя от моста шагов на тридцать, мы начали подъем. Я шёл позади Гранжье, который к моему счастью опять был со мной, и который заботился обо мне гораздо лучше, чем о самом себе. Гранжье пробивал проход в снегу передо мной, выкрикивая на своём овернском диалекте:

– Вперёд, petiot (малыш), держитесь за мной!

Но «малыш» еле ноги волочил.

Гранжье прошёл уже три четверти пути вверх по склону, я же – только треть. Он остановился и, опершись на своё ружье, подавал мне знаки, что ждёт меня. Но я так устал, что не мог идти. Наконец, силы окончательно покинули меня, я упал и скатился на лёд замерзшего Немана.

Я не ушибся, но плечи болели, а кусты, через которые я пролетел, до крови расцарапали моё лицо. Я встал, даже не выругавшись, как будто для меня это было нечто совершенно естественное. Я уже настолько привык к страданиям, что удивить меня уже было нечем.

Потом я подобрал ружье и попытался вернуться назад, но не смог. Тут я подумал, а нельзя ли пройти, если пролезть под повозками. Хромая и спотыкаясь, я поплёлся туда. Дошёл до первой повозки и увидел гренадеров и пехотинцев Гвардии, которые усевшись на колеса, вынимали из фургона мешки с деньгами. У меня не было желания присоединиться к ним – я хотел только пройти. Вдруг я услышал крик: «Казаки! К оружию! К оружию!» За криком последовало несколько ружейных выстрелов.

Ни один из гренадеров и егерей обратил на это никакого внимания: из фургона торчали только ноги. Я потянул одну из них – её владелец выглянул и спросил, есть ли у меня деньги. Я ответил:

– Нет, но зато есть казаки.

– И только то? – спросил он, – но мы не собираемся отвлекаться и делиться с этими зверями нашими деньгами. Кто-то из них желает? Я дам!

И он сбросил на землю две большие сумки пятифранковых монет. Это привлекло и других идущих, а когда я услышал слова «jaunets»[87] и «сорокафранковик», я понял, что они только что нашли золото.

Я забрал ружье одного из гренадеров (дуло моего ружья забилось снегом), занятых выгрузкой золота, своё оставил и вернулся к мосту.

Первый, кого я встретил у моста, был капитан тиральеров Гвардии Дебонне. Я уже упоминал о нем раньше. С ним были его лейтенант и рядовой – вся его рота! Остальные, как он выразился, испарились. Он вёл с собой казацкого коня и не мог пройти через толпу. Я рассказал ему о своём жалком состоянии. Вместо ответа Дебонне дал мне большой кусок смоченного в водке белого сахара. Затем мы расстались, он пошёл по льду через Неман, а я,

покусывая сахар, решил попробовать ещё раз. Вдруг я услышал, что меня кто-то зовёт. Это был Гранжье – он вернулся назад и все это время искал меня. Он спросил, почему я не пошёл за ним, я же объяснил, почему так вышло. Затем он пошёл впереди, а я шёл сзади, держась за дуло его ружья. С помощью Гранжье и куска сахара я одолел эту часть дороги.

Там нас ждали наши товарищи – сержант-майор Лебуд, сержант-майор Удит, сержант-майор Пьерсон и сержант Потон. Остальные тоже переходили Неман, разбившись на небольшие группы. Мы были уверены, что в Пруссии нам станет легче и, понемногу, к нам начало возвращаться былое равнодушие друг к другу. С того места, где мы находились, была видна дорога в Вильно и другие дороги, по которым на Ковно шли русские, но маршал Ней с горсткой людей все ещё продолжал сдерживать их. Тяжело опираясь на сосновую палку, к нам шёл какой-то человек. Подойдя ближе, он воскликнул: «Ах, per Dio santo! Я не ошибаюсь: это друзья!»

Мы посмотрели на него, и по голосу и акценту узнали Пеллисетти, миланца, бывшего велита-гренадера. Три года назад он покинул Императорскую Гвардию, чтобы стать офицером армии короля Италии. Бедный Пеллисетти! Только по остаткам его головного убора можно было догадаться, к какому корпусу он принадлежал. Он рассказал нам, что трёх или четырёх домов было бы достаточно, чтобы вместить все остатки армии принца Евгения. Он ждал одного из своих друзей, у того был казацкий конь, везущий его небольшой багаж. Они потеряли друг друга при выходе из Ковно.

14-е декабря, часов девять утра, пасмурно, не очень холодно и без снега. Мы просто шли вперёд, не имея ни малейшего представления, куда идти, но на дороге нам попался большой указатель, информировавший солдат из различных корпусов по какой дороге они должны следовать.

Мы пошли по дороге, предназначенной для Императорской Гвардии, но многие не обращали на этот указатель никакого внимания. Пройдя несколько шагов, мы увидели пятерых или шестерых несчастных, измождённых, похожих на призраки, с окровавленными руками. Они пытались выкопать из-под снега сухари, выпавшие из только что разграбленного фургона.

Мы шли примерно до трёх часов дня. Сержанту Потону было

очень плохо, поэтому мы прошли всего лишь три лье.

Справа, в четверти лье, мы заметили деревню и решили там переночевать. Там мы обнаружили двоих солдат, которые только что зарезали корову у входа в конюшню, поэтому мы решили там остановиться. Крестьянин – владелец коровы, пришёл, чтобы собственноручно отрезать нам нашу долю, и для того, чтобы сохранить как можно больше мяса. Он развёл костёр и поставил греться два котла воды. Чистая солома и хороший костёр – давно мы не были так счастливы! Мы поужинали и пошли спать.

Я лежал рядом с Потоном, который все время стонал. Я спросил его, в чем дело. Он сказал:

– Мой дорогой друг, я уверен, что не смогу идти дальше.

Не зная причины, почему он так сказал (о том, что он серьёзно болен, никто не знал), я утешал его, говоря, что после отдыха ему станет гораздо лучше, но вскоре с ним случился новый приступ лихорадки, и всю ночь Потон кричал и плакал в бреду. Несколько раз этой ночью я видел, как он что-то писал в своей записной книжке, иногда вырывая и выбрасывая листы.

Я спокойно спал, когда почувствовал, что кто-то тянет меня за руку. Это был бедняга Потон.

– Дорогой друг, я никак не смогу уйти отсюда – даже шага сделать не смогу – поэтому прошу вас оказать мне большую услугу. Я рассчитываю на вас, если вам повезёт снова увидеть Францию. А если вам это не удастся, попросите Гранжье, которому я тоже доверяю, исполнить мою просьбу.

– Вот, – продолжал он, – несколько писем, которые надо переслать моей матери по указанному адресу в сопровождении письма, в котором вы расскажете, как мы расстались с вами, однако, не лишайте её надежды увидеть меня снова. А это – серебряная ложка, возьмите её – она гораздо лучше, чем та, которую вы взяли у казака.

Затем он вручил мне небольшой пакет с бумагами, повторив ещё раз, что рассчитывает на меня. Я обещал ему выполнить все, о чем он меня просил, но у меня даже мысли не возникало, что мы можем бросить его.

15-го декабря во время подготовки к выходу я рассказал друзьям о своём разговоре с Потоном. Они решили, что он либо совсем упал духом, либо сошёл с ума. Все шутили и посмеивались над ним.

Вместо ответа бедняга Потон показал нам две большие грыжи, которые появились у него вследствие многократных попыток вскарабкаться по крутой дороге в Ковно. И только теперь мы поняли, что он действительно не сможет идти. Сержант-майор Лебуд решил, что неплохо было бы оставить его на попечение хозяина дома, но перед тем, как сделать это (ведь у Потона было много денег в золотых монетах), мы зашили монеты под поясной лентой его брюк. Потом позвали хозяина, а поскольку тот говорил по-немецки, трудностей при разговоре не возникало. Мы предложили ему пять пятифранковых монет, пообещав, что он получит вчетверо больше, а, возможно, ещё больше, если позаботится о нашем больном товарище. Крестьянин обещал это, поклявшись Богом, и заверил, что даже сходит за врачом. Наступило время прощаться.

Перед самым уходом я обещал Потону помнить о его просьбе, каждый обнял его, и мы пошли. Не знаю, сдержал ли крестьянин своё слово, но я никогда больше не слышал о Потоне. По общему мнению, он был отличным парнем, настоящим товарищем, имел хорошее образование – редкая вещь в то время. Он был бретонским дворянином, принадлежал к одной из лучших семей страны.

Я точно и аккуратно выполнил свою миссию. Тотчас по прибытии в Париж в мае месяце, я выслал пакет по указанному адресу. В нем было его завещание и трогательное поэтическое прощание, которое он написал во время очередного приступа лихорадки. Вот оно:

«Adieu, bonne mère,
Mon amie,
Adieu, ma chère,
Ma bonne Sophie!
Adieu, Nantes, où j’ai reçu la vie,
Adieu, belle France, ma patrie,
Adieu, mère chérie:
Je vais quitter la vie —
Adieu!»

«Прощай, милая мама,
Мой друг,
Прощай, моя милая,
Любимая Софи!
Прощай Нант, где родился я,
Прощай прекрасная Франция – родина моя,
Прощай, милая мама:
Я умираю —
Прощай!»

(перевод мой. – В.П.)

* * *

Я посвятил несколько лет своему дневнику о Русской кампании, точнее говоря, сидя в тюрьме в 1813 году я приводил в порядок свои мысли и делал заметки. Мной овладела болезненная, навязчивая мысль – она, как тяжёлая болезнь, терзала и мучила меня – я никак не мог поверить в то, что все, что я видел и пережил с таким мужеством и терпением в этой страшной кампании, происходило на самом деле.

И, тем не менее, когда падает снег, и я сижу со своими друзьями – бывшими солдатами Империи – среди которых есть и те, кто служил в Императорской Гвардии, и те, кто, как и я, прошли через ту незабываемую кампанию – все мы во власти наших воспоминаний. Яркие и неизгладимые впечатления останутся с нами навсегда. Мы с гордостью рассказываем о наших славных походах.

Сегодня я получил от своей мамы несколько писем, которые я писал ей во время этой кампании. Мне казалось, они были утеряны, но теперь я опять вдохновлён и уверен в себе. Кроме того, мне помогают мои друзья, которым я обещал закончить этот труд. Что касается меня, он даст мне возможность жить и после моей смерти. Однажды, возможно – кто знает? – эти мои мемуары, хотя и не литературный шедевр, будут кому-нибудь интересны. Ведь, несмотря на то, что великих гениев уже нет среди живых, их имена помнят, и будут помнить вечно. Именно поэтому я, собрав все своё мужество, продолжаю работу. А потом, когда меня не станет, мои внуки, прочитав мемуары своего деда, скажут: «Наш дедушка участвовал в великих битвах вместе с самим Императором Наполеоном!» Они узнают о том, как в Испании, он лихо расправлялся с пруссаками, австрийцами, русскими и англичанами. Как в Испании, так и в других странах. Они также увидят, что их дед не всегда возлежал на постели из роз и, хотя он не был самым лучшим католиком Франции, они узнают, что он часто постился и неоднократно постился по праздникам!

* * *

15-го декабря в семь часов утра мы оставили конюшню,

вернулись на дорогу и шли до указателя, где устроили небольшой привал.

Мой маленький медный котелок по-прежнему был у Гранжье. Чтобы его не украли, он привязал его спереди к поясному ремню. Гранжье вернул его мне, предвидя, что если я снова отстану, то котелок может мне пригодиться. Гранжье крепко привязал котелок к моему ранцу.

Небо было ясным, но не очень холодно. Людей на дороге встречалось немного, из чего мы сделали вывод, что накануне вечером большинство беженцев ушли с дороги и разбрелись в разных направлениях.

Мы видели толпу каких-то людей, идущих в Ковно, но не смогли определить, французы они или русские – так и не разобравшись в этом, мы продолжали наш путь.

Целый час я шёл довольно бодро, но потом снова начались боли в животе и я остановился. Это все ещё были последствия моего отравления в Вильно.
Я допил остатки бульона, которым ужинал накануне и завтракал перед выходом.

В общем, я отдыхал приблизительно до трёх часов дня. Потом я решил дойти до ближайшего леса и переночевать.

Я уже был от леса на расстоянии ружейного выстрела, когда справа от дороги увидел дом, большой костёр, и множество солдат из разных корпусов, расположившихся вокруг него. Большинство из них принадлежали к Императорской Гвардии. Я остановился, чтобы погреться и немного передохнуть. Один из солдат предложил мне присоединиться к ним. Я с радостью принял предложение.

Холод был вполне терпимым в течение всего дня, вокруг было так тихо, что мы почти не думали о противнике, но некоторые, подъехавшие с правой стороны от дороги, сообщили нам, что они только что видели каких-то всадников и абсолютно уверены, что это русские.

– А хотя бы и сам дьявол, – ответил старый егерь Гвардии, – это не помешает мне создать здесь свою штаб-квартиру! Друзья, делайте, как я – зарядите ружья и примкните штыки.

Как он сказал – так мы и поступили.

– А потом, – добавил егерь, – мы сможем отступить в лес. По-моему, этот план самый правильный!

Сказав это, он подошёл убитой лошади, лежавшей недалеко от костра, вырезал кусок мяса, вернулся, спокойно уселся на своём ранце и принялся жарить мясо, насадив его на острие сабли. Более двадцати солдат тоже жарили мясо – одни сидели на своих ранцах, а другие просто на коленях.

Напротив егеря, на ранце, задумавшись, подперев голову рукой, сидела женщина. В серой солдатской шинели поверх старого и дырявого шёлкового платья. На голове – овчинная шапка, подвязанная рваным шёлковым платком. Егерь обратился к ней со словами:

– Послушайте, Матушка Мадлен!

Она не ответила. Другой человек, сидящий рядом, толкнул её:

– К вам обращаются, Матушка.

– Ко мне? – спросила она, – меня зовут Мари. Что вам угодно?

– Покрепче чего-нибудь, сейчас самое время.

– Чего-нибудь покрепче! Вы же прекрасно знаете, что меня ничего нет.

И она вернулась на своё место.

У другой женщины, сидящей у костра, на голове был чепрак с красной окантовкой. Он ниспадал ей на плечи, а вокруг шеи был перехвачен шнуром от медвежьей гренадерской шапки. Одета она была в синюю гренадерскую шинель. Услышав вопрос егеря, она подошла и спросила, кто хотел спиртного.

– Ах! Это вы, Матушка Гато? – ответил солдат, – да, это я хочу выпить. Я – Мишо. Осмелюсь предположить, вы удивлены увидеть меня. Будь я проклят, если кто-то более меня удивлён встретить

вас снова, да ещё и в таком чепраке на голове, как у вас! Ещё до перехода через Березину, я думал о вас, Матушка Гато, но я полагал, что вороны давно уже сделали жаркое из вашей старой туши!

– Вот негодяй, – отвечала Матушка Гато, – они съедят вас раньше, старый пропойца!

– Ах, – продолжала она насмешливо, – вы и в самом деле хотите выпить? Вы три месяца ничего не пили, но, похоже, в Вильно, а вчера в Ковно, вы приняли хорошую дозу – вот почему вы сегодня такой говорливый. Одно только меня удивляет – что ты не умер от перепоя, как другие, которых мы видели на улице. Погибло так много храбрых молодых солдат, а этот бездельник и плохой солдат до сих пор жив!

– Придержите язык, Матушка Гато! – ответил старый солдат. – Можете называть меня как угодно, но только не плохим солдатом! Halte-la!

Хихикая и посмеиваясь, он продолжал есть кусок конины, от которого немного отвлёкся, чтобы ответить старой маркитантке.

А та все не унималась:

– В течение двух лет он злится на меня, с тех самых пор, когда я отказала ему в кредите для поступления в военное училище. Ах, если бы не погиб мой бедный муж, если бы это подлая граната не разорвала его надвое под Красным…

Она замолчала.

– Это был не ваш муж! Вы не были замужем!

– Не замужем! Не замужем! Я была с ним почти пять лет, со времён битвы при Прейсиш-Эйлау, и я не замужем?! Что вы на это скажете, Мари? – обратилась она к другой маркитантке.

Но Мари, чей брак был того же сорта, что и у Матушки Гато, промолчала.

Солдат спросил Матушку Гато, была ли она у повозок у горы возле Вильно.

– Ах! – отвечала она, – если бы я была хоть чуточку сильнее, уж я не упустила бы такой шанс. Я подобрала несколько монет, но они принесли мне счастья. Среди негодяев, для которых нет ничего святого, мы, женщины, никогда не можем чувствовать себя в безопасности. Вечером, после перехода через ту гору, я пришла на бивуак. У меня оставалось немного водки, которую я везла из Вильно. Я заплатила ей за место у костра и улеглась, а рядом спали двое солдат из нашего полка, а точнее – два вора, – и они украли половину всех моих денег. По счастливой случайности, я лежала на кармане, куда они не могли добраться. Доверяй теперь людям после этого! К счастью, у меня хватает денег, чтобы добраться до Элбинга. Когда-нибудь мы соберёмся с силами и начнём новую кампанию. Мне не нужна повозка, теперь у меня будет две лошади с корзинами на спинах. Наверняка тогда нам повезёт больше. Что скажешь, Мари?

Но Мари снова ничего не ответила.

– У Мари, – сказал старый солдат, – в этом году было два мужа, а если она полюбит меня, я женюсь на ней и стану третьим.

– Ты! Ты, старый негодяй! – сказала Матушка Гато. – Она тебе не пара!

Егерь подошёл к Мари и предложил ей кусочек конины. Мари взяла его со словами:

– Спасибо, mon vieux!

– Ну, вот, все улажено, – продолжал егерь. – Вернёмся в Париж, и я женюсь на тебе. Я сделаю тебя счастливой.

Мари вздохнула:

– Как вы можете так шутить над несчастной женщиной?

– То, что я только что сказал, – ответил старый егерь, – не шутка, и, чтобы доказать это я, совершенно искренне и от всего сердца предложу Матушке Гато то же, что я только что предложил вам – немного «лошадки» на моем большом пальце.[88]

Сказав это, он шагнул вперёд, но Матушка Гато сердито посмотрела на него и сказала:

– Идите к черту! Мне от вас ничего не надо.

Услышав такие слова от Матушки Гато, Мари подняла голову и сказала, что сейчас не время ссориться. Потом она посмотрела на меня.

– Я не ошиблась? – спросила она, обращаясь ко мне по имени.– Mon pays, это вы?

– Да, Мари, это я.

Только сейчас я узнал её – по голосу, а не по лицу. Холод, лишения, и дым бивуачных костров сделали её неузнаваемой. Это была Мари, наша бывшая маркитантка, которой, я полагал, уже нет в живых, и чью опустошённую повозку с двумя умирающими я видел в ночь на 22-е ноября. Вот её история:

Мари родом из Намюра, потому она и назвала меня земляком. Её муж – из Льежа, учитель фехтования, но не самый лучший. Мари относилась к тому сорту людей, которые думают не только о себе – она всегда делилась своим добром с солдатами – и с теми, у кого имелись деньги, и с теми, у кого их не было.

В каждой битве она показала себя преданным, надёжным товарищем, всегда стремилась помочь раненым. Однажды она сама была ранена, но это не остановило её – она продолжала делать своё дело под мощным ружейным огнём и свист картечи. Кроме того, Мари была довольно красива, имела много друзей, да и её муж не относился к разряду ревнивцев.

В 1811 году, когда мы стояли лагерем в Алмейде (Португалия), за несколько месяцев до Русской кампании, бедняга решил заняться грабежом в соседней деревне. Он зашёл в какой-то дом и взял часы, не стоившие и двадцати франков. Но он совершил ещё большую глупость, когда принёс их в лагерь – его тотчас же арестовали. С мародёрством боролись самым серьёзным образом. Генерал Роге – наш командир и председатель военного суда, приговорил его к расстрелу. Приговор должно было привести в исполнение в течение двадцати четырёх часов. Таким образом, Мари стала вдовой. Однако в полку, особенно во время кампании, если женщина недурна собой, без мужа надолго не остаётся, поэтому по истечении двухмесячного траура Мари снова вышла замуж так, как это обычно бывает в армии.

Спустя несколько месяцев её новый муж стал унтер-офицером Молодой Гвардии, и она уехала в полк вместе с ним, а с нами до своего отъезда она была в течение четырёх лет.

В России её постигла судьба всех маркитантов армии: она потеряла лошадей, повозки, деньги, меха, а также своего защитника. Ей же удалось вернуться на родину. Четыре с половиной месяца спустя, в битве при Лютцене, 2-го мая 1813 года, мы опять встретились. Её ранило в правую руку, когда она подавала пить больному солдату.

Позже я узнал, что Мари вернулась во Францию и принимала участие в событиях «Ста дней». Её взяли в плен во время битвы при Ватерлоо, но она являлась бельгийской подданной – вскоре её освободили.[89]

Я спросил у Мари, где её муж.

– Вы же прекрасно знаете, – ответила она, – что он убит под Красным. (Я в первый раз об этом услышал). Он был хорошим человеком, мне очень его не хватает.

Она погрустнела и опустила голову. Но через секунду она подняла её снова, а поскольку я все ещё смотрел на неё, она посмотрела на меня с улыбкой, но это была невесёлая улыбка. Я спросил её, о чем она сейчас думает.

– О еде, конечно, не трудно догадаться. Раньше у меня был друг, который приносил еду. Теперь я ем, если кто-нибудь делится со мной, или когда мне удаётся что-нибудь найти. А это случается очень редко. А вот пить надо обязательно.

С этими словами она взяла горсть снега и поднесла ко рту. Потом она с трудом поднялась, собираясь идти. Она подала мне руку и сказала: «Прощайте». Я видел, как она измучена от усталости и нужды – она шла, опираясь на палку. Матушка Гато последовала за ней, в своей овчинной шапке, ругаясь и ворча сквозь зубы. Я думаю, что она все ещё вспоминала свой разговор со старым егерем.

В тот момент нас было, наверное, около сорока человек, но люди прибывали непрерывно. Я встретил Амбло, одного из наших сержантов. Он спросил, что я тут делаю. Я ответил, что решил отдохнуть немного, а учитывая, что скоро ночь, решил, что лучше

продолжу свой путь завтра.

Амбло заявил, что погода хорошая, а значит, для меня было бы лучше всего идти через лес. По ту сторону леса, говорил он, можно найти дом и переночевать в нем. А вот на следующий день мы могли бы пойти в Вирбаллен,[90] небольшой городок, в трёх или четырёх лье оттуда. Там мы встретимся с нашими товарищами и приобретём все, в чем мы нуждаемся. Он говорил так убедительно, что я взял ружье, ранец и отправился вместе с ним. По дороге Амбло сказал мне, что, хотя мы и в Померанской Пруссии, он не так глуп, чтобы идти одному или отставать, поскольку несколько тысяч казаков уже перешли Неман на льду.

Затем он рассказал, что покинул Ковно накануне вместе со многими другими без всяких неприятностей, так как маршал Ней все ещё сдерживал атаки русских с арьергардом, состоящим в основном из немецких солдат и нескольких французов. Немцы, входящие в состав ковенского гарнизона, были в прекрасной форме и ни в чем не нуждались, однако они оказались негодными солдатами, и если б среди них не было французов, они бы наверняка бросили оружие и разбежались.

– Я хочу рассказать вам, – продолжал он, – о том, что случилось со мной вчера – и вы сами сможете судить, насколько я прав в своём желании покинуть эту проклятую страну как можно быстрей и при первой же возможности:

После перехода через Неман мы прошли около четверти лье. Вдруг, впереди показался отряд, состоявший, примерно, из двух тысяч конных казаков и крестьян. Мы остановились, чтобы решить, что делать, а заодно подождать отставших. Нас окружило около четырёхсот хорошо вооружённых людей. Мы построились в колонну таким образом, чтобы в случае необходимости быстро перестроиться в каре. Среди нас были офицеры, и они приняли на себя командование. Двадцать два польских солдата встали в строй. Около пятидесяти человек, лучше всех владеющих оружием, заняли позиции стрелков спереди и на флангах.

Мы пошли прямо на конницу, которая при приближении стрелков разделилась на две части и ушла вправо и влево от дороги. Наша колонна снова остановилась, чтобы подождать отставших. До нас дошли немногие, похоже, часть казаков зашла к нам в тыл, и отрезала их от нас.

Солдат по имени Буксин,[91] который в музыкантской команде играл на большом барабане, отстал, и изо всех сил старался догнать колонну вместе со своим (просто удивительно!) барабаном, все ещё висящим у него за спиной, и с мешком пятифранковых монет в руках. Весь этот груз очень мешал ему бежать. Казаки напали на него в пятидесяти шагах слева и позади колонны. Его ударили пикой между лопаток, Буксин упал в снег, барабан перелетел через его голову. Двое казаков мгновенно соскочили с коней, чтобы взять его в плен, но тут подоспели польский офицер и ещё трое солдат. Одного казака вместе с лошадью взяли в плен, а барабанщика освободили от его инструмента, который так и остался в поле. Буксин отделался лишь ударом пики, а заодно расстался с половиной своих денег, раздав их своим спасителям. А потом колонна двинулась вперёд с криками: «Да здравствует Император!» С казаком и его лошадью в самой её середине.

Едва Амбло закончил свой рассказ, я остановился из-за приступа сильной боли. Он тоже снизил скорость и пошёл медленней, чтобы я мог его догнать. Я снова сдвинулся с места, но в толпе мне было трудно идти. Только я решил выйти на дорогу, как внезапно раздались крики: «Казаки! Казаки!» Мне показалось, что это ложная тревога, но тут увидел, как несколько вооружённых ружьями офицеров остановились и, молодцевато гарцуя на своих конях, кричали: «Ничего! Пусть эти собаки подойдут ближе!»[92] Я оглянулся – казаки были так близко, что одна из лошадей почти касалась меня. Впереди ехали трое, остальные чуть отставали.

Мне едва хватило времени, чтобы юркнуть в лес, где, как я надеялся, я окажусь в безопасности, но трое казаков тоже въехали в лес почти одновременно со мной, так как, к сожалению, в том месте лес был не очень густой. Я попытался пройти дальше, но мне не везло – мои преследователи не отставали. Представьте себе моё положение! Я хотел остановиться и передохнуть, но этого нельзя было делать – двое из троих казаков находились всего в нескольких шагах от меня. К счастью, дальше лес стал ещё гуще – расстояние между деревьями уменьшилось. Казаки становились, а я пошёл дальше, не снижая скорости и, зацепившись за скрытую под снегом ветку, с размаху упал во весь рост, почти утонув в толстом слое снега. Я попробовал встать, но вдруг почувствовал, что мою ногу что-то держит. Со страху я предположил, что это один из моих казаков, но оказалось – это всего лишь ветка. Я собрался с силами, встал и оглянулся. Казаки

все ещё стояли на месте, а двое из них искали, где можно было бы провести лошадей. А я поплёлся дальше.

Пройдя чуть дальше, я остановился у поваленного дерева. Перешагнуть через него я не смог, и решил немного передохнуть.

Прошло минут пять. Казаки спешились и привязали лошадей к ветке куста. Я подумал, что они теперь наверняка подойдут и возьмут меня в плен, и уже приготовился бежать, но казаки занялись другим делом – двое из них оказывали помощь третьему товарищу. На его лице зияла чудовищная рана от сабельного удара. Раненый поддерживал часть отрубленной щеки, а двое других перевязывали его платком, пропустив его под подбородком и связав концы в узел наверху.

До них было шагов десять, казаки иногда поглядывали на меня и о чем-то тихо переговаривались.

Закончив перевязывать товарища, казаки тут же атаковали меня. Я подумал, ну, теперь мне точно конец, но всё-таки поднял заряженное ружье и решил стрелять в первого, кто приблизится. Передо мной было только двое, а третий, после того, как его перевязали, похоже, испытывал сильную боль. Он, то садился, то вставал, то иногда подходил к лошади и постукивал по ней кулаками.

Видя, что я намерен защищаться, казаки остановились и знаками показывали мне, чтобы я подошёл к ним. Я понимал, что они опасаются подходить ближе и оставался на своём месте.

Когда со стороны дороги раздались крики и ружейная стрельба, мои враги забеспокоились. Я надеялся, что они оставят меня в покое ради собственной безопасности, но тут появился четвёртый дикарь. Думаю, он был одним из сбежавших. Он посмотрел на своих товарищей, потом на меня, спешился, привязал лошадь рядом с другими и с пистолетом в руке пошёл ко мне, прячась за деревьями. За ним пошли двое других. Сомневаюсь, что стоило тратить столько времени, чтобы взять меня в плен, но, к счастью, крики справа стали громче, стрельба тоже усилилась. Перепуганные лошади сорвались с привязи и в ужасе кинулись в сторону дороги. Казаки – за ними.

Тут я почувствовал, что не смогу продолжать путь, не сменив одежду. Вы, должно быть, помните, что в коробке, найденной на

горе Понари, лежали несколько рубашек и белых хлопковых кюлот – они принадлежали армейской интендантской службе.

Открыв свой ранец, я вытащил рубашку и повесил её на дуло ружья, потом достал бриджи и положил их рядом с собой. Я снял шинель и жакет, затем жилет с прошитыми жёлтым шёлком рукавами, сделанный из юбки жительницы Москвы. Я развязал платок, обёрнутый вокруг пояса, и снял брюки. Что касается рубашки, у меня не было проблем как её снять, поскольку она уже полностью изветшала – я просто разорвал её. Вот такой я и был – совершенно голый, если не считать рваных сапог, в самой глубине дикого леса, примерно в 4 часа вечера, при температуре 18–20 градусов ниже нуля, вздрагивающий от порывов сильного северного ветра.

Глядя на своё истощённое, грязное, искусанное паразитами тело, я не мог сдержать слез. Наконец, немного успокоившись, я начал одеваться. Используя старую рубашку как мочалку, я обтёрся снегом, выкупался, так сказать. Затем надел свою новую длинную рубашку, украшенную спереди вышивкой. Затем, не теряя времени, я надел новые кюлоты, но тут выяснилось, что они настолько коротки, что даже колени не прикрывали. А сапоги доходили до середины голени, таким образом, вся оставшаяся часть ноги была совершенно не прикрыта. Далее я надел жилет, кавалерийский жакет, шинель, пояс и воротник. Вот так я оказался одет полностью, но при этом с голыми коленями. После этого я отправился в путь и буквально через сотню шагов встретил двух человек, мужчину и женщину. По их виду я определил, что они немцы. Они, вероятно, испугались меня. Я спросил их, не хотят ли они пойти со мной, но дрожащим голосом мужчина ответил: «Нет!» и, показав куда-то в сторону, произнёс только одно слово: «Казаки».

Это были маркитант и его жена из полка Рейнской Конфедерации, входившего, вероятно, в состав гарнизона Ковно. Оттуда они ушли вместе с ним, а услышав шум в лесу, решили бежать. Женщина советовала мужу присоединиться ко мне, но мужчина не хотел. И, несмотря на все мои уговоры, мне пришлось, к сожалению, продолжать путь в одиночку.

Я ещё проблуждал около получаса, но нужно было решать, как провести ночь. Эта часть леса была покрыта толстым слоем снега – ни следов, ни дороги, вообще ничего. Иногда я отдыхал на стволах поваленных деревьев. Приходилось следить, чтобы не

зацепиться за ветку под снегом и не упасть – я был слишком слаб. Я шёл по колено в снегу, полностью заполнившим мои сапоги. Тем не менее, холода я не чувствовал, наоборот, даже пропотел, но вот моим ногам было не сладко. Бедра болели от бесконечных усилий, которые я прилагал, чтобы встать, если я падал в снег на колени. Мои страдания в тот момент просто невозможно описать. Более часа я шёл в полной темноте, только при свете звёзд. На дорогу мне выйти не получалось, силы полностью иссякли, поэтому я снова решил отдохнуть. Я прислонился к дереву и стоял неподвижно. Вдруг я услышал собачий лай. Я посмотрел в ту сторону, откуда доносился этот звук и увидел свет. Вновь обретя надежду, я двинулся в этом новом направлении. Пройдя шагов тридцать, я увидел четырёх лошадей, костёр, и четырёх казаков. Было ещё трое и среди них уже знакомый мне маркитант со своей женой. Без сомнения они попали в плен к тем казакам, которые охотились за мной. Там был и казак с разрубленным лицом.

Некоторое время я наблюдал за ними, спрашивая себя, а не лучше ли пойти и сдаться, чем умирать, как зверь в лесной глуши. Тепло костра манило меня, но по какой-то неизвестной причине, я поступил совершенно наоборот – повернулся и ушёл. Тем не менее, я заметил, что вокруг костра стояло несколько глиняных горшков. У них также была солома для подстилки, а у лошадей сено.

Лес был настолько густой, что я не мог идти прямо в выбранном направлении. Пришлось взять левее – и это было правильное решение, потому что через несколько шагов лес стал намного реже. Тем не менее, снега было столько, что несколько раз я падал. После последнего падения я встал и упрекнул Бога за все мои беды, все ещё преследующие меня. И сразу после этого я вышел из леса на большую дорогу. Там я упал на колени, благодарил и просил прощения у Него за минутный приступ слабости и неверия.

Я пошёл прямо вперёд. Дорога была хорошая и, несомненно, правильная, но от холодного ветра, который в лесу не ощущался, здесь мои голые ноги мёрзли невыносимо. Моя шинель, хотя и длинная, полностью защитить меня не могла.

Странное дело, но есть мне совершенно не хотелось. Не знаю, было ли тому причиной потрясение от встречи с казаками, а может, моя болезнь, и, тем не менее, с того момента, как я

оставил конюшню, где ел суп и мясо, у меня не возникало никакого желания чего-нибудь съесть. Но, всё-таки, мне казалось, что в сумке есть ещё один кусок мяса. Я поискал и нашёл его. Он, правда, довольно сильно замёрз, но я съел его и пошёл дальше. Вдруг, слева, я увидел двух всадников. Они продвигались с осторожностью и, похоже, хорошо знали, куда надо ехать. Я ускорил шаг, чтобы догнать их, но они внезапно исчезли.

Слева от дороги стоял небольшой дом, и я решил зайти. Но едва я оказался внутри, щёлкнул курок ружья и, густой бас проговорил:

– Кто идёт?

– Друг, – ответил я, и добавил, – Императорская Гвардия.

– Ну и ну! – ахнул бас. – Как же, черт возьми, ты так шёл, товарищ, что я не встретил тебя?

Я рассказал своему новому товарищу обо всем, что приключилось со мной с момента атаки казаков, о которой тот мог и не знать.

Мы решили дальше идти вместе. Моим новым спутником оказался старый егерь Императорской Гвардии. С ранцем на плечах, а вместо шарфа на шее – пара брюк. Ему, наверное, они были малы, а мне были бы в самый раз. Я спросил егеря, не продаст ли он их мне и показал ему свои голые ноги.

– Мой бедный друг! – сказал он, – я бы охотно продал их вам, но должен сказать, что они сильно пострадали от огня, да и дырявы во многих местах.

– Ничего, давайте, возможно, они спасут мою жизнь.

Он отвязал брюки и отдал мне со словами: «Возьмите». А я достал две пятифранковые монеты и спросил его, достаточно ли будет этой суммы.

– Достаточно, – ответил он. – Живей одевайтесь и уходим – я вижу, едут двое. Это могут быть казачьи разведчики.

Пока он говорил, я надел брюки, перевязался платком, как и раньше – и мы тронулись в путь. Мы не прошли и сотни шагов,

как мой компаньон, который двигался быстрее меня, обогнал меня шагов на двадцать. Он наклонился и что-то поднял. Сначала я не мог понять, что лежит на дороге, но подойдя ближе, увидел мёртвого человека, по форме принадлежавшего к полку Голландских гренадер Гвардии. При нем не было ни ранца, ни медвежьей шапки, но остались ружье, патронная сумка, сабля и чёрные длинные гетры. Я тотчас их снял и надел поверх брюк, чтобы хоть как-нибудь прикрыть прорехи. Потом я снова пошёл вперёд, да так быстро, словно спасался от преследования оскорблённого мертвеца.

Тем временем егерь ушёл далеко вперёд и пропал. Вскоре я увидел большой дом. Это был почтовый пункт – здесь я решил переночевать. Часовой – солдат пехотинец – крикнул:

– Кто идёт?

– Друг, – ответил я, и вошёл.

Внутри дома я обнаружил около тридцати человек – одни спали, другие готовили на кострах мясо и рис. Справа от входа, вокруг котла с рисом, сидели трое солдат. Я присел рядом. Через некоторое время я попытался поговорить с одним из них, потянув его за рукав шинели. Солдат смотрел на меня и молчал. Самым жалобным тоном, и практически шёпотом, чтоб никто не услышал, я сказал ему:

– Товарищ, я умоляю вас, позвольте мне съесть хотя бы ложку риса. Я заплачу вам. Вы окажете мне огромную услугу – спасёте мою жизнь.

Одновременно я протягивал ему две пятифранковые монеты. Он взял их и сказал:

– Ешьте.

Он предложил мне свою ложку и глиняную тарелку, а также уступил своё место у костра. За десять франков я мог съесть пятнадцать ложек риса.

После еды я отправился на поиски старого егеря. Я нашёл его возле ясель для сена. Он занимался изготовлением наушников из гренадерской шапки, принадлежавшей мёртвому гренадеру. Именно её он брал в тот момент, когда я увидел его

склонившимся над мертвецом. Я прошёл дальше, чтобы лечь и отдохнуть, но часовой вдруг закричал: «Тревога!» Это означало, что он заметил казаков.

Все сразу вскочили и схватились за ружья. И тут раздался другой крик:

– Это друг – француз!

В сарай въехали двое всадников, спешились, и теперь их можно было рассмотреть. Но всех опередил старый егерь:

– Как вышло так, что вы верхом и одеты, как казаки? Наверное, чтобы удобнее было грабить наших больных и раненых?

– Ничего подобного, – ответил один из них, – глядя нас, вы и в самом деле могли бы так подумать. Но мы докажем вам, что это не так, немного передохнем и расскажем вам обо всем.

Потом он привязал лошадей, дал им соломы, которой здесь было очень много, и вернулся к своему спутнику, который, похоже, едва мог ходить. Он взял его за руку и устроил рядом со мной.

Им обоим дали хлеба и водки, потом я и старый егерь угостили их табачком – они закурили. Тот, из них кто начал говорить первым, продолжал:

– Вчера вечером я спас своего брата от казаков – его ранили и взяли в плен. Я должен рассказать вам об этом – это, действительно, замечательная история.

– Вечером, перед прибытием в Ковно, страдая от голода, холода и усталости, я плёлся по дороге в компании двух офицеров из 71-го полка, так же как и я, вооружённых ружьями, в поисках деревни, в которой мы могли бы переночевать. Но пройдя около половины лье, мы решили не рисковать и переночевать в каком-то заброшенном и полуразрушенном доме, где к счастью, нашлись дрова и солома. У меня ещё оставалось немного муки, мы развели хороший костёр и приготовили бульон.

На следующий день, рано утром, только мы собрались

вернуться назад и отыскать путь к большой дороге, как вдруг наш дом окружил отряд из пятнадцати казаков. Мы вышли посмотреть на них – они знаками показали, чтобы мы вышли, но мы поступили наоборот – вернулись в дом, заперли дверь, и через два небольших окна открыли огонь. Казаки отошли. Видя, что стрельба прекратилась, они остановились, а мы тем временем перезарядили свои ружья, снова вышли из дома и дали второй залп, убив лошадь одного из всадников. Тот выбрался из-под упавшей лошади и убежал. Потом мы бросились бежать, но, преодолев менее пятидесяти шагов, заметили, что казаки едут прямо на нас.

Потом они свернули вправо, чтобы забрать чемодан, привязанный к седлу убитой лошади. Вскоре они скрылись из вида, а мы пошли в Ковно. Теперь мы шли в огромной толпе – более шести тысяч человек – и, как это всегда бывало в таких случаях, я потерял своих товарищей.

Я шёл весь день, начало темнеть. Я уже был недалеко от Немана и примерно в одном лье от Ковно. На том берегу я заметил несколько домов и решил перейти Неман по льду, а потом переночевать в одном из этих домов.

Я перешёл реку. В полулье, справа от меня, стояли два или три дома. Крестьяне довольно гостеприимно меня приняли, ночь прошла спокойно. На рассвете я пошёл к дороге, чтобы присоединиться к колонне. Но не прошёл и пары сотен шагов, как вдруг меня окружили человек десять казаков, которые, не причинив мне никакого вреда, и даже не подумав меня разоружить, заставили меня идти перед ними в том же направлении, в котором я шёл. Я оказался в плену, но в тот момент полностью этого не осознавал.

Через час мы пришли в какую-то деревню. Там у меня забрали оружие и деньги, но к счастью, я сохранил несколько золотых монет – они были зашиты в подкладке моего жилета. Я снял кивер и надел на голову только что найденную шапку из чёрной овчины. Я заметил, что казаки везли много золота и серебра, особого внимания на меня не обращают, и поэтому решил бежать при первой же возможности.

Из деревни мы ушли около десяти часов. По пути нам повстречался ещё один казачий отряд, конвоировавший пленных. Среди них были солдаты Императорской Гвардии, взятые в плен

при выходе из Ковно. Меня поместили среди них.

Мы прошагали, часто делая привалы, примерно до трёх часов. Я заметил, что их командир неуверенно чувствовал себя на дороге, очевидно, он плохо знал эти места. Вечером мы прибыли в какую-то небольшую деревню. Всех пленных завели в амбар и очень тщательно обыскали. Я очень беспокоился за своё золото, но обошлось.

Едва закончился обыск, как я услышал, что кто-то из пленных назвал моё имя.

– Здесь! – ответил я.

Пленный на дальнем конце амбара тоже назвал себя. Идя в ту сторону, откуда доносился голос, я спросил, кто откликнулся на имя Дассонвилль.

– Я! – ответил мой брат, которого вы и видите здесь.

Представьте, как мы обрадовались, увидев друг друга! Мы обнимались и плакали. Он сказал мне, что 28-го ноября возле моста через Березину, его ранили в ногу. Я же сообщил ему, что намерен бежать до того как они заставят нас вновь пересечь Неман. Поскольку мы сейчас в Померании, которая принадлежит Пруссии, бежать нужно при первой возможности.

Крестьяне принесли нам картофеля и воды – вот счастье-то, мы даже не ожидали. Каждый пленный получил четыре картофелины. Мы с жадностью набросились на них, и очень многие тогда высказали мысль, что лучше быть в плену и есть картофель, чем быть свободным, но умереть от голода и холода на большой дороге. Я же возразил, что, лучше всего вырваться из их когтей. «Кто может поручиться, – говорил я, – что они не отправят нас в Сибирь!» Я убедил их, что побег возможен, поскольку в стене, у которой я лежал рядом с моим братом, можно было легко убрать две доски и выйти наружу. Все согласились со мной, но час спустя – вот невезенье – нам сообщили, что мы немедленно покидаем этот амбар. Наступила ночь. Многие были так измучены, что засыпали на ходу и падали. Казаки, видя, что их команды не выполняются быстро, били лежащих кнутами. Они ударили моего брата, который не мог быстро встать – ведь он был ранен – но я стал перед ним, и принимал на себя часть ударов, одновременно помогая ему

подняться и, вместо того, чтобы выйти из амбара вместе с остальными, мы спрятались за дверью – и очень неплохо – нас совершенно не было видно.

Казаки и все пленные ушли, а мы сидели тихо, затаив дыхание. Трое казаков галопом проскакали через весь сарай, глядя направо и налево, чтобы убедиться, что никого не осталось. Когда они ушли, я осторожно прокрался посмотреть, что происходит снаружи, заметил идущего крестьянина и вернулся обратно. Крестьянин вошёл в амбар с противоположной стороны, мне едва хватило времени, чтобы быстро зарыться в солому. К счастью, он не заметил нас и закрыл обе двери. Теперь мы остались совершенно одни.

Было часов шесть, наверное. Мы отдыхали ещё час, а затем я встал, чтобы открыть двери, но не сумел, поэтому мне пришлось вернуться к первому варианту, то есть, удалить две доски и вылезти. Так я и сделал. Я сказал своему брату, чтобы он ждал меня и вышел.

Я направился к выходу из деревни. В ближайшем доме я увидел, что одно из окон светится и заглянул вовнутрь. Трое здоровенных казацких негодяев сидели за столом и считали деньги, а рядом стоял крестьянин с горящей лучиной. Я уже решил вернуться в сарай к брату, как вдруг один из них шагнул к двери, открыл её и вышел. К счастью, рядом стояли гружёные дровами сани. Я успел отскочить и спрятаться за ними.

Казак вернулся в дом и закрыл дверь. Я тут же поднялся, чтобы убежать, но, опасаясь, что меня заметят из окна, пошёл направо. Я не прошёл и десяти шагов, когда дверь снова открылась. Я проскользнул в конюшню и спрятался под яслями. Еле успел – вошёл казак, а за ним крестьянин с лучиной. И тогда я подумал, что теперь мне точно конец.

Казак нёс чемодан. Он привязал его к седлу своей лошади и вышел, закрыв за собой дверь.

Только я собрался уходить, как возникла мысль прихватить с собой и лошадь. Я быстро схватил за уздечку ту, что была с подвешенным к седлу чемоданом, и повёл её к выходу. Вдруг на меня что-то упало – это была казацкая пика, которую казак прислонил к лошади, а я не заметил. Я взял и её тоже и вышел. Добрался до амбара, помог брату сесть на лошадь, и мы

направились в сторону дороги.

Через сотню шагов я оглянулся, чтобы посмотреть, не идёт ли кто. Пику я передал брату, а кроме того, накинул на него большую попону из верблюжьей шерсти – ею казак накрыл лошадь перед уходом. Через полчаса мы вышли на дорогу и направились в сторону Гумбиннена.[93] Впереди мы увидели нескольких крестьян снимающих колеса с брошенной повозки. Чтобы не встречаться с ними, мы повернули налево, в сторону деревни, которую так хотели обойти. Мы очень боялись снова попасть к ним в руки. Один Бог знает, что бы случилось с нами, если бы крестьяне увидели нас с лошадью и оружием, принадлежавшим одному из них – они бы наверняка решили, что мы убили их владельца.

Мы остановились, чтобы посовещаться, когда позади нас послышался какой-то шум. Сперва мы решили сбежать, но по обеим сторонам дороги намело такие сугробы, что шансов уйти у нас не было. Ситуация становилась критической, но я не решился поделиться с братом своими опасениями, учитывая то, что он ранен.

Мы продолжили наш путь и увидели причину нашего страха – группу крестьян всего в нескольких шагах от нас. Они приблизились и обратились к нам на немецком:

– Добрый вечер, друзья казаки!

– Слушай, – шепнул я брату, – ты казак, а я твой пленник. Ты же немного говоришь по-немецки, так что сохраняй спокойствие.

Поскольку на моем брате была изорванная и ветхая сержантская шапка, я обменял её на казацкую. Это были те самые крестьяне, которые снимали колеса с повозки. Позади всех четверо из них с помощью верёвок волочили два колеса. Мой брат спросил, есть ли ещё казаки в деревне. Они отвечали, что нет.

В таком случае, – сказал он, – ведите меня к старосте, так как я замёрз и проголодался, а помимо того, что я ранен, вынужден ещё заботиться об этом французе.

Один из них ответил, что они с нетерпением ждут казаков, поскольку накануне вечером внезапно нагрянул отряд более чем из тридцати французов, и так удачно получилось, что на

следующий день почти половина из них ушла без оружия.

Услышав это, нам невероятно захотелось исчезнуть, а тут ещё и некоторые крестьяне, накинулись на меня с криками и угрозами. Мы уже позже узнали, что их науськивал и подстрекал местный протестантский священник.

Нас привели к деревенскому старосте. Он очень радушно принял моего брата, заверив его, что о его лошади позаботятся, его самого он почтёт за честь поселить в своём доме, а француза надёжно закроют под замок.

– Если, конечно, – сказал староста, – вы не желаете держать его при себе в качестве прислуги.

– Именно так, – ответил на мой брат, – особенно сейчас, когда я ранен, а этот француз – хирург. Он вылечит мою ногу.

– Хирург! – воскликнул бургомистр, – Какая удача! У нас тут есть один парень, которому утром сломали руку. Ваш врач непременно вылечит его.

Нас поселили в хорошо натопленной комнате, там и кровать имелась. Но мой брат отказался от неё и попросил соломы для себя и для меня, а чтобы не возникало никаких подозрений, постелил мне рядом с собой. Казак принёс моему брату ужин – хлеб, сало, капусту, пиво, можжевёловую водку. Мне же – немного картофеля и воды. Бургомистр показал моему брату сваленную в углу огромную кучу всякого оружия. Оно принадлежало французам, которых разоружили крестьяне. Тут были пистолеты, карабины, пять или шесть ружей, а также сабли и несколько патронных сумок.

Затем в комнату вошёл крестьянин с рукой на перевязи. С ним и его жена – это и был тот самый человек со сломанной рукой. Я решил действовать уверенно и чётко. Я попросил льняных бинтов и несколько сосновых дощечек. Рука была сломана между запястьем и локтем. В течение последних пяти лет, я видел так много операций, что, не колеблясь, приступил к работе. Это был обычный закрытый перелом. Я дал знак другому крестьянину держать больного за плечи, а жене – придерживать его руку. Я очень удачно вправил сломанную кость и собрался наложить шину. Вначале я думал, что это не займёт много времени, но парень дико орал и корчился от боли. Тогда я

применил компресс из ткани, смоченной водкой, и тут же наложил четыре дощечки, туго прибинтовав их к руке. Человеку стало лучше, и он похвалил меня. Его жена и староста тоже хвалили меня, я вздохнул с облегчением. В качестве награды, я получил большой стакан можжевёловой водки.

Но, как оказалось, это было ещё не все. Староста сказал мне, что нужно осмотреть одну молодую женщину, которая ужасно страдает в течение последних нескольких дней – она никак не может родить. За акушером ездили в Ковно, но там царили такая паника и суматоха, что не нашли ни русского, ни французского врача.

– В общем, – сказал он, – с ней занимаются несколько старух, но мне кажется, это сложный случай.

Я попытался было объяснить старосте, что без хирургических инструментов я бессилен, а кроме того, я не акушер – я не разбираюсь в этом. Но мои доводы не подействовали – они думали, что я просто отнекиваюсь. Пришлось идти. В сопровождении двух крестьян и трёх женщин я отправился на другой конец деревни. Не знаю, почему, может оттого, что я долго находился в очень тёплой комнате, но я здорово замёрз. Наконец, мы пришли.

Меня ввели в комнату, где я увидел трёх старух, похожие на трёх Мойр – богинь Судьбы, суетившихся вокруг кровати с лежащей на ней молодой женщиной. Иногда она вскрикивала и даже громче того парня со сломанной рукой. Одна из старух подвела меня к постели, а вторая подняла одеяло. Представьте себе моё смущение! Я молча смотрел на этих трёх старых ведьм, стараясь угадать по их лицам, что мне надо делать. А те тоже смотрели на меня и ждали, когда я начну. Больная не сводила с меня глаз. Наконец, я понял, что одна из старух хочет, чтобы я выяснил, жив ли ребёнок. Я собрался с духом и положил свою совершенно замерзшую и холодную как лёд руку на живот пациентки. Она вздрогнула – и от её страшного крика, как мне показалось, дом содрогнулся. За этим криком тотчас раздался второй – три старых карги опять засуетились возле неё – и менее чем через пять минут все было кончено – родился новый прусский подданный.

Я гордился собой и не скрывал этого. А поскольку я знал, что в моей деревне при аналогичных обстоятельствах младенца

всегда омывали в тёплой воде и вине, я приказал принести какую-нибудь подходящую посудину. Потом я попросил водки. Мне подали целую бутылку, я отхлебнул прямо из неё. Затем я сделал компресс из куска ткани, смоченной в тёплой воде и водке. Больной стало лучше, она поблагодарила меня, пожав мою руку.

Я ушёл в сопровождении своего конвоя и двух старых дуэний. Меня опять привели к старосте и возносили до небес. Мой брат тревожился за меня и очень рад был видеть меня снова.

Оставалось позаботиться ещё об одном раненом – о моем брате. Я промыл его рану тёплой водой, а потом обработал – намного лучше, чем прежде, учитывая приобретённый опыт. Все разошлись, мы с братом остались одни. Убедившись, что все спят, я взял две пары пистолетов, саблю пехотинца и две патронные сумки с зарядами для наших пистолетов. Все это мы очень осторожно упаковали. Пошептавшись, мы назначили время ухода и улеглись спать.

Утром нам принесли завтрак. На этот раз мне дали то же, что и другим казакам. Во время завтрака староста хвалил меня за мастерство, спрашивал меня, хотел бы я остаться с ними, обещал отдать за меня одну из своих дочерей. Я ответил, что это невозможно, так как я уже женат и имею детей. Затем, обращаясь к моему брату-казаку, он спросил его, куда тот собирается ехать дальше.

– Я собираюсь встретиться со своим братом и друзьями в городе. Я не помню, его название, но он первый встретится на пути, если идти по этой дороге.

– Я знаю, – сказал староста, – вы говорите о Вирбаллене. Ну, тогда мы пойдём вместе. Я проведу вас в одно место – это примерно в лье отсюда, там находится лагерь казаков – более двухсот человек. Я только что получил приказ лично доставить туда сено и муку. Отправляемся через полчаса. О вашей лошади позаботятся так же, как и о моей.

Едва он ушёл, я заткнул пистолеты за пояс, а патроны рассовал по карманам. Мой брат-казак взял саблю и пару пистолетов. Буквально через секунду нам сообщили, что для отъезда все готово. Я взял чемодан, и мы вышли.

Староста, одетый в длинный тулуп из тонкой овчины,

меховой шапке и отделанных мехом сапогах, уже ожидал нас. Его слуга был в полушубке. Я помог своему брату-казаку сесть на лошадь. Закрепляя чемодан, я тихо, чтобы никто не услышал, прошептал ему, что при первой же возможности ему следует захватить лошадь и одежду старосты и его слуги. Мы переоденемся и сбежим, ведь в нашем положении нам необходимо действовать быстро и решительно, иначе плен и смерть.

Впереди ехал слуга старосты. Я же за ним, между двумя всадниками, как и положено пленнику. Не доехав до конца деревни, мы повернули налево и через четверть часа въехали в небольшой сосновый лес. Свой план я думал осуществить при выезде из него. Как только мы выехали из леса, я осмотрелся вокруг, чтобы убедиться, что мы одни. Потом я повернулся к старосте и схватил поводья его лошади. Другой рукой я навёл на него дуло пистолета и приказал спешиться. Вы легко можете себе представить, как он ужасно растерялся. Он посмотрел на казака, как будто прося его пристрелить меня. Между тем слуга с огромной палкой в руках кинулся на меня, но я, не отпуская уздечки, так сильно ударил его в грудь концом рукояти пистолета, что он отлетел на несколько шагов. Я же пригрозил застрелить его, если тот сделает малейшую попытку пошевелиться.

Мой брат приказал старосте сойти с лошади, но тот был настолько ошеломлён, что приказ пришлось несколько раз повторить. Наконец, староста спешился, и я отдал поводья своему брату.

Не теряя ни секунды, я отобрал у слуги сапоги, полушубок и шапку. В свою очередь, я бросил ему свою одежду и заставил переодеться, чтобы он выглядел как пленник.

Представьте себе лицо старосты при виде своего слуги, одетого таким образом! Но это было ещё не все. Сказав брату, который уже сошёл с коня, чтобы он присматривал за слугой, я точно также осуществил обмен одеждой с его хозяином, который без сопротивления, отдал мне тулуп, сапоги и шапку. Он же получил мою шинель и шапку своего слуги. Затем мой брат надел полушубок и сапоги слуги, а когда он полностью оделся и снова сидя на лошади, продолжал присматривать за нашими пленниками, я переоделся в одежду старосты. Взлетев на коня, мы пустились галопом, оставив наших пруссаков как громом

поражённых. Они, вероятно, так и не поняли, был ли мой брат на самом деле казаком, или нет. Хотя мы и замаскировались, уютно себя не чувствовали – мы все ещё опасались снова попасть к ним в лапы.

Через десять минут мы достигли маленькой деревушки, местные жители приветствовали нас криками: «Ура! ура! Наши друзья, казаки! Ура!»

Нам сообщили о том, что наши товарищи живут в большой деревне в четверти лье отсюда, а сейчас они отправились в рейд против отступающих французов, чтобы не дать тем дойти до леса, лежащего у них на пути. Они хотели, чтобы мы сошли с коней и выпили, но мы были в таком состоянии, что просто хватили несколько стаканов водки, не слезая с коней. Затем мой брат гаркнул:

– Ур-ра!

И мы сбежали, увозя несколько бутылок водки, под приветственные крики местного населения.

Около трёх часов дня, подъехав к лесу, мы услышали ружейную пальбу. Недалеко от дома, стоявшего у края дороги, шёл бой между французами и русской кавалерией. Таким образом, крестьяне не лгали нам: казаки действительно приехали, чтобы не дать отступающей колонне войти в лес.

Увидев это, мы пустили наших коней в галоп и, не думая о нашем сходстве с казаками, помчались по дороге к тому месту, куда стремились французы. Те приняли нас за казаков и побежали ещё быстрее. Казаки, со своей стороны, приняли нас за своих и, полагая, что мы преследуем французов, прислали нам в качестве подкрепления десяток человек. Справа от меня ехал казак, слева – мой брат, остальные позади. Со стороны могло показаться, что я командир казачьего отряда.

Дорога была очень узкой – трое всадников с трудом могли ехать рядом. Проехав рысью вперёд около пятидесяти шагов, мы увидели на дороге нескольких французских офицеров. Они преградили нам путь и, выставив вперёд штыки, кричали:

– Плевать на этих собак! Пусть только подойдут!

Я улучил момент, немного придержал лошадь и нанёс удар саблей по лицу казака, ехавшего справа.[94] Тот сделал ещё шаг и остановился, но, видя, что я готов продолжать, развернулся, и с криком ускакал прочь. То же самое сделали и все остальные, а мы сделали вид, что собираемся догнать этих казаков, которые бежали так, будто за ними черти гнались.

У поворота на дорогу, ведущую направо, я увидел казака. Увидев нас, он остановился и заговорил с нами на незнакомом языке. Я так сильно ударил его саблей по голове, что, наверное, разрубил бы её пополам, если б на нем не было медвежьей шапки. Удивлённый таким ответом, он бежал и вскоре скрылся из виду. Через четверть часа мы выехали из леса. Там нам снова встретился казак, который, увидев нас, тут же ускакал, преследовать его у нас не было никакого желания. Мы объехали весь лес, до самого вечера искали дорогу и, наконец, оказались здесь.

– Теперь, – заключил свой рассказ сержант, – мы должны отдохнуть, иначе завтра утром мы будем как сонные мухи.

Все разошлись по своим местам на отдых, а шестеро солдат из ковненского гарнизона выразили желание поочерёдно, в течение ночи нести караульную службу.

Не прошло и часа, как прозвучало: «Кто идёт?» В амбар вошёл человек и тут же рухнул на землю. Некоторые поднялись, чтобы оказать ему помощь. Этот солдат оказался артиллеристом Императорской Гвардии, одним из тех, кто ночевал на бивуаке, который я покинул. На нем живого места не было – более двадцати ран от ударов пиками и саблями. Потребовалась ткань для перевязки, я тотчас отдал одну из моих новых рубашек. Сержант, один из братьев, заставил его выпить немного водки, а старый егерь дал нечто похожее на вату, которую он извлёк из глубин своей медвежьей шапки. Каждый как мог, старался помочь раненому. К счастью, его раны были, в основном на спине и голове, несколько на правой руке, но ноги не пострадали.

Я подошёл спросить его, как он себя чувствует. Некоторое время солдат молча смотрел на меня, а потом воскликнул:

– Это вы, сержант! Вы очень умно поступили, не оставшись в этом лесном доме, где вы собирались переночевать, потому что через четверть часа после вашего ухода нагрянуло более

четырёхсот казаков.[95] Мы вооружились, нас тоже было человек четыреста. Видя, что мы готовы дать им отпор, они остановились. Вперёд выехал небольшой отряд во главе с офицером. Офицер на хорошем французском предложил нам сдаться.

Но егерь Гвардии Мишо – старый приятель маркитантки – вышел вперёд и громко, так, чтобы русский офицер его слышал, сказал:

– Скажи мне, ты, щенок, разве французы с оружием в руках сдавались когда-нибудь, даже будучи окружёнными? Идите сюда, мы вас ждём!

Офицер мгновенно ретировался. Они пошли на нас, но мы были готовы, и с расстояния примерно двадцати пяти шагов, половина нашего отряда дала залп. Несколько казаков упали. Тогда, полагая, что нам нечем перезарядить наши ружья, казаки с криком ура бросились вперёд. Их встретил второй залп, уложивший множество их людей. Казаки обратились в бегство, и мы уже думали, что все обошлось, но через пять минут они вернулись в ещё большем количестве. И вот именно тогда, когда мы отступали в лес, и не имели возможности перезарядить ружья, нас атаковали пиками и саблями. Почти все наши погибли или были ранены.

Я притворился мёртвым. Заметив, что лежу на краю кювета, я потихоньку скатился в него. Пришли крестьяне и занялись своим обычным делом – грабить мёртвых и раненых. С ними были и казаки, оставшиеся без лошадей. Мне очень повезло, что на меня никто не обратил внимания. За то время, что они раздевали раненых и мёртвых, я сумел добраться до леса и пройти через него. И, вот, друзья мои, я здесь, и так рад видеть всех вас! Но что теперь со мной будет?

– Вы пойдёте с нами, – ответил солдат гарнизона.

– А я, – добавил брат сержанта, – отдам вам свою лошадь.

Несмотря на одолевавший меня сон, я уже подумывал о том, что надо бы отправляться в путь, ведь чтобы пройти даже небольшое расстояние, мне требовалось много времени. Молодой солдат предложил сопровождать меня, если я решил уйти прямо сейчас. Я принял его предложение, особенно учитывая, что этот молодой человек, был здоров, в хорошей форме, в случае чего,

всегда мог мне помочь. В общем, мы отправились в путь.

Мы шли по лесной дороге. Мой безоружный спутник предложил мне понести моё ружье. Я отдал его, поскольку он мог бы им распорядиться лучше меня. Я шёл, опираясь на руку моего молодого товарища, часто засыпал на ходу, поэтому не помню, как долго мы шли до выхода из леса. Это происходило 16-го декабря, примерно в четыре часа утра.

Мы шли дальше ещё около получаса, к счастью, взошла луна. Но поднялся сильный ветер и пошёл такой густой снег, что стало совершенно невозможно что-либо разглядеть.

Я так сильно хотел спать, что без помощи маленького солдата, который все время поддерживал меня, я бы, несомненно, упал. Мой спутник показал мне на большую группу каких-то строений лежавших на нашем пути. Это был почтовый пункт, и стало ясно, что мы прошли около трёх лье. Через четверть часа мы подошли к дверям. Я вошёл и сел у костра. Тут находилось несколько человек, почти все из Императорской Гвардии. Они двигались в сторону Вирбаллена. Было ещё несколько артиллеристов Гвардии, но они уже готовились уходить.

Я спокойно проспал минут десять, когда почувствовал, что кто-то тянет меня за руку. Я попытался сопротивляться, но кто-то схватил меня за плечи и поставил на ноги. Тут я окончательно проснулся и услышал крик старого артиллериста:

– Казаки! Вставай, мой мальчик! Смелее!

Снаружи в нерешительности стояли одиннадцать казаков, вероятно, они ждали, когда мы уйдём, чтобы войти и занять наше место.

– Ну, – сказал артиллерист, – нам надо покинуть этот дом и отступить на Вирбаллен. Он всего лишь в лье отсюда, вставайте, уходим!

Мы отправились в путь. Нас было шестеро – четверо артиллеристов, маленький солдат и я. Это было 16-го декабря, прошло пятьдесят девять дней с тех пор, как мы покинули Москву. Дул сильный ветер, стоял сильный мороз. Несмотря на все усилия, прилагаемые моими товарищами, чтобы я держался на ногах, я упал. Я очнулся только после того, как артиллерист

растёр мне лицо снегом. Затем он заставил меня проглотить немного водки – это немного оживило меня.

Они взяли меня под руки, таким образом идти мне стало гораздо легче. Вскоре мы пришли в Вирбаллен. Нам сообщили, что здесь король Мюрат и все остатки Императорской Гвардии.

Несмотря на сильный мороз, в городе царили суета и беспорядок – каждый надеялся, что сможет купить хлеба и водки у евреев, во множестве населявших этот город. У дверей каждого дома стоял дозорный, и всякий раз, когда кто-нибудь просил разрешения войти и отдохнуть у очага, он отвечал, что в доме живёт генерал, или какой-то полковник, а потому свободного места нет. Нам говорили: «Идите и ищите свой полк!» Артиллеристы нашли своих друзей, и ушли вместе с ними. Я уже начал отчаиваться, когда мне сообщили, что в домах на первой улице слева есть ещё свободные комнаты. Мы немедленно отправились туда, но и там у каждой двери стоял дозорный, и каждый раз мы получали отказ. Впрочем, я и сам видел, что каждый дом просто ломился от множества солдат. Тем не менее, на улице оставаться было никак нельзя.

Невозможно описать, как я замёрз в этот день, но более всего страдал от чувства горечи, что в приюте и помощи мне отказывают мои боевые товарищи.

Один гренадер сказал мне, что там, где дом битком забит людьми, процветают злоба и эгоизм, а потому нет никакого смысла уделять внимания домам, у которых стоит дозорный.

– Я вижу, – продолжал он, – что плохи ваши дела.

Сделав знак своему спутнику следовать за мной, я направился к ближайшему дому. На пороге появился старик с ружьём и со словами, что в доме живёт полковник, свободного места нет. Я ответил, что, даже если бы тут жил Император, мне нужна комната на двоих, и я все равно войду. За спиной хозяина я увидел какого-то гренадера, прикрепляющего к своей шинели офицерские эполеты. К своему великому удивлению, в этом гренадере я узнал Пикара, моего старого товарища, которого я не видел с 6-го декабря, с самого ухода из Вильно, и я тотчас громко произнёс:

– Сообщите полковнику Пикару, что сержант Бургонь просит

его предоставить ему комнату.

– Вы, наверное, ошиблись, – отвечал Пикар.

Но, не обратив внимания на его ответ, я прошёл мимо старика, мой компаньон – за мной, в общем, мы вошли.

Тут Пикар узнал меня, отбросил эполеты в сторону и воскликнул:

– Боже мой! Это же мой сержант, mon pays! Почему вы один? Вы же были в арьергарде?

Я ничего ему не ответил. В полном изнеможении от усталости, недосыпания и голода, задыхаясь от жара большого камина, я рухнул на солому. Пикар подбежал к своему ранцу, достал бутылку водки и заставил меня проглотить несколько капель. Водка немного оживила меня. Я попросил его позволить мне отдохнуть. Было около восьми часов утра. А когда я проснулся, часы показывали два.

Пикар поставил мне на колени небольшую глиняную тарелку рисового супа, я ел его с удовольствием, пытаясь между тем, все обдумать и собраться с мыслями. Наконец, я смог вспомнить все, что произошло со мной, в течение последних двадцати четырёх часов.

Пикар прервал мои размышления, чтобы рассказать мне все, что случилось с ним после нашего расставания у Вильно:

– После того как мы улизнули от русских, замеченных на высотах у Вильно, нас привезли обратно на площадь. Оттуда мы пошли к дороге на Ковно в составе личной охраны короля Мюрата. Я думал, что вы следовали за мной, и был поражён, заметив, что вы пропали.

В полночь нам следовало выйти из Ковно и сопровождать Мюрата и принца Евгения. Но дойдя до горы, мы обнаружили, что её невозможно преодолеть из-за огромного количества снега и застрявших повозок.

К вечеру король и принц сумели обойти гору и продолжали свой путь, но я и многие другие, у кого не было лошади, снова попытались пройти гору, двигаясь по дороге. И к счастью для нас,

потому что нам выпала возможность поучаствовать в дележе денег из брошенных фургонов и унести с собой несколько пятифранковых монет… и для вас тоже, вы слышите, mon pays?

Пикар подробно описал мне своё путешествие до самой нашей встречи. Я ответил, что каждая наша встреча всегда доставляла мне огромное удовольствие, особенно последняя, когда я увидел его в звании полковника. Он засмеялся, заметив, что это просто военная хитрость, чтобы найти хорошее жилье. Он повысил себя до полковника накануне, и все, с кем он разговаривал, оказывали ему уважение.

Пикар сообщил мне, что в три часа дня по приказу Мюрата всех солдат оповестят, где должны встретиться остатки разных подразделений. Я решил, что там и присоединюсь к своим товарищам. Пикар попытался побрить меня тупой бритвой из сумки казака, убитого 23-го ноября. Для меня это было первое бритье со дня ухода из Москвы. Но, несмотря на то, что Пикар наточил бритву – она стала острее, чем была, – но лишь скользила по моему лицу.

В назначенный час мы вышли из дома и отправились на место общего сбора, назначенного на главной улице. Там собрались солдаты всех рангов и полков. Чтобы обратить на себя внимание, несколько ветеранов Гвардии надели парадные мундиры, словно для грандиозного парада. Глядя на них можно было подумать, что они пришли из Парижа, а не из Москвы. Здесь мне посчастливилось встретиться со всеми теми, с кем я был накануне, а также тех, кого я не видел от самого Вильно, но как мало нас осталось! Гранжье сказал:

– Надеюсь, вы не оставите нас снова. Идите туда, где квартирует наш полк, а мы попробуем найти какие-нибудь сани или повозку – на это есть разрешение командования.

Мы долго ожидали прибытия короля Мюрата. Между тем, люди подходили, и было невероятно и радостно увидеть живыми тех друзей, кто уже давно считался погибшим или без вести пропавшим. Я был очень рад вновь увидеть сержанта Амбло, с которым меня разлучила встреча с казаками в лесу. Я узнал также, что маркитантки Мари и Матушка Гато сумели найти себе хорошее жилье.

Но Мюрат так и не пришёл. Потом огласили список солдат,

которые не могли идти дальше самостоятельно. Согласно приказу, их необходимо было отправить на следующий день на специально приобретённых для этой цели санях. Сегодня мы не смогли найти сани, но, тем не менее, решили хорошо выспаться, а на следующий день со свежими силами продолжить путь.

Пикар шепнул, что после сбора он хочет кое-что мне сказать. Едва прозвучала команда разойтись, как я почувствовал лёгкий хлопок по моему плечу. Я обернулся и увидел Пикара. Жестом он дал понять мне и Гранжье, чтобы мы следовали за ним. Мы отошли в сторонку, и Пикар спросил:

– Не желаете ли вы оказать мне любезность и выпить со мной по большому бокалу белого вина – рейнского вина?

– Неужели это возможно?! – воскликнул я.

– Следуйте за мной, – коротко ответил Пикар.

Пикар рассказал нам, что накануне вечером он познакомился с одним евреем с целью продать ему ненужные вещи (полковничьи эполеты, например). Поскольку его часто принимают за еврея – Пикар частенько выдавал себя за одного из них, рассказывая, что его мать – дочь страсбургского раввина, а самого его зовут Соломоном. Еврей обрадовался, предвкушая удачную сделку. Он объяснил Пикару, как найти его дом, уверяя, что у него имеется запас отличного рейнского вина.

Мы пошли на задний двор синагоги. У маленького домика Пикар остановился. Он смотрелся вокруг, потом зажал нос пальцами и позвал гнусавым голосом:

– Яков! Яков!

В зарешеченном окошке появилась голова мужчины в меховой шапке, лицо его «украшала» длинная грязная борода. Узнав Пикара, он сказал по-немецки:

– А, мой дорогой Соломон, это ты! Я сейчас открою.

Мы вошли в хорошо натопленную комнату – грязную и убогую. На лавке у печи сидели ещё трое евреев – семья Якова.

Пикар, знавший, как правильно вести себя во время торга со

своими псевдо-единоверцами, не торопясь начал открывать свой ранец, чтобы начать с эполет – не полковничьих, а маршальских – и ажурной тесьмы, найденных в брошенных повозках у Вильно.

Были также, привезённые из Москвы, шитые серебром покрывала. У евреев широко открылись глаза. Пикар попросил вина и хлеба. Принесли отличное рейнское вино. Хлеб был чуть похуже, но на лучшее рассчитывать не приходилось.

Мы пили и ели, евреи рассматривали вещи. Яков поинтересовался у Пикара, сколько он хочет за все.

– Назовите свою цену, – ответил Пикар.

Еврей назвал цену, весьма далёкую от той, которую Пикар желал услышать.

Он сказал:

– Нет.

Яков добавил немного.

Тут Пикар, на которого вино уже начало оказывать своё действие, насмешливо посмотрел на еврея, зажал пальцами нос, и начал тихонько напевать, словно раввин на субботнем богослужении.

Остальные четверо евреев начали покачиваться, словно китайские болванчики, и подпевать. Гранжье уставился на Пикара, очевидно думая, что тот вдребезги пьян, а я, несмотря на плохое самочувствие, просто не знал, куда деваться от смеха. Тут Пикар прервал пение, чтобы налить нам ещё вина. Между тем, евреи совещались. Яков добавил ещё чуть-чуть, но Пикар хотел больше, и продолжал петь до тех пор, пока сделка не состоялась. Яков расплатился с Пикаром прусскими золотыми. Вероятно, он остался доволен, поскольку вдобавок дал ещё орехов и лука. Мы с Гранжье опьянели, а когда Пикар получил деньги, мы тоже, подобно Пикару, затянули «субботнюю молитву».

Это кошачий концерт продолжался бы ещё неизвестно сколько, если бы в дверь не загрохотали прикладами ружей. Яков посмотрел через решётку и увидел солдат, сообщивших ему, что им предписано квартировать у него, а если он не откроет, они

вышибут дверь. Яков тотчас же открыл. Мы сочли правильным немедленно уйти, а потом я попрощался с Пикаром. Мы договорились обязательно встретиться в Элбинге.[96]

По возвращении на квартиру мы съели рисового бульона. Потом я надел гетры и обулся. Вскоре, согретый вином и теплом, я заснул.

На следующий день – 17-го декабря в пять часов утра, город выглядел пустынным. Люди, два месяца спавшие под открытым небом, не спешили покидать тёплые комнаты. Под барабанный бой двух или трёх барабанщиков Гвардии, гренадеры ходили по домам и собирали гренадеров, а карабинеры – армейскую пехоту. В тот день было немного теплее, чем накануне. Подъехали сани, запряжённые двумя лошадьми. Ими управляли двое евреев, кроме того, имелся небольшой груз бакалейных товаров. Я предложил им отвезти нас – за деньги, конечно – в Даркемен[97] – конечный пункт нашего сегодняшнего марша. А если они откажутся, мы просто отберём у них сани.

Тут евреи начали отнекиваться, придумывая те или иные причины. Тогда мы предложили половину суммы сразу, а другую – после прибытия. Евреи согласились. Цену определили в сорок франков, двадцать мы заплатили сразу. Но они оценили пятифранковую монету как один прусский талер (чуть меньше четырёх франков). Пришлось доплатить ещё десять франков. Мы хотели, чтобы все прошло хорошо, но совершили большую глупость, позволив им увидеть, что у нас много денег. Кроме того, сержант-майор Пьерсон вытащил и показал им несколько серебряных тарелок. Евреи тут же принялись совещаться друг с другом, причём на иврите, поэтому мы совершенно не могли понять, о чем они говорят.

Нас было пятеро – Лебуд, Гранжье, Пьерсон, Удит, и я. Сани разгрузили, лошади отдохнули – для поездки все было готово. Ружья положили на дно, ранцы сверху и отправились. Часы показывали уже начало седьмого, армия начала марш, без всякого порядка и дисциплины, так что выехать из города оказалось весьма непросто. Те, кто не мог идти самостоятельно, пытались раздобыть хоть какие-нибудь сани.

Посовещавшись, евреи сказали нам, что они решили выехать из города, повернув налево – дорога там свободна, а менее чем через час мы снова выйдем на главную дорогу и догоним голову

колонны. Мы должны были поинтересоваться, а почему другие не воспользовались этой дорогой, если она так хороша, но почему-то этого не сделали. Через четверть часа после поворота, я заметил, что то, что евреи называли дорогой, являлось лишь обледеневшей насыпью вдоль водного канала. Канал находился по левую руку, а справа тянулся кювет, глубокий как овраг. Чтобы привлечь внимание товарищей, я несколько раз выкрикнул: «Стой! Стой!»

Гранжье спросил меня, что случилось.

Я закричал ещё громче: «Они обманули нас! Это мошенники!»

Тут и Пьерсон, сидящий впереди с московской серебряной чашей на руках, в которой мы заваривали чай, тоже закричал: «Стой!»

Мошенники-евреи выпрыгнули из саней, взяли лошадей под уздцы, и направили лошадей в сторону канавы. Я, к счастью, лежал на спине, мои ноги свешивались за борт, поэтому я лишь соскользнул с саней на снег, но мои товарищи пролетели более двадцати пяти пье и приземлились на обледеневшее дно канавы. Под их яростные крики и ругань, евреи, сумевшие удержать лошадей, не позволили саням скатиться в кювет, и, понемногу вывели их снова на дорогу. Мерзавцы попытались сбежать со всем нашим багажом, но я рубанул одного из них саблей по голове. Еврея спасла только его меховая шапка, иначе, я бы точно разрубил его голову. Я ударил ещё раз, но тот отбил удар рукой. Евреи наверняка бы сбежали, но подоспел Пьерсон. Остальные, все ещё оставаясь на дне глубокой канавы, ругались и кричали нам, чтобы мы убили их обоих. Тот, кого я ударил, сбежал по льду водного канала, а второй умолял о пощаде, уверяя, что то была идея его товарища. И все же Пьерсон несколько раз ударил его плашмя саблей, а тот все ещё умолял его о прощении, называя нас «генералом» и «полковником».

Пьерсон взял лошадь под уздцы, а еврею приказал спуститься и помочь нашим товарищам. Тот кинулся выполнять приказание, и был ещё раз вознаграждён хорошим ударом кулака. Когда все собрались, Лебуд объявил, что сани и лошади теперь наши, ведь эти двое негодяев пытались убить нас и завладеть нашим имуществом.

Мы приказали еврею везти нас очень быстро и кратчайшей дорогой, но все же пришлось вернуться и начать все сначала.

Мы уже подъехали к городу, и тут еврей захотел заглянуть домой, чтобы взять кое-что. Без сомнения, он хотел выдать нас казакам – они уже вошли в город. Мы угостили еврея ударом сабли по спине, и пригрозили, что убьём при малейшей попытке войти в город.

Естественно, еврей тут же повернул направо, к дороге, по которой ушла армия – далеко вдали ещё виднелись последние ряды колонны. Через четверть часа мы их догнали, а затем и обошли, оставив далеко позади.

Я сидел в задней части саней. Решив прилечь, я случайно зацепился за какую-то жердь, вылетел из саней на шесть пье и потерял сознание. Мамлюк-квартирмейстер[98] поспешил ко мне и помог сесть. Прибежали и мои товарищи, думая, что я ранен, но, к счастью, одежда смягчила удар. Кроме того, конец жерди был обтянут овчиной.

Меня подняли и помогли снова занять своё место в санях. Если не считать плохого самочувствия из-за болезни, я совершенно не пострадал.

Около девяти утра мы прибыли в большую деревню. Народу там было уже много. Мы решили зайти в дом погреться. Чтобы нас не обокрали, сани мы поставили у входа в дом, а еврею приказали быть с нами.

От других солдат мы узнали, что здесь можно купить селёдки и можжевёловой водки. Друзья очень заботились обо мне, хотя у всех них были поморожены ноги. Поэтому я взялся добыть немного провизии, а перед самым уходом попросил товарищей зорко присматривать за санями.

– Не беспокойтесь, – сказал Пьерсон, – я лично отвечаю за их сохранность.

Я взял с собой нашего еврея в качестве гида и переводчика. Он привёл меня в дом одного из своих друзей, у которого имелись селёдка, немного можжевёловой водки, и что-то вроде пирожных из ржаной муки. Пока я согревался за бокалом водки, я заметил, что мой еврей исчез вместе со своим приятелем. Ещё минуту назад я видел, как они разговаривали. Понимая, что он уже не вернётся, я пошёл обратно к друзьям. Я подошёл к

крыльцу и увидел, что саней нет. Мои товарищи грелись и отдыхали. Они спросили меня о провизии. А я спросил их о санях. Они выглянули на улицу – сани исчезли! Не говоря ни слова, я швырнул продукты на пол и, чувствуя себя разбитым и несчастным, прилёг на солому рядом с печью. Через полчаса прозвучал сигнал сбора – нам сообщили, что через два лье будет место, где все желающие смогут получить сани, поэтому в Гумбиннен мы сможем прибыть в тот же день.

В указанном месте имелось большое количество саней, сразу после погрузки поступила команда отправляться. Я почувствовал себя плохо – меня укачало. Некоторое время я шёл пешком, но чуть не умер от невыносимого холода. К счастью, мои товарищи вовремя заметили, что я отстал, и вернулись за мной. Дальше я уже только ехал. В Гумбиннен мы приехали довольно поздно, но благополучно получили ордер на ночлег, тёплую комнату и солому.

Первое, что требовалось выяснить после поселения – это узнать, где можно купить чего-нибудь съестного. Хозяин, с виду казавшийся хорошим человеком, заверил, что приложит все силы, чтобы достать то, чего нам хочется. Через час он принёс нам суп, жареного гуся и картофеля, пиво и водку. Мы пожирали его глазами, но, к сожалению, гусь оказался таким жёстким, что съесть его мы не смогли, обошлись картофелем.

Я отправился в город вместе с сержантом-майором Удитом, чтобы купить чего-нибудь. Случай привёл нас в дом, где Удит встретил одного из своих земляков – хирурга-майора. Его поселили вместе с остатками его полка – двумя офицерами и тремя солдатами. Выглядели они плохо – почти у всех отсутствовали пальцы рук и ног. Один человек предложил нам купить у него лошадь и сани, что мы и сделали, уплатив восемьдесят франков.

На следующий день, 18-го декабря, после неоднократных попыток доесть гуся, который со вчерашнего вечера нежнее не стал, мы сели в сани и отправились в Велау,[99] где нам было предписано переночевать. Едва мы выехали из города, как Пьерсон, который управлял санями, но абсолютно не владевший этим искусством, так неловко повернул, что сломал ось и вывалил нас в снег. Мы пошли к ближайшему дому и попросили оказать нам помощь в ремонте саней, а пока крестьянин занимался этим делом, мы грелись и отдыхали, но когда мы

вышли, оказалось, что все наше оружие исчезло. Пруссаки забрали наши ружья и заперлись в доме. Мы кричали и клялись:

– Мы получим назад наши ружья, иначе подожжём дом!

Но крестьянин клялся в свою очередь, что он никого и ничего не видел. Нам оставалось только уйти. К счастью, примерно через час, мы встретили повозку, которая утром выехала из Гумбиннена, везя партию ружей для Императорской Гвардии, так что мы снова были вооружены. Наконец, в три часа дня мы прибыли в Велау.

В деревенской гостинице, в ожидании своих ордеров, собралось более двух тысяч солдат. К нам подошёл какой-то здоровенный прусский негодяй, и сказал, что если надо, он недорого сдаст нам комнату в своём доме. Есть хорошо протопленная комната, солома для постели и конюшня для лошади. Мы охотно согласились и пошли к нему. Лошадь он отвёл в конюшню, а нас повёл на второй этаж показать комнату. Не очень чистая, солома тоже так себе, зато тепло – сейчас для нас это было самое важное.

В комнату вошла женщина. Высокая, почти шесть пье. Черты лица довольно грубые – что-то в них напоминало лица казаков. Она сообщила, что она хозяйка дома, и что если нам что-нибудь понадобится, достаточно небольшой суммы – тогда она пойдёт и принесёт это. Такие условия нас полностью устраивали, потому что никто из нас не хотел никуда ходить. Я дал хозяйке пять франков и попросил принести нам хлеба, мяса и пива. Вскоре она все это принесла. Подали суп, мы поужинали и, убедившись, что лошадь накормлена и напоена, легли спать.

Перед отъездом мы вручили нашей хозяйке пятифранковую монету – плата за ночь – но она ответила, что этого мало. Мы дали ей ещё пять франков, но на этом разговор не закончился. Она требовала по пять франков с каждого – и ещё пять за постой лошади.

А я заявил тогда, что мы в полном расчёте, и больше она ничего не получит. Хозяйка провела рукой по моему лицу и сказала:

– Бедный маленький француз! Шесть месяцев назад такая плата была бы хороша – тогда вы были сильны, но сегодня все по-

другому. Либо вы отдадите мне то, что я прошу, либо мой муж выпряжет вашу лошадь из саней и сдаст вас казакам!

Я ответил, что плевать хотел и на казаков, и на пруссаков.

– Да-да, – ответила она, – но вы бы так не говорили, если бы они оказались здесь.

Тут я не выдержал и схватил её за шею, но она оказалась намного сильнее: она швырнула меня на солому и попыталась задушить меня. К счастью, один из моих товарищей ударил её сзади, и это заставило её встать. Тут нагрянул её муж, но хозяйка поприветствовала его сильнейшим ударом кулака. Подобно какой-то мегере – или, скорее, фурии – задыхаясь от ярости, она орала, что он просто жалкий трус, и если он сейчас же не позовёт соседей и казаков, она вырвет ему глаза. Поскольку нас было пятеро против двоих, мы не позволили её мужу уйти, а заставили его подготовить сани и лошадь. Тем не менее, нам пришлось отдать ей то, что она требовала – казаки совсем близко, времени на пререкания не было. Перед отъездом я заявил этой дьяволице, что я с огромным удовольствием ещё вернусь за своими деньгами. Вместо ответа «фурия» плюнула мне в лицо. Я тут же рванулся вперёд, чтобы грохнуть её прикладом, но мои друзья удержали меня.

Мы прыгнули в сани и тотчас умчались.

19-е декабря. Мы провели ночь в Инстербурге,[100] куда прибыли под вечер. Нас поселили с весьма приличными людьми.

20-е декабря, воскресенье. Мы вышли днём, чтобы вечером быть в Эйлау.[101] По прибытии мы, прежде всего, посетили мэрию и без всяких затруднений получили наши ордера. Нас опять окружали хорошие люди – ярко пылал камин, тепло, каждому из нас поднесли стакан водки. Потом наша хозяйка отправилась за нашими пайками. Для этого она взяла с собой наши ордера – их необходимо было предъявлять при получении.

После того, как мы отдохнули и согрелись, возникла мысль до обеда посетить поле боя. Мы обошли его почти полностью, и нашли несколько простых деревянных крестов. На одном из них была такая надпись: «Здесь покоятся двадцать девять офицеров храброго 14-го полка, погибших на этом поле чести».[102]

Мы почтили память погибших в той страшной битве и вернулись в город. Улицы пусты, казалось, что жители оставили город.

Было воскресенье, а если ещё учесть погоду и время года, большинство жителей сидело по домам. На улице встречались только французы или другие солдаты, спешащие по своим делам.

Вернувшись на квартиру, мы, в ожидании обеда, разлеглись на соломе.

Вдруг вошёл один из прусских ветеранов и сообщил о том, что в четверти лье от города, на холмах видели русских казаков, а посему он советует нам как можно быстрее уехать. Это было похоже на правду, мы собрались молниеносно. Наполовину приготовленное мясо упаковали в солому.

Хозяин дома тоже вышел, чтобы проводить нас. Он довёл нас до нужного места и показал нам группу казаков на холме, вдали. Температура упала ниже 30-ти градусов. Туман и непрерывный снегопад. Мы прошли чуть меньше половины лье, начало темнеть. Поинтересовались у двух местных крестьян, далеко ли до ближайшей деревни. Крестьяне объяснили, что сначала надо пройти через большой лес. А потом справа, шагах в двадцати пяти от дороги, будет домик лесника – там мы сможем переночевать. Спустя полчаса, мы увидели дом лесника. Было часов девять вечера, мы прошли четыре лье.

Первым делом, нас спросили, кто мы, и что нам нужно. Мы ответили, что мы французы, солдаты Императорской Гвардии, и мы хотели бы – за деньги, разумеется – постель, пищу и выпивку. Дверь мгновенно распахнулась, и нас пригласили войти. Сначала мы устроили в конюшне лошадей. Затем нас пригласили в большую комнату – там, на соломенных подстилках лежали трое егерей Гвардии. Они приехали днём, но их ситуация была значительно хуже нашей. Они потеряли своих лошадей и продолжали идти дальше пешком, несмотря на отмороженные ноги. Что мы ели, я не помню, а потом мы спокойно заснули.

Проснувшись, мы обнаружили, что егеря исчезли и очень удивились. Хозяин рассказал, что около часа назад мимо проезжал какой-то еврей – он предложил егерям за два франка провезти их три лье. Егеря тотчас согласились. Мы с восторгом выслушали эту новость. После уплаты пяти франков – столько

просил хозяин – за наших лошадей и самих себя, мы отправились в путь. Наш хозяин посоветовал нам придерживаться санного следа.

Мы проехали девять лье, вечером прибыли в Гейльсберг.[103]

Сначала мы зашли в мэрию за ордерами. Нам очень повезло – нас поселили всех вместе, да и хозяева проявили гостеприимство. Чуть раньше там поселили шестерых егерей Гвардии. Нас накормили супом и мясом. Было много картофеля и пива. Мы спросили вина, за которое, конечно, заплатили отдельно. Вино нам продали по талеру (четыре франка) за бутылку. Хорошее и недорогое вино. Перед тем, как лечь спать, мы попросили хозяйку разбудить нас в пять часов, поскольку до следующего места ночёвки нам предстоял долгий путь.

На следующий день, 22-го декабря, мы поднялись очень рано. Появился слуга со свечой в руке. Мы послали его на конюшню, пообещав хорошие чаевые, если он быстро подготовит сани. И суп нам подали очень скоро – все, как мы просили. Царило приподнятое настроение, мы хвалили хозяйку, называя её «Какая хорошая женщина» и «Прекрасное создание». После завтрака, когда все было уже готово к отъезду, и уже после расчёта, она вдруг сказала:

– Все это прекрасно, господа, но, прежде чем уйти, не забудьте расплатиться.

– Что? Расплатиться?! Мы же были расквартированы у вас! И вы были обязаны нас кормить!

– Да, – ответила она, – но так было вчера, а за сегодняшний день вы должны мне два талера (десять франков).

Я заявил, что платить не буду, но когда женщина поняла, что мы уходим, и денег она не получит, она приказала запереть дверь. А потом появилось десятка два огромных, вооружённых дубинками (каждая толщиной с мою руку) пруссаков. Спорить бесполезно – мы заплатили и ушли. Autre temps, autre mœurs.[104] Да, теперь мы были слабыми.

Егеря ушли раньше, мы как раз, завтракали. До Элбинга оставалось двенадцать лье, или два дня пути и, чтобы не переутомить нашу лошадь, мы решили проехать только три лье.

Преодолев около лье, слева мы увидели несколько саней, направляющихся по направлению к Элбингу. Это навело нас на мысль, что, возможно, мы движемся не по той дороге, по которой идёт основная колонна, то есть, вместо того, чтобы идти в Эйлау, мы направляемся в сторону Фридланда.[105]

Большие сани, запряжённые парой мощных лошадей, вихрем пронеслись мимо нас. Так быстро, что мы не смогли определить, к какому полку принадлежат сидевшие в них солдаты. Примерно через полчаса мы подъехали к дому, очень представительному на вид. Это оказался почтовый пункт и, одновременно, гостиница. В санях у входа сидели несколько солдат Гвардии.

Мы вошли и спросили вина, как нам сказали, его тут было много, и оно очень даже неплохое. Солдаты, сообщившие нам об этом, похоже, изрядно напились – оба громко хохотали и всячески веселились. Такое поведение, такой эффект наблюдался почти у всех тех, кто, как и мы, перенёс столько страданий и лишений. Мы же выпили совсем немного. Один из солдат спросил нас, встречался ли нам на дороге полк Голландских гренадеров Императорской Гвардии.

Мы отвечали, что нет.

– Они проехали мимо вас, – заметил велит, – а вы их и не заметили! В этих больших санях – весь Голландский полк! Их осталось только семеро!

Начальник почтового пункта сообщил этим двоим солдатам, что для них есть сани и чтобы проехать три лье в сторону Элбинга, им следует заплатить пятнадцать франков. А поскольку у них имелся кучер, мы решили ехать вместе с ними. Через пять минут мы отбыли.

Гранжье и я чувствовали себя плохо – мы отвыкли от хорошей еды – надо было есть осторожно и понемногу. Так мы и решили поступать впредь. В первой деревне, встреченной нами по пути, мы выпили только по рюмочке водки и снова продолжили путь. Вечером мы прибыли в какую-то деревню. Сразу же пошли к старосте за ордерами, но вместо них получили жёсткий отказ. Староста прямо заявил, что единственное место, где мы можем ночевать – это улица. Мы пытались возражать, но он оборвал разговор, хлопнув дверью. Мы обошли ещё несколько дворов,

предлагали деньги за приют, но нам везде отказывали.

Посовещавшись, мы решили держаться вместе. А поскольку наши сани не могли вместить всех, было принято решение, что двое, сменяя друг друга, пойдут пешком.

Мы попытались найти деревню с более гостеприимными жителями. В нескольких сотнях шагов от дороги стоял небольшой дом. К нему вела протоптанная тропинка. Мы решили, что переночуем в нем, даже если хозяин окажет сопротивление. Тем не менее, крестьянин сказал нам, что он приютит нас с удовольствием, но если жители деревни узнают об этом, ему не поздоровится. Если никто нас не видел, он рискнёт впустить нас. Мы заверили его, что нас никто не видел, ему не о чем беспокоиться, а перед отъездом мы дадим ему два талера. Он согласился, его жена тоже, и мы улеглись у большой печи.

Хозяин повёл нашу лошадь в конюшню. Его жена подошла к нам и тихо, чтобы никто не слышал, постоянно поглядывая, не идёт ли муж, рассказала нам, почему крестьяне так враждебно настроены к французам. Вот её история:

– В течение двух недель здесь, в мае, квартировали егеря Гвардии. У старосты жил один из них, такой молодой и красивый, что все женщины и девушки деревни сбегались на него посмотреть. Он был квартирмейстером. Однажды, староста застал его целующим и обнимающим его жену, в результате чего жена получила хорошую взбучку. Квартирмейстер, в свою очередь, избил старосту. Дама в настоящее время в интересном положении, а всю вину староста возложил на квартирмейстера.

Мы слушали и улыбались, она так забавно рассказывала!

– Это ещё не все, – продолжала она. – Ещё три женщины в деревне в том же состоянии, как и жена старосты, и именно из-за этого, теперь все злятся на французов, особенно, на таких красавцев.

Едва она это произнесла, как старый солдат вскочил и поцеловал её.

– Осторожней, мой муж недалеко! – воскликнула она.

Вскоре вернулся её муж, сообщил, что он накормил и напоил

лошадь, но был бы очень нам благодарен, если бы мы ушли ещё до рассвета, так чтобы никто не узнал, что он нас принимал.

– У меня есть сани, – сказал он, – и за небольшое вознаграждение я могу подвезти вас.

Егеря приняли его предложение.

Нас угощали молоком, супом и картофелем. Спать мы улеглись одетыми, предварительно зарядив ружья.

На следующий день, 23-го декабря, крестьянин разбудил нас ещё до четырёх часов, сказав, что пора. С его женой мы расплатились, поцеловали её и уехали.

Жители следующей деревни вышли к нам целой толпой, бросали в нас камни и снежки. Мы достигли одного из пригородов Элбинга и остановились в гостинице отдохнуть и погреться – мороз значительно усилился. Там мы выпили кофе и в девять часов въехали в город вместе с остатками армии, которые, как и мы прибывали сюда самыми разными дорогами.

ГЛАВА XI

МЫ В ЭЛБИНГЕ. – МАДАМ ЖАНТИЛЬ. – ДЯДИН НАСЛЕДНИК. – 1-Е ЯНВАРЯ 1813 ГОДА. – ПИКАР И ПРУССАКИ. – ОТЕЦ ЭЛЛИОТ. – МОИ ОЧЕВИДЦЫ.

Не теряя ни минуты времени, мы отправились в ратушу за ордерами на ночлег. Возле неё уже стояла толпа солдат.

Мы увидели среди них нескольких кавалерийских офицеров, чей вид был просто ужасен – почти каждый из них потерял пальцы рук и ног, а кое-кто, даже нос – жуткое и жалкое зрелище. Городские чиновники для таких солдат делали все возможное – предоставляли лучшее жилье и требовали от хозяев, чтобы те обеспечили солдатам максимальный комфорт и заботу.

Через полчаса мы получили ордер для себя и для лошади – на квартиру отправились немедленно.

Квартирой оказался большой сарай, а точнее – полуразвалившаяся хибара. Встретили нас ужасно – провели по широкому коридору и показали нашу комнату – без печи и кучкой грязной соломы. Мы выразили недовольство, а в ответ услышали, что для французов это вполне приемлемое жилье, а если не устраивает – ночуйте на улице. Рассерженные и возмущённые, мы покинули этот дом, таким образом, выразив хозяевам все наше презрение к такой невероятной грубости и пригрозив сообщить об их поведении городским магистратам.

Мы решили, что неплохо бы попытаться обменять наши ордера. Решение этой задачи возложили на меня. Мои друзья остались в гостинице.

Теперь в ратуше уже было не так много людей. Я встретился с мэром – он знал французский – и рассказал ему, как грубо с нами обошлись. Я показал ему свою правую ногу, завёрнутую в кусок овчины, и свою правую кисть с почти отвалившейся первой фалангой среднего пальца. Мэр посовещался с ответственным чиновником, и тот сообщил мне, что сейчас нет возможности поселить всех нас в одном месте.

– Вот, – сказал чиновник, – это ордер для четверых и лошадь,

и вот ещё один, который я советую вам взять. Хозяин этого дома – француз, его жена – местная уроженка. Я поблагодарил его и вернулся к своим товарищам.

Квартира для четверых солдат и лошади находилась в пригороде. Это был дом на берегу канала, ведущего к порту, принадлежал он местному рыбаку, встретили нас неплохо. Я каждому из друзей предлагал ордер для одного человека, но никто из них не захотел им воспользоваться. Я поинтересовался, далеко ли это место отсюда. Выяснилось, недалеко, только мост через канал перейти.

Дом выглядел очень внушительно. Первым человеком, которого я встретил, была служанка – крепкая, сильная румянощёкая немка. Я показал ей ордер. Она сказала, что в доме уже живут четверо но, всё-таки, сходила за хозяйкой дома, которая подтвердила это, указав на их комнату. Эти солдаты тоже были из нашего полка, так же, как и мы приехали недавно, но каждый из них прибыл в город самостоятельно. Я решил вернуться и остаться со своими товарищами. Но дама прочитала ордер и, узнав, что я унтер-офицер Императорской Гвардии, сказала:

– Послушайте, сударь, вы, я вижу, испытали столько невзгод, что мне не хочется выгонять вас. Оставайтесь, я дам вам отдельную комнату и хорошую кровать, потому что вижу – вы очень нуждаетесь в отдыхе.

Я поблагодарил её за сочувствие и сказал, что все, чего я прошу – лишь тёплую комнату и немного соломы.

– Вы получите все это, – ответила она.

Хозяйка привела меня в маленькую комнату, тёплую и чистую, с кроватью и пуховой периной. Ещё я попросил соломы, несколько простыней и тёплой воды – я решил помыться.

Мне принесли все, что я попросил, и ещё большую деревянную кадку. Я так нуждался во всем этом! С 16-го декабря я вообще не мылся и не ухаживал за собой. Я попросил служанку – её звали Кристина – привести парикмахера. Тот побрил меня, или, вернее, содрал толстую корку с моего лица, заметив, что моя кожа так загрубела от длительного воздействия холода, что его бритва скорее пилила, чем резала.

Наконец, процедура закончилась, я был подстрижен. Я хорошо заплатил парикмахеру, а заодно поинтересовался, не знает ли он какого-нибудь торговца старой одеждой, потому я очень нуждался в брюках. Пришёл еврей с мешком, полным всяких брюк. Разных цветов – серые и синие – но они были либо слишком малы, либо велики, были и очень грязные брюки. Сын Израиля, убедившись, что у него для меня нет ничего подходящего, сказал, что отлучится ненадолго, а потом снова вернётся. Он вскоре вернулся с брюками «a la Cosaque»– темно-красного цвета, пошитыми из дорогой и тонкой ткани. Скорее всего, эти брюки принадлежали одному из адъютантов короля Мюрата. Я их примерил и, решив, что в них будет тепло, отложил. На них ещё сохранялись следы от споротых евреем лампасов. Взамен я отдал еврею маленький набор хирурга, найденный в сумке у казака 23-го ноября. Еврей потребовал ещё пять франков – я заплатил не торгуясь.

Потом я решил переодеться в одну из трёх прекрасных, сохранившихся у меня рубашек, но оглядев себя, я счёл правильным сначала принять ванну, поскольку паразиты на мне ещё жили, и их укусы все ещё покрывали все моё тело. Я спросил служанку, есть ли в доме какая-нибудь ванна, но она не поняла меня и сбегала за хозяйкой. Именно тогда я заметил, что хозяйка – молода и красива. Однако на том пока мои мысли и закончились, а в данный момент, я занимался исключительно собой. Хозяйка поинтересовалась, чего мне угодно, я ответил, что хотел бы принять ванну, и попросил подсказать, как это можно устроить. Она отвечала, что есть общественная баня, но до неё далеко отсюда, так что можно попробовать организовать её здесь в доме. Есть горячая вода и большая ванна – если я согласен, мне все это принесут и приготовят. Естественно, я очень обрадовался. Вскоре появилась служанка и знаком пригласила следовать за ней. Прихватив свой ранец и красные штаны, я отправился в комнату для стирки белья, где имелось все необходимое, даже мыло.

Не могу даже описать, как мне было хорошо! Я так долго сидел в ванне, что служанка пришла узнать, все ли со мной в порядке. В тот самый момент я безуспешно пытался вымыть спину. Не задавая мне никаких вопросов, она принесла большой кусок красной фланели и, подойдя к ванной, положила левую руку мне на шею, а другой принялась тереть мою спину, руки и грудь. Я, понятное дело, абсолютно ей не мешал. Служанка

поинтересовалась, хорошо ли мне, я ответил, что да. Тогда она стала действовать ещё усерднее и трудилась так до тех пор, пока я не устал. Вытерев, высушив и причесав меня, она засмеялась и убежала так быстро, что я даже поблагодарить её не успел.

Я надел рубашку и красные брюки, вернулся в спальню и упал на кровать. Через некоторое время я почувствовал сильную слабость и потерял сознание. Не знаю, как долго я оставался в таком состоянии, но открыв глаза, увидел хозяйку дома, служанку, и двоих солдат из тех, кто поселился раньше меня. До них дошёл слух, что со мной что-то случилось, но это была лишь сильная слабость, вызванная горячей ванной, перенесёнными страданиями и усталостью.

Мадам Жантиль – так звали эту даму – покормила меня бульоном, поддерживая мою голову левой рукой. Я не сопротивлялся – давно уже за мной так не ухаживали. Мадам Жантиль была удивительно красива: стройная, изящная, тёмные глаза, цвет кожи, как у красавиц из северных провинций. Ей исполнилось двадцать четыре года, я слышал, что она замужем за французом – она подтвердила, что так оно и есть. Она рассказывала:

– В 1807 году из Данцига[106] в Элбинг пришёл большой обоз раненых французов. Поскольку мест в больнице уже не было, новоприбывших расквартировали среди местных жителей. А у нас поселили раненого пулей гусара. А ещё у него на левой руке была рана от сабельного удара. Моя мать и я ухаживали за ним – вскоре он поправился.

– А потом, – сказал я, – в знак благодарности за заботу, он женился на вас.

Смеясь, мадам Жантиль ответила, что это правда. Я сказал ей, что поступил бы точно так же, потому что она – самая красивая женщина из всех, которых я когда-либо видел. Мадам Жантиль засмеялась, слегка покраснела и сказала, что мы ещё побеседуем попозже. Потом я заснул и не просыпался аж до девяти часов утра.

Проснувшись, я некоторое время не мог понять, где я нахожусь. Вошла мадам Жантиль, за ней служанка с кофе, чаем и булочками. Давно уже у меня не было такого праздника! Я забыл прошлое, я думал только о настоящем и мадам Жантиль. Я даже

забыл про моих товарищей.

Мадам Жантиль внимательно посмотрела на меня. Затем, погладив меня по лицу, она спросила меня, что случилось. Я ответил, нет, ничего, все хорошо.

– Не очень, – сказала она, – у вас лицо опухло.

Затем она сообщила мне, что вчера приходил унтер-офицер Императорской Гвардии и интересовался, не живёт ли тут унтер-офицер. Она ответила, да, есть один, и провела в его комнату, но тот сказал, что это не тот человек, которого он ищет и ушёл.

В этот момент в комнату вошёл мой друг Гранжье и сказал:

– Прошу прощения, но я уже второй день ищу одного из моих товарищей и никак не могу найти. Но именно эта улица и номер дома указаны в его ордере.

– Вы, конечно, меня ищете, не так ли? – спросил я.

Гранжье расхохотался. Он не узнал меня. И не удивительно. Я был выбрит и с опухшим лицом. После вчерашней горячей ванны я стал чист, как белый лебедь. На мне было чистое льняное белье, меня подстригли и причесали. Гранжье рассказал мне, что уже приходил сюда, но, увидев красные брюки на стуле, он ушёл, будучи убеждённым, что ошибся адресом. Кроме того, он сообщил, что на три часа объявлена перекличка Гвардии, поэтому каждый обязан явиться на сбор. Гранжье обещал зайти за мной.

В полном соответствии со своим обещанием, он вернулся в два часа вместе с моими товарищами. Увидев меня, они так расхохотались, что из их бедных, потрескавшихся от мороза губ, пошла кровь.

Я приятно удивил их, угостив старым рейнским и маленькими пирожными, которыми нас угостила мадам Жантиль. Она была очень заботлива и делала все, чтобы доставить мне удовольствие. Я поинтересовался её мужем, добавив, что, поскольку он француз, мне было бы исключительно приятно познакомиться с ним и выпить с ним по бокалу вина. Она отвечала, что он уехал на несколько дней, и сейчас далеко отсюда. Вместе с отцом он уехал на Балтику по торговым делам. Муж мадам Жантиль закупал крупные партии фруктов, а потом

доставлял в Санкт-Петербург.[107]

24-е декабря. В три часа мы собрались на большой площади перед дворцом, в котором разместился Мюрат. Я увидел адъютанта майора Рустана, он подошёл и поинтересовался, кто я такой. Я засмеялся.

– Ну и ну! – воскликнул он, – неужели это вы, Бургонь? Черт меня подери! И не скажешь, что вы пришли из Москвы, такой вы большой, толстый и бодрый. А где ваша борода?

Я ответил, что она пропала.

– В таком случае, – ответил он, – я вынужден посадить вас под арест до тех пор, пока она снова не отрастёт.

На этой первой перекличке присутствовало немного людей. Мы были счастливы вновь встретить друг друга, поскольку17-го декабря, в Вирбаллене, едва успели и парой слов перекинуться. Каждый пришёл сюда сам, своей собственной дорогой.

Следующие дни прошли аналогично – каждый день сбор и перекличка. На четвёртый день мы узнали о кончине одного из старших офицеров Молодой гвардии. Он умер от горя, узнав о трагической гибели французской семьи, проживавшей в Москве, которая ушла из Москвы вместе с армией, чтобы быть с ним. Я уже рассказывал о её ужасной судьбе.

29-го декабря я чувствовал себя уже значительно лучше. Лицо приняло прежнюю форму, правая нога пошла на поправку, рука тоже, – а все благодаря мадам Жантиль, заботившейся обо мне, как о ребёнке. Приехал её муж, буквально на пару дней – ему необходимо было встретиться со своим крестным – он руководил отправкой товара в Россию. После нашего ухода торговые связи с этой страной возобновились. Муж мадам Жантиль рассказывал мне, что три года прослужил в Третьем гусарском, но после двух тяжёлых ранений у Данцига, его отправили в отставку по инвалидности. Однако он предпочёл остаться в этой стране и завести дом и семью. Здесь он приобрёл много друзей, а в Шампани – на своей родине, он бедняк – там у него ничего нет.

На следующий день, 30-го декабря, я и Гранжье отправились с визитом к храброму Пикару, который, по словам друзей, сильно заболел. Гренадер, который жил там же, сообщил нам его адрес.

Мы пришли. Какая-то женщина в траурном платье, с меланхолическим выражением лица, показала нам его комнату. Мы прошли длинным коридором до самого конца. Дверь в комнаты Пикара была слегка приоткрыта. Мы остановились, чтобы послушать, как своим глубоким басом Пикар поёт свой любимый куплет из «Cure de Pomponne».

«Ah! tu t'en souviendras, la-ri-ra,
Du depart de Boulogne!»

«Ах! А помнишь ли ты, ла-ри-ра,
Отъезд из Булони!»

(перевод мой. – В.П.)

Нас потряс его вид – лицо белое, как снег, более напоминало маску, чем лицо живого человека. Он рассказал нам о своей болезни, при этом называя себя «салагой» и «старым дураком».

– Слушайте, mon pays, – сказал Пикар, – то, что произошло со мной, для меня – как ружейный залп в лесу 23-го ноября. Я понял, что я вообще уже ни на что не годен. Эта жалкая кампания доконала меня.

– И если, – продолжал он, – если со мной случится нечто ужасное – не вмешивайтесь.

С этими словами он встал, схватил с каминной полки бутылку можжевеловки, достал три чашки, наполнил их и предложил выпить за наше благополучное прибытие.

– Сделаем так, – сказал Пикар, – мы проведём весь день вместе, а вечером я приглашаю вас на ужин.

Тут он позвал женщину, та пришла вся в слезах. Я спросил у Пикара, что с ней, и он рассказал, что сегодня утром похоронили её дядю – старого холостяка, капитана, похоже, очень богатого человека. По этому поводу решили устроить большой поминальный ужин. Пригласили и его, а он пригласил нас – на ужин ожидался жареный фундук. Но потом Пикар решил, что гораздо лучше ужинать у себя в комнате вместо того, чтобы напрасно тратить время в компании плачущих и всхлипывающих

существ, каждый из которых претендует на долю наследства – обычное явление, когда умирает богатый дядя. Он сказал женщине, что он не сможет присутствовать – к нему пришли друзья и, кроме того, он настолько чувствителен, что не нужно сильно стараться, чтобы вызвать у него бурные слезы. При этом он сделал вид, будто плачет. Женщина снова заплакала, а мы – уж больно это комично выглядело – вынуждены были спрятаться за носовыми платками, чтобы не лопнуть от смеха. Добрая женщина подумала, что мы тоже плачем – и тотчас велела накрыть наш стол, добавив, что нас следует обслужить в первую очередь. Потом она ушла, а две служанки принесли нам ужин. Еды было столько, что мы бы и за три дня все это не съели.

Догадаться не трудно – наш обед пошёл очень весело. А вот, когда мы вспомнили наши страдания, погибших и пропавших без вести друзей – вот тогда нам стало грустно.

Время шло, мы по-прежнему курили и пили, когда появилась хозяйка, чтобы сказать, что нас ждут на кофе. Она пошла впереди нас. После очень многих поворотов направо и налево, мы вошли в большой зал. Первым шёл Гранжье, потом я, Пикар замыкал шествие. Мы увидели длинный стол, ярко освещённый несколькими свечами. Вокруг стола сидели четырнадцать женщин разного возраста – все в трауре. Перед каждой стояли чашка, стакан, лежала трубка с длинным мундштуком и табак, потому что в этой стране почти все женщины курят, особенно жены моряков. Оставшуюся часть стола занимали бутылки рейнского и можжевёловой водки.

Пикар ещё не вошёл. Мы полагали, что он не решался появляться из-за своего лица. Но, вдруг, среди женщин возникло какое-то движение – они завопили и уставились на дверь. На пороге стоял старина Пикар, с его белым, похожим на маску лицом, закутанный в плащ того же цвета и в шапке из черно-бурой русской лисицы на голове. Он стоял и совершенно невозмутимо пускал кольца дыма из пеньковой трубки с длинным мундштуком, держа её правой рукой. Шапка и трубка принадлежали покойному. Дело в том, что проходя по коридору, он заметил их на стене в комнате покойного и решил пошутить. Вот женщины и испугались, подумав, что покойный решил вернуться домой. Они упросили Пикара принять в дар шапку и трубку за те слезы, которые он проливал утром перед хозяйкой дома.

Разговоры становились все громче и громче, поскольку все

женщины курили и пили совершенно не по-женски. Вскоре они уже самих себя не слышали.

В самом конце вечера они спели псалом и прочли молитву за упокой души усопшего. Все было спето и прочитано с большим старанием. Мы же просто стояли и молчали.

Потом все разошлись, пожелав нам доброй ночи. Шёл снег, завывал сильный ветер, и мы с Гранжье решили ночевать здесь. Много соломы и тёплая комната – а нам больше и не нужно.

На следующее утро молоденькая служанка принесла кофе. С ней пришла и хозяйка, пожелала нам удачного дня, и спросила, желаем ли мы чего-нибудь. Мы поблагодарили её. Она заговорила со служанкой, а та сообщила, что она совершенно точно знает, что русская армия не более чем в четырёх днях езды отсюда, и что недавно приехавший из Тильзита еврей видел казаков недалеко от Эйлау.

Поскольку я знаю немецкий достаточно хорошо, я услышал, как дама воскликнула: «Боже мой! Что же теперь будет со всеми этими храбрыми юношами?» Я выразил свою благодарность всем добрым немцам за помощь и участие, добавив, что теперь, когда мы накормлены и напоены, мы всем русским просто руки переломаем.

Если мужчины враждебно относились к нам, женщины всегда были на нашей стороне.

Я напомнил Пикару, что следующий день был первым днём нового, 1813-го года, и что я хочу провести этот день у себя дома. Пикар посмотрелся в зеркало и решил, что он тоже придёт. Но он не знал моего адреса, поэтому было принято решение встретиться с ним в одиннадцать часов перед резиденцией Мюрата. А потом мы разошлись по домам, точнее, разъехались, поскольку снега навалило столько, что пришлось искать сани. У меня болела голова, немного лихорадило – таков был результат вчерашнего разгула.

Пока я отсутствовал, мадам Жантиль просто места себе не находила. Служанка не спала до полуночи – она получила приказ ждать меня. Я рассыпался в извинениях, но никак не мог понять, приняты они, или нет. Я сказал, что завтра ко мне на ужин придут двое моих друзей. Мадам Жантиль ответила, что сделает

все возможное, чтобы угодить мне – это означало, что она берет все расходы на себя. Потом она дала мне немного мази от обморожения и пожелала, чтобы я тут же её применил. Я повиновался. О, прекрасная мадам Жантиль! Впрочем, немецкие женщины всегда прекрасно относились к нам.

Всю оставшуюся часть дня я провёл в постели. И большую его часть – в заботе и утешении моей очаровательной хозяйки.

Вечером я начал думать, что бы мне подарить ей на Новый год. Я решил встать пораньше и поискать какого-нибудь еврея. А сейчас я заснул – надо было хорошо отдохнуть и выспаться после вчерашней вечеринки.

1-го января 1813года, в девятый день нашего пребывания в Элбинге, я встал в семь часов утра, а затем посмотрел, сколько у меня денег. Выяснилось, что у меня всего 485 франков – более 400 франков золотом, а остальные – в пятифранковых монетах. Перед уходом из Вильно у меня было 800 франков. Мог ли я как-то потратить 315 франков? Совершенно исключено. Я где-то потерял их, это точно. Но самое удивительное, что я все ещё был достаточно богат, чтобы потратить двадцать или тридцать франков на подарок для моей очаровательной хозяйки.

В тот самый момент, когда я открывал выходную дверь, появилась толстушка Кристина, – та самая, что так усердно мыла меня в ванне. Она пожелала мне счастливого Нового Года, а раз она оказалась первым человеком, которого я встретил, я поцеловал её и дал ей пять франков. Она ушла, заверив меня, что она не скажет мадам, что я её поцеловал.

Я направился в сторону площади. По дороге я заметил двоих солдат, идущих медленно и мучительно, сгибавшихся под тяжестью своего снаряжения и, буквально, валящихся с ног от усталости.

Они приблизились и, к своему великому удивлению, я узнал в них солдат из моей роты, которых не видел с самой Березины. Их вид был настолько ужасен, что я повёл их в гостиницу, чтобы угостить и согреть горячим кофе.

Они рассказывали, что утром 29-го ноября, незадолго до перехода через Березину, их отрядили похоронить несколько погибших накануне солдат нашего полка. А потом они

продолжили свой путь, полагая, что идут за своим полком, но, к несчастью, они пошли за группой поляков, которые решили вернуться в Польшу. Тут они сообразили, что заблудились окончательно.

– Мы думали, нам конец, – говорили они, – целый месяц мы блуждали по чужой, пустынной стране, по колено в глубоком снегу. Мы абсолютно не понимали где мы, и куда надо идти. Деньги оказались бесполезны – мы могли покупать только молоко или сало, отдавая взамен нашу одежду и пуговицы с орлом. Кроме того, у нас было несколько шейных шёлковых платков. Мы были не одиноки – тем же путём шло много солдат из других полков, точно так же как и мы не имеющих представления о том, куда идти. Для поляков нас просто не существовало. Только благодаря счастливой случайности, сержант, мы оказались здесь и невероятно счастливы оттого, что встретили вас.

Я тоже был очень рад видеть их снова – в одной роте мы прослужили четыре года. И тут один из них воскликнул:

– Сержант, а ведь у меня для вас кое-что есть! Помните, когда мы уходили из Москвы, вы доверили мне пакет? Самое время отдать его вам – он никогда не покидал моего ранца.

В пакете лежала шинель из прекрасного тёмно-серого сукна. Её пошили двое русских портных, которым я спас жизнь в Москве, и чернильница – я взял её во дворце Ростопчина, думая, что она серебряная, однако, как потом выяснилось, что нет.

Хорошо начался для меня этот год. Я надеялся, что он окажется таким же удачным и для этого солдата. Я дал ему двадцать франков и тут же надел свою новую шинель.

На том приятные сюрпризы не закончились. Я сунул руку в карман и вытащил из него шёлковый индийский платок, а в одном из его уголков, туго завязанном в узелок, я нашёл небольшую картонную коробочку, в которой лежало пять колечек, украшенных красивыми камнями. Я думал, что давно уже потерял эту коробочку, и вот теперь имел готовый подарок для мадам Жантиль. Более подходящего подарка и быть не могло.

Я велел моим солдатам дождаться переклички, вернуться в свою роту и получить ордер на ночлег, а сам вернулся к себе.

По дороге я купил большой сахарный торт и подарил его хозяйке вместе с кольцом, прося принять его в качестве сувенира из Москвы. Она поинтересовалась, как я приобрёл его. Я отвечал, что заплатил за него большие деньги, и что даже за миллион я не сделал бы такого подарка для другой женщины.

В одиннадцать часов я вернулся на площадь. Собралось немало народа – за последние три дня количество прибывших солдат увеличилось втрое. Можно сказать, что все, кого считали мёртвыми, воскресли, чтобы поздравить друг друга с Новым Годом. Но это было грустное зрелище – у многих отсутствовали пальцы рук, или ног, или нос. Были и такие, которых постигли все три этих несчастья.

Слух о приближении русских подтвердился. Был отдан приказ быть постоянно в полной боевой готовности, держать ружья заряженными, в случае тревоги, в любое время суток, быть готовым явиться на сбор с оружием и в полном снаряжении.

Я почувствовал руку на своём плече и услышал громкий смех – это оказался Пикар, бодрый, румяный и весёлый. Он обнял меня и поздравил с Новым Годом. С другой стороны подошёл Гранжье, сделал то же самое и сунул мне в руку тридцать франков. Мои друзья только что продали наши сани и лошадь за сто пятьдесят франков – это была моя доля. Заметив мою новую шинель, они засыпали меня вопросами, а потом мы отправились ко мне ужинать. Там уже сидели ещё две приглашённые хозяйкой дамы, так что каждому из нас досталось, так сказать, по даме. А потом мы уселись за стол.

Уже было довольно поздно, когда мы начали прощаться. Наш обед закончился так же весело, как и начался.

Одна из дам стоя на крыльце, сказала мадам Жантиль: «Вот черти, эти французы!» А потом добавила: «Всегда веселы и забавны».

На следующий день опять была назначена перекличка. За мной зашёл Пикар, мы пошли вдвоём, а по дороге он рассказал мне, что вернувшись в свою квартиру, он увидел в полном сборе семью своей хозяйки – все они кричали и проклинали покойного дядю. Хозяйка рассказала ему, что из Риги приехала какая-то женщина с мальчиком, лет девяти или десяти. Эта женщина сообщила, что этот мальчик – её сын от покойного г-на

Кеннманна, и именно его он назначил своим наследником. Все помещения необходимо было опечатать. Пикар спросил, собираются ли они опечатать также и винный погреб. Ему разрешили взять несколько бутылок, но только очень осторожно. Он ответил, что возьмёт как можно больше – и вынес из погреба более сорока бутылок и спрятал их в куче соломы в своей комнате. После переклички он собирался разгрузить свой ранец, чтобы наполнить его бутылками. И, в самом деле, через час он вернулся. Пикар сказал, что вино необходимо выпить его как можно скорее, так как все происходящее в городе свидетельствовало о том, что скоро придут русские.

Таким образом, в течение того короткого времени, что мы оставались в этом городе, Пикар каждый день приносил мне вино. Погреб должен быть пуст – так утверждал Пикар. Но в один прекрасный день – 11-го января – он явился рано утром в полном снаряжении и сообщил, что, по его мнению, возвращаться назад и ночевать уже не придётся Он был полностью экипирован и посоветовал мне сделать то же самое, а заодно попрощаться с мадам Жантиль.

Пришёл и Гранжье, тоже абсолютно в полном снаряжении. Он прибыл как раз вовремя, чтобы позавтракать со мной и выпить вина.

На часах было около восьми утра, мы сели за стол. В половине двенадцатого, Пикар осушил свой стакан, вдруг прислушался и сказал:

– Послушайте! Мне кажется, я слышу пушки!

Шум действительно становился все громче, прозвучал сигнал тревоги, солдаты схватили свои ружья. В комнату вбежала Мадам Жантиль и воскликнула:

– Господа, казаки!

– Они сейчас у нас попляшут! – проворчал Пикар.

Я быстро собрался и уже обнимал мадам Жантиль, в то время как Пикар и Гранжье, как истинные солдаты, опорожняли последнюю бутылку. Я выпил свой последний стакан и выбежал на улицу за своими друзьями.

Мы не прошли и тридцати шагов, когда я услышал, что меня зовут. Я обернулся и увидел, как толстушка Кристина машет мне рукой, чтобы я остановился. Мадам Жантиль все ещё стояла на крыльце. Она закричала:

– Вы забыли свой котелок!

Мой бедный маленький котелок, который я нёс от самого Вильно, приобретённый у пытавшегося отравить меня еврея – я и самом деле, о нем совсем позабыл. Я подошёл и ещё раз обнял эту прекрасную женщину, ухаживавшую и заботившуюся обо мне, как о своём брате или ребёнке. Я сказал ей, пусть котелок останется на память обо мне.

– Вы будете кипятить в нем воду, и вспоминать молодого сержанта-велита Императорской Гвардии. Прощайте!

Рёв артиллерии усилился, я снова побежал по улице, теперь уже, чтобы не возвращаться.

На мосту меня с нетерпением ждал Гранжье. Кратчайшим путём мы направились к месту сбора. Но минут через пять мы увидели посередине улицы разъярённого Пикара, державшего пруссака за ногу так, что голова того упиралась в землю. Перед ним стоял патруль, состоявший из четырёх прусских солдат и командира-капрала. Произошло вот что: несколько человек принялись бросать снежки в Пикара, ожидавшего нас у кафе. Пикар пригрозил, что войдёт в дом и всех арестует, но те не унимались, а один из них вышел на улицу и, пристроившись следом за Пикаром, вскинул биллиардный кий на плечо и заорал: «Ур-ра! Казак!» Пикар стремительно обернулся, схватил мерзавца за ногу и держал так, чтобы тот лежал лицом в снегу. Затем Пикар наступил на него правой ногой, приставил к нему штык и, повернувшись в сторону кафе, крикнул остальным, чтобы те выходили, если желают помериться силами.

Потом прибежал патруль. Пикар намекнул хулигану, что, если тот хотя бы шевельнётся – будет заколот штыком. Точно так же он предупредил и тех, кто прятался в кафе. Видя, что ситуация зашла в тупик, патруль вызвал начальника полиции.

Полицейские абсолютно не напугали Пикара. Он выглядел, как лев, крепко держащий в когтях свою добычу и гордо посматривающий на охотников. Пикар пока ещё не заметил нас,

начальник полиции трясся от страха. Какая-то женщина сказала:

– Он прав – он шёл себе спокойно, а эти начали его дразнить.

Наконец, протестантский священник, который видел все с самого начала (кроме того, он мог говорить по-французски), вышел вперёд и рассказал начальнику полиции все подробности происшествия. Выслушав, начальник полиции сказал Пикару, что теперь он может отпустить этого человека – правосудие на его стороне. Пикар сказал: «Вставай!» Дважды повторять не пришлось.

Когда тот встал на ноги, Пикар отвесил ему хорошего пинка со словами: «А вот это моё собственное правосудие!» Держась рукой за ушибленное место, под смех и улюлюканье, хулиган-неудачник бежал прочь.

Между тем, начальник полиции потребовал штраф в размере двадцати пяти франков от всех тех лиц, которые оскорбляли Пикара, включая и ушибленного. Половину суммы он положил в свой карман.

– Для короля, – сказал он, – и для возмещения расходов правосудия.

Другую половину он отдал Пикару – он сначала отказывался, но, подумав, отдал половину суммы полицейским, а другую половину – протестантскому священнику, со словами: «Если вы когда-нибудь встретите жену старого солдата, передайте ей это от меня». Нам пришлось объяснить полицейским, что Пикар имел в виду, ибо они никак не могли понять причин такого солдатского бескорыстия. Полицейские осыпали Пикара похвалами, даже начальник полиции сказал несколько комплиментов. Мы продолжили наш путь. Гранжье отпускал едкие замечания о прусских нравах, а Пикар напевал:

«Ah! tu t’en souviendras, la-ri-ra,
Du depart de Boulogne!»

«Ах! А помнишь ли ты, ла-ри-ра,
Отъезд из Булони!»

(перевод мой. – В.П.)

Мы вышли на площадь и увидели целый полк чернокожих солдат, расположившийся напротив дворца Мюрата. На фоне заснеженной площади выглядели они довольно комично. Командовал ими такой же чернокожий офицер. Не знаю, по какой дороге они отступали, но думаю, что они направлялись через Вислу в Мариенвердер.

Грохот пушек прекратился. Русских отбили свежие части, не участвовавшие в Русской кампании. Небольшой порции картечи вполне хватило, чтобы уничтожить их кавалерию.

Из-за огромного количества грузовых фургонов, принадлежащих разным подразделениям, колонна шла медленно и, наконец, остановилась. Поскольку в данный момент мы находились недалеко от квартиры Пикара, он воскликнул: «Стойте, друзья! Я должен попрощаться со своей хозяйкой, забрать свой белый плащ, трубку и шапку покойного моряка, а кроме того, ещё несколько бутылок вина, спрятанных в моей комнате – мы обязательно должны опустошить их.

Мы вошли в дом и прошли прямо в его комнату. В коридоре не было ни души. Пикар достал пять бутылок – две вина и три – можжевёловой водки. Он сказал, чтобы мы взяли по одной – приказ был выполнен молниеносно. Затем он позвал хозяйку.

– Позвольте мне обнять вас, – сказал Пикар, – и сказать adieu – мы уходим.

– Я так полагаю, – сказала она, – что едва вы уйдёте из города, как придут эти грязные русские и займут ваше место. Печально! Но прежде чем вы уйдёте, я дам вам чего-нибудь. Вы не можете уйти вот так.

Она принесла две бутылки вина, ветчину и хлеб, и мы сели за стол.

Вдруг, уже совсем близко грохнули пушки. Женщина вскрикнула: «Иисус! Мария!», а мы выбежали из дома.

Я немного опережал своих товарищей. В нескольких шагах впереди, я увидел человека, показавшегося мне знакомым. Он остановился, я подошёл и убедился, что не ошибся – это был самый старый солдат нашего полка, вооружённый ружьём и саблей, с Крестом Почёта на груди – тот, кого не видели с 24-го

декабря – отец Эллиот, ветеран Египетской кампании. Выглядел он ужасно – обмороженные ноги обёрнуты кусками овчины, уши тоже, с бороды и усов свешивались сосульки. Я был так поражён, что вижу его, что некоторое время не мог говорить. Наконец я сказал:

– А вот и вы, отец Эллиот! И где только вас черти носили? А как вы одеты! Вам, кажется, пришлось несладко.

– Ах, мой добрый друг, – отвечал он, – я – солдат целых двадцать лет, и я никогда не плакал, но мои слезы сегодня – это слезы не от горя, а от ярости, что претерпев столько невзгод из-за этих скотов казаков, я не в состоянии им отомстить. После Немана я четыре недели блуждал по дикой чужой стране, утопая в снегу, не имея никаких известий о нашей армии. Со мной было двое друзей – один умер неделю назад, а второй, скорее всего, тоже мёртв. Четыре дня назад я вынужден был оставить их в доме бедных поляков, где мы тогда ночевали. С тех пор, как я ушёл из Москвы, я прошёл более четырёхсот лье по снегу, без отдыха, отморозил ноги, руки и даже нос.

В глазах старого солдата стояли слезы.

Наконец подошли Пикар и Гранжье. Гранжье мгновенно узнал отца Эллиота – они служили в одной роте, но Пикар, хотя и был знаком с ним семнадцать лет,[108] никак не мог его вспомнить.

Мы вошли в ближайший дом, встретили нас очень доброжелательно. Дом принадлежал семье старого моряка, а эти люди, как правило, очень любезны.

Пикар усадил своего старого товарища у печи. Затем он вынул из одного из карманов шинели бутылку вина и наполнил большой бокал.

– Ну, мой старый товарищ из 23-й бригады, выпейте это! Хорошо! Ещё! Отлично! А теперь кусок хлеба, и вы сразу почувствуете себя лучше.

От самой Москвы отец Эллиот не пил вина, не ел хлеба, а теперь, похоже, теперь все его беды ушли в прошлое. Жена моряка умыла его с помощью куска льняной ткани, смоченной в тёплой воде – это растопило сосульки на бороде и усах.

– А теперь, – сказал Пикар, – немного поболтаем. А вы помните день отплытия в Египет из Тулона?…

Тем временем, Гранжье вышел, чтобы узнать, возобновилось ли движение, а потом вернулся и сообщил, что у дверей остановился большой фургон, везущий багаж Мюрата. Прекрасный шанс для отца Эллиота. Он непременно должен успеть сесть в этот фургон.

– Вперёд! – закричал Пикар, и с помощью моряка мы быстро посадили в фургон старого сержанта.

Пикар сидел, закутавшись в белый плащ, зажав бутылку между колен. Вскоре мы двинулись в путь и через полчаса покинули Элбинг.

В тот же день мы перешли замерзшую Вислу. До четырёх часов вечера шли дальше без всяких приключений, а потом остановились в большом городе, где согласно приказу маршала Мортье, который командовал нами, мы должны были переночевать.

* * *

Я бы никогда не написал эти мемуары из тщеславия или желания поговорить о себе. Главная моя цель – освежить память об этой гигантской и трагической кампании, рассказать о моих друзьях и боевых товарищах, переживших её вместе со мной. Их ряды, увы! – редеют с каждым днём. События, описанные мной, могут показаться невероятными, некоторые – просто невозможными, но, тем не менее, это – правда, и я не предпринимал никаких попыток приукрасить рассказ, чтобы сделать его более интересным. Иными словами, я прошу моих читателей поверить в то, что я не упоминаю о тех фактах и событиях, в реальности которых сильно сомневаюсь. К тому же надо учесть, что этот дневник я начал в 1813 году, когда я был взят в плен и сидел в тюрьме, и продолжал в 1814 году, уже после освобождения – именно в тот период времени, когда впечатления от этих бедствий были так свежи в моей памяти.

О тех, кто прошёл через эту печальную, но славную кампанию, Император сказал, что эти люди, должно быть,

сделаны из железа, если смогли вынести столько страданий. Таким испытаниям до сих пор не подвергался ни один человек.

Считаю своим долгом подчеркнуть, что если я не указал дату или название какого-нибудь места, это значит, что я сомневался в их правильности.

Я описал некоторых очевидцев и участников этой кампании – я служил с ними в одном полку, а с некоторыми и в одной роте. Все они до сих пор живы и здоровы. Вот их имена:

Г-н. Серрарис – гренадер-велит, теперь фельдмаршал на службе короля Голландии, родом из Сан-Николя в Брабанте. Он был лейтенантом в той же роте, в которой я тогда был сержантом.

Росси, квартирмейстер нашей роты, уроженец Монтобана. В 1830 году я имел удовольствие встретиться с ним снова в Бресте. Мы не видели друг друга шестнадцать лет.

Вашен[109] – лейтенант нашего батальона, сейчас живёт в Озене (Северный департамент). Я увидел его снова спустя двадцать лет.

Лебуд, тогда сержант – майор, а теперь генерал-лейтенант, живёт в Бельгии. Мы служили в одном батальоне.

Гранжье, сержант, родом из Пюи-де-Дом (Овернь). Мой самый близкий друг. Он не раз спасал меня от смерти. Он был маленьким и щуплым, но его мужества хватило бы на целую армию. Он скончался от холеры в 1832 году.

Пьерсон, тоже сержант-велит, теперь капитан, служит в штабе в Анже.[110] Внешне он некрасив, но хороший парень, как и все велиты. Такого лица как у него нет ни у кого – он очень выделялся среди других. Стоило посмотреть на него один раз, чтобы запомнить навсегда. В качестве подтверждения, что это действительно так, расскажу одну историю.

– В начале этой кампании, когда мы стояли в Вильно – столице Литвы – Пьерсона назначили в наряд. Это было 4-го июля – для выпечки хлеба было организовано строительство больших печей. Сам Император лично пришёл посмотреть, как идёт работа. Пьерсон подумал, что надо воспользоваться таким случаем, чтобы попросить о награде и, подойдя к Его Величеству,

изложил ему свою просьбу. «Очень хорошо, – ответил Император, – после первого боя!» Потом Пьерсон участвовал в осаде Смоленска, в Великой битве под Москвой, а также в нескольких стычках во время отступления. Но вот во время этого катастрофического отступления, у него не было никакой возможности напомнить Императору о его обещании. И вот наступило 16-е марта 1813 года – в этот день, в Мальмезоне был назначен смотр – и у Пьерсона появился, наконец, шанс напомнить Императору о данном им обещании. Он подошёл к Императору, и тот спросил его, чего он хочет.

– Sire! – ответил Пьерсон, – я хочу крест. Ваше Величество дали мне обещание.

– Правда, – ответил Император, улыбаясь, – в Вильно, во время работ!

С тех пор прошло целых десять месяцев. Человека с таким лицом, конечно, забыть невозможно, но все же, какая исключительная память была у нашего Императора!

Я назову ещё несколько имён:

Г-н Пеньо, из Валансьена, начальник Императорской почтовой службы – он вынес меня, полумёртвого, на берег Березины.

Г-н Миле, драгун Гвардии, которого я часто встречал во время отступления. Он вёл свою лошадь, и пробивал отверстия во льду озёр, чтобы дать ей напиться. Он был родом из Конде, мой земляк. Без всякого преувеличения его можно назвать одним из лучших солдат армии. До своего прихода в Гвардию Миле уже имел опыт Итальянской кампании. С тем же оружием и на той же лошади он участвовал в походах 1806 и 1807 годов в Пруссии и Польше, 1808 году – в Испании, в 1809-м – в Германии, 1810 и 1811 годы – в Испании, 1812-й – в России, 1813-й – в Саксонии, и 1814-й – во Франции.

После ссылки Императора на остров Эльба Миле остался в Королевской Гвардии, ожидал выхода на пенсию, заботился и ухаживал за своей лошадью. По возвращении Императора с Эльбы, в битве при Ватерлоо он снова сражался в корпусе Императорской Гвардии. Он был ранен, а его лошадь погибла – лошадь, которая прошла через столько кампаний с его хозяином,

и приняла участие в более чем пятнадцати великих сражениях, которыми командовал Император.

Если бы Император остался во Франции, этот храбрый солдат получил бы достойное вознаграждение. Несмотря на то, что он кавалер ордена Почётного легиона, он сильно нуждается. Во время отступления из России Миле иногда проникал по ночам в лагерь противника, чтобы добыть сена или соломы для Каде – так он звал свою лошадь. Он никогда не возвращался, не убив одного или двух русских, или приводил того, кого он назвал «свидетелем», иначе говоря, пленника.

Монфор, солдат, теперь отставной офицер-кирасир, живёт в Валансьене. Хотя он мой земляк и тоже служил в Императорской Гвардии, я знал его только по рассказам о его доблести и мужестве, о его героизме, который он проявил в битвах Испанской кампании. В России он на лошади, по льдинам пересёк Березину. Тем не менее, позже ему пришлось оставить лошадь. При Ватерлоо, на горе Сен-Жан, во время стычки с английскими драгунами[111] он убил их полковника сильнейшим ударом сабли в грудь, отправив того отужинать с Плутоном.

Паварт, отставной капитан из Валансьена, во время Русской кампании служил в пехоте Императорской Гвардии. Вот одна из его интересных историй, которая случилась с ним во время Русской кампании.

Во время отступления, в Красном, в течение трёх дней, с 15-го по 17-е ноября мы сражались со стотысячной русской армией. В ночь с 16-го на 17-е, Паварт, тогда ещё капрал, был назначен командиром патруля состоявшего из шести человек. Вдруг, справа, он увидел ещё один патруль – в нем было пятеро. Полагая – и, действительно, на то были все основания, – что это свои, он сказал своим людям:

– Ждите меня здесь. Я скажу им, что нужно идти вместе и избегать русских форпостов.

Первый солдат, с которым он заговорил, застыл, как вкопанный, а Паварт пошёл к другому солдату. Тот, увидев, что к нему идёт человек, причём совершенно один, без сомнения, подумал, что это кто-то из своих. И только сейчас Паварт сообразил, что это русские. Отступать было слишком поздно. Паварт действовал решительно. Не дав русским времени

опомниться, он бросился в атаку и тут же заколол штыком троих. Остальные сбежали. После этого отважного поступка он отправился назад к своим людям, а те уже спешили к нему на помощь.

Вилькес, унтер-офицер линейного полка, уроженец Валансьена, попал в плен на берегу Березины. Провёл три года в тюрьме, в 1400-х лье от Парижа.

У капитана Вашена, о котором я рассказывал ранее, в Испании состоялась весьма оживлённая дискуссия с сержантом-майором моей роты, закончившаяся дуэлью и резаной раной, разделившей лицо моего сержанта-майора надвое – от верхней части лба, до нижней части подбородка. Вашен мужественно сражался во всех стычках с австрийцами, пруссаками, испанцами, русскими и англичанами, он воевал десять лет подряд и принимал участие в более чем двадцати великих битвах под личным командованием Наполеона.

В тот день, когда состоялась битва при Эсслингене, 22-го мая 1809 года, на боку у Вашена висела фляга с вином. Один из его друзей, такой же унтер-офицер, как и он, знаком дал ему понять, что он хотел бы выпить. Вашен крикнул, чтобы тот подошёл ближе и повернулся к нему той стороной, где висела фляга с вином. Все это происходило во время битвы, повсюду летали пули и картечь. Бедняга едва успел сделать глоток, как подлая австрийская пуля насквозь прошла через его голову и фляжку с вином.

Двумя днями ранее они вместе обедали в Вене и договорились, что если одного из них убьют, второй заберёт себе в качестве подарка часы, ремень, etc. Но у Вашена не было никакого желания выполнять условия этого договора. Он отступил назад и вернулся в строй, полагая, что ему очень повезло, что его не убило той же пулей, но в то же время он прекрасно понимал, что ещё не вечер – уж очень жаркая была тогда битва. В тот день ранили и меня.

А вот и ещё кое-кто из старых солдат, каждого из которых я знаю лично. Они тоже внесли свой вклад в эту славную и страшную Русскую кампанию:

Г-н Буи, отставной капитан из Валансьена и местный уроженец, кавалер ордена Почётного легиона.

Урэ, отставной капитан из Валансьена, и местный уроженец, кавалер ордена Почётного легиона.

Пьет, младший лейтенант, Валансьен.

Легран, экс-фузилер-гренадер Императорской Гвардии, кавалер ордена Почётного легиона.

Фукар старший по казарме, был ранен и взят в плен, кавалер ордена Почётного легиона.

Изамбер, бывший унтер-офицер Гвардии, кавалер ордена Почётного легиона.

Пети, су-лейтенант Молодой Гвардии.

Можар, экс-инженер в отставке, живёт в Конде, кавалер ордена Почётного легиона.

Буке, Конде.
Бургонь,
Экс-гренадер-велит Императорской Гвардии, кавалер ордена Почётного легиона.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

notes

Примечания

1

В бедро и в шею. Пулю, застрявшую в верхней части бедра, не смогли извлечь. В последние дни его жизни она спустилась на расстояние 12 сантиметров выше ступни.

2

Около 14˚ ниже нуля по Фаренгейту

3

«Так как Императора уже не было во Франции, говорит он в примечании к мемуарам, то я и подал в отставку».

4

Бургонь женился в Конде, 31 августа 1814 г. на Терезе Демар. После её смерти в 1822 г. он вступил во вторичный брак с Филиппиной Годар, родом из Турне.

5

В той же заметке говорится: «В 1830 году при возрождении трёхцветного знамени, я опять поступил на службу».

6

У Бургоня было трое братьев и сестра, из которых он был старшим: Франсуа, профессор математики в Колледже Конде; Фермен, умер молодым; Флоранс вышла замуж за пивовара; Луи Флоран, доктор медицины Парижского Университета, умер в 1870 году Мари Франсуаз Монье, их мать, родилась в Конде в 1764 году.

7

Мы нашли письма г-на де Ватимениля в личном портфолио Бургоня в Военном Архиве.

8

Мы приводим здесь заимствованный из воспоминаний список важных сражений, в которых принимал участие Бургонь: Иена, Пултуск, Эйлау, Фридланд, Эйлсберг, Эсслинг, Ваграм, Сорно-Сьерра, Беневент, Смоленск, Москва, Красное, Березина, Люцен и Бауцен. «Я могу добавить, – сказал он, – более двадцати небольших встреч и других стычек».

9

Мемуары Бургоня появились полностью впервые в Nouvelle Revue Rétrospective, которая в течение последних четырнадцати лет осуществила ряд публикаций документов по истории нашей страны.

10

Франкфурт был утверждён Великим Герцогством Наполеоном в 1806 году, в знак расположения к Курфюрсту Майнцкому.

11

Мариенвердер (Marienwerder) – в настоящее время Квидзын (Kwidzyn), Польша. – Прим. перев.

12

Вильно – теперь Вильнюс, столица Литвы. – Прим. перев.

13

Большой бельгийский город, в семи километрах от Конде, хорошо посещаемый туристами и паломниками.

14

Рустан – Рустам Раза (1782,Тифлис – 7 декабря 1845, Дурдан) – мамелюк, телохранитель и оруженосец Наполеона. – Прим. перев.

15

«Combien sont-ils? Combien sont-ils?
Quel homme ennemi de sa gloire
Peut demander! Combien sont-ils?
Eh! demande ou sont les perils,
C’est la qu’est aussi la victoire!»

Это точные слова третьего куплета песни «Роланд в Ронсевале» (слова и музыка Руже де Лиля).

16

Дюмулен, умер от лихорадки в Москве. – Прим. автора.

17

Гжатск – теперь Гагарин, Россия. – Прим. перев.

18

Здесь в тексте опечатка – «General Miaut's division». Такого генерала не существовало. Во французском издании указан генерал Фриан, что соответствует исторической правде. – Прим. перев.

19

Один из моих друзей, капитан велит Сабатье, командовал вольтижёрами. – Прим. автора.

20

Подпись Бургоня в конце этой главы показывает, что он считал её своеобразным введением.

Лье – примерно, 4,4 км. – Прим. перев.

Тверская площадь. – Прим. перев.

23

В английском издании – «freebooters» – «мародёры», а в французском тексте – «des maraudeurs de l'armée» – «армейские мародёры». – Прим. перев.

24

Позже я узнал, что это действительно был генерал Пернетти, командир артиллеристов Императорской Гвардии. – Прим. автора.

Пье (pied) – примерно 32,5 см. – Прим. перев.

Пушкинская площадь. – Прим. перев.

27

Наши солдаты в шутку называли разграбление города – «Foire de Moscou» («Московская ярмарка»). – Прим. автора.

«Houra!» («Ура!») – означает «Вперёд!» – Прим. автора.

Так в оригинальном тексте. – Прим. перев.

30

Здесь необходимо сказать, что мы открывали двери между нашими квартирами и остальным помещением роты. – Прим. автора.

31

Я забыл сказать, что внутри большого креста Ивана Великого ещё находился маленький – из чистого золота, около пье длиной. – Прим. автора.

Пус (pouce) – примерно 2,7 см. – Прим. перев.

33

Во время войны по армии ходили слухи, что мы должны были дойти до Монголии и Китая и захватить там английские владения. – Прим. автора.

Этого офицера звали Леультер. – Прим. автора.

Сержантом Гранжье. – Прим. автора.

36

Его звали Гиньяр, он был родом из Конде. – Прим. автора.

37

Его звали Гиньяр, он был родом из Конде. – Прим. автора.

Деревня Михайловка. – Прим. автора.

39

Сержант – велит того же полка, что и я – фузилеров-гренадеров. – Прим. автора…

40

Белок был одним из моих друзей, сержант – велит, как и я. – Прим. автора.

41

Болье был из Конде, Валансьен, мой земляк. После моего освобождения в 1814 году, его сестра, мадам Васт (Mme Vast), сообщила мне, что её несчастный брат был убит пулей в Дрездене. – Прим. автора.

Корытня – небольшая деревня. – Прим. автора.

43

Теперь город Красный, Смоленская область. – Прим. перев.

Теперь город Красный, Смоленская область. – Прим. перев.

45

Полковник Люрон. – Прим. автора.

Он состоял на службе в русской армии.

47

Берёзы в России достигают огромной высоты. – Прим. автора.

«Добрый француз!» («Bon Français!») – Прим. автора.

49

Кроме маленького кусочка, который дал мне Гранжье в Смоленске, 12 ноября. – Прим. автора.

50

Польского корпуса под командованием генерала Домбровского, не было в Москве. Он шёл только сейчас через Борисов, чтобы отрезать русских от моста через Березину. – Прим. автора.

51

Пикар был одним из лучших стрелков Гвардии. В лагере во время учебных стрельб, он всегда получал призы. – Прим. автора.

52

Я до сих пор храню эту чашечку, дома, под стеклянным колпаком, вместе с небольшим серебряным крестом, найденным в склепе церкви Святого Михаила, в гробнице русских царей. – Прим. автора.

53

Император Австрии.

54

Пикар знал о предательстве Австрии, а теперь и я узнал об альянсе, созданном против нас. – Прим. автора.

55

Битва при Прейсиш-Эйлау началась 7 февраля 1807 года, утром. Накануне, мы ночевали на равнине, в четверти лье от города. Равнина была покрыта снегом и трупами солдат арьергарда, атакованного до нашего прибытия. С рассветом Император приказал нам двигаться вперёд. Это было очень тяжело, мы шли через пашню, и снега был по колено. Он разместил Гвардию недалеко от города: часть возле кладбища, а часть на озере, в 50-ти шагах. От ударов ядер и бомб лёд на озере покрылся трещинами, и те, кто были там, рисковали утонуть. Весь день мы держали позицию, по колено в снегу, и половина наших погибла от картечи и осколков. Русских было вчетверо больше, плюс ещё одно преимущество – яростный ветер со снегом и пороховым дымом, дувший в нашу сторону. До семи часов мы держали позицию возле кладбища, а в три часа дня наш полк отправили на озеро в качестве подкрепления. Всю ночь и во время боя шёл сильный снег. В тот день я отморозил свою правую ногу, и вылечить её удалось только в Финкештейне, незадолго до сражений при Эслинге и Фридланде. – Прим. автора.

«Nima» – на польском и литовском означает «Нет», или «Совсем нет». – Прим. автора.

57

«Матушка Кусочков» – старушка, которая приходила в шесть часов утра в казармы в Курбевуа, и продавала нам за 10 сантимов кусочек колбасы длиной около шести пусов. Мы закусывали им каждый день перед учениями, а ещё за 10 сантимов пили сюренское вино, чтобы продержаться до десятичасового супа. Какой велит или старый гренадер Гвардии не знает «Матушки Кусочков»? – Прим. автора.

58

Место, где старые гренадеры Гвардии назначали свидания и танцевали. – Прим. автора.

59

Эту песню сочинили в 1805 году перед отъездом из лагеря в Булони, в Австрию, на битву при Аустерлице. – Прим. автора.

Лошадь. – Прим. автора.

61

В Польше, Литве, и России выбирают большое дерево и, примерно в десяти пье от земли, делают в стволе отверстие около пье глубиной и столько же в диаметре. Здесь пчелы хранят свой мёд, его часто крадут медведи, которых очень много в этих лесах. Часто такой улей становится ловушкой для медведя. – Прим. автора.

62

Понтонёры и сапёры спасли нас, ведь именно они построили мосты через Березину. – Прим. автора.

63

Они шли, склонив головы, опустив глаза, почти ничего не видя. Мороз и дым бивуачных костров сильно подпортили их зрение. – Прим. автора.

Гранжье и Лебуд. – Прим. автора.

Генерал Эбле. – Прим. автора.

Этот второй мост сломался вскоре после этого, как по нему пошла артиллерия. Очень многие погибли. – Прим. автора.

67

На девушке и её матери были барашковые шапки. – Прим. автора.

68

У входа на мост берег был топким и покрытым толстым слоем ила, множество лошадей увязло в нем и погибло. Многие из тех, кто нёс на себе других к мосту, обессиленные, увязали тоже, а их самих затоптали идущие следом. – Прим. автора.

69

Впоследствии я узнал, что этому сержанту удалось вернуться во Францию. У него было много денег, и какой-то еврей доставил его до Кёнигсберга. Но, приехав во Францию, он сошёл с ума и пустил себе пулю в лоб. – Прим. автора.

70

Так погиб Легран, брат доктора Леграна из Валансьена. Он был ранен при Красном, но, всё-таки, дошёл до Березины. Сразу же после описанной мной сцены, и пока русские обстреливали мост, мне сказали, что его смертельно ранили, до того, как он упал в воду вместе с повозкой. – Прим. автора.

71

Деревня Камень – теперь агрогородок Камено, Беларусь. Находится на пути между Зембином и Плещеницами. – Прим. перев.

Лебуд. – Прим. автора.

73

Это были трупы самых первых несчастных, перешедших через Березину. Наверное, выпив слишком много этого дьявольского пойла, к которому они не были привычны, многие из них погибли. – Прим. автора.

Бренице – теперь Бениця, Беларусь. – Прим. перев.

Предположительно, Ошмяны. – Прим. перев.

Многие утверждали, что было тридцать или тридцать два градуса. – Прим. автора.

Ковно – теперь Каунас, Литва. – Прим. перев.

8

Позднее, когда я встречался с генералом Фуше, я напомнил ему об этом случае в Вильно, и он рассказал мне, что после нашего ухода его чуть не убили люди из этого дома, пытаясь заставить заплатить за хлеб, который мы унесли. – Прим. автора.

79

Дебонне из Конде. Впоследствии погиб при Ватерлоо. – Прим. автора.

80

Сержант Добантон – ветеран, участник Итальянской кампании. – Прим. автора.

81

Понари – Понарская гора – горный массив в трёх километрах юго-западнее Вильнюса по дороге в Каунас. – Прим. перев.

82

Виссон – тончайшая ткань, белая, иногда золотистая. Неоднократно упоминается в исторических источниках, в Библии. Возможно, изначально виссоном называлась именно льняная или хлопчатобумажная ткань. – Прим. перев.

83

Наполеондор – французская золотая монета в 20 франков. Выпускалась во Франции в качестве средства оплаты с 1803 по 1914 год. – Прим. перев.

Жижморы – теперь Жежмаряй, Литва. – Прим. перев.

85

Суд занимал один из множества средневековых замков Испании. – Прим. автора.

Этот монастырь я посещал 20-го июня во время перехода через Неман. – Прим. автора.

87

«Jaunets» – «Желтячок» – Золотая монета (на разговорном французском). – Прим. перев.

88

Егерь сопровождает свои слова жестом в виде отогнутого большого пальца, означающим крайнее неуважение и непристойное предложение. – Прим. перев.

89

Я узнал, что Мари все ещё жива, кавалер ордена Почётного легиона, награждена медалью Святой Елены. Она живёт в Намюре. – Прим. автора. Бургонь умер в 1867 году.

90

Вирбаллен (Wirballen) – теперь Вирбалис, Литва. В оригинальном тексте опечатка – Wilballen. Возможно, ошибка переписчика. – Прим. перев.

91

Boucsin («Буксин») – на солдатском жаргоне означает «шум», «шумный». Здесь прозвище барабанщика является его настоящим именем. – Прим. автора

92

Полковник Ришар из Конде, офицер в отставке, был одним из них. Впоследствии мы с ним часто вспоминали этот случай. – Прим. автора.

Гумбиннен (Gumbinnen)◦– в настоящее время Гусев, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

Этот казак, чьё лицо сержант разрубил саблей, был одним из тех, которых я видел в лесу, и тем, кого перебинтовывали его товарищи. – Прим. автора.

95

Артиллерист ошибался, назвав такое количество казаков, потому что один из моих друзей, который был там тогда, сообщил, что казаков было не более двухсот пятидесяти. Вероятно, это были те казаки, упомянутые старостой в разговоре с братьями. – Прим. автора.

Элбинг (Elbing) – в настоящее время Эльблонг (Elbląg), Польша. – Прим. перев.

Даркемен (Darkehmen) – в настоящее время Озёрск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

8

Это мамлюка звали Анжелис, мы познакомились в Испании. Он был одним из мамлюков, которых Император привёз из Египта; лишь немногие из них сумели выжить в этой ужасной кампании. – Прим. автора.

Велау (Wehlau) – теперь Знаменск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

100

Инстербург (Insterburg) – в настоящее время Черняховск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

101

Эйлау, точнее, Прейсиш-Эйлау (Preußisch Eylau) – в настоящее время Багратионовск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

102

А кроме того, ещё 590 унтер-офицеров и солдат. – Прим. автора.

103

Гейльсберг (Heilsberg) – теперь Лидзбарк-Варминьски (Lidzbark Warmiński), Польша. – Прим. перев.

«О времена, о нравы» (фр.). – Прим. перев.

105

Фридланд (Friedland) – в настоящее время Правдинск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

106

Данциг (Danzig) – теперь Гданьск (Gdańsk), Польша. – Прим. перев.

107

Этот фрукты поставлялись из Турне (Бельгия). – Прим. автора.

С Итальянской кампании. – Прим. автора.

109

Умер в Валансьене в 1856 году. – Прим. автора.

То есть, в 1835 году, когда я редактировал и приводил в порядок свои мемуары. – Прим. автора.

111

Личная собственность Королевы.